

Что происходит с современным институтом власти?

Почему власть и общество всегда находятся во внутреннем противоречии?

Какой должна быть современная власть, чтобы решать современные сложные и во многом неординарные проблемы?

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС ИНСТИТУТА ВЛАСТИ

КРАСНОЯРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
СОВРЕМЕННЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ТЕХНОЛОГИИ ПРИ СИБГТУ

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС ИНСТИТУТА ВЛАСТИ

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС ИНСТИТУТА ВЛАСТИ

Монография

Красноярск 2011

ББК 71
Г 547

КРАСНОЯРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ СИБГТУ

Ответственный редактор выпуска В.Ю. Колмаков

Г 547 Глобальный кризис института власти: Коллективная монография / отв-ред. В.Ю. Колмаков. – Красноярск: «Литера-принт», 2011. – 228 с.

Основные проблемы, рассматриваемые в коллективной монографии «Глобальный кризис института власти», касаются таких вопросов, как механизм формирования кризисных ситуаций; возникновение кризисных явлений в различных социальных сферах; ментальный и организационный кризис власти.

Адресована научным работникам, аспирантам, студентам, всем интересующимся современными проблемами политики и права

ББК 71

© Красноярское отделение российского философского общества, 2011

© Исследовательский центр современных гуманитарных технологий при СибГТУ, 2011

Введение

XXI век – эпоха глобальных кризисов. Время, которое породит множество кризисных ситуаций, и их решение необходимо будет искать в условиях жёсткого лимита средств и времени, возможностей и новых опасностей. Глобальный кризис – вызов XXI века. Один из кризисов есть кризис власти, и он по своей сущности является центральным, существенным, определяющим множество других кризисов, порождаемых по законам «дерева решений». Без решения этого центрального, можно сказать, матричного кризиса все остальные неразрешимы по исходному определению. И вместе с тем, надеюсь, всем понятно – система, которая не является эффективной по своей организации и управлению, не способна разрешать все другие кризисные ситуации

Глобальность как фактор развития подчиняет своей логике развитие многих социальных явлений. В этой ситуации рождается феномен глобального кризиса института власти, то есть той власти, которая возникает даже не силу желания кого-то конкретно создать орган глобального управления, а в силу того, что возникает функция, которая должна кем-то исполняться. Системность кризисного процесса, умноженная на количество элементов, задействованных в нём с учётом корреляции сложности этих элементов, определяет сложность его протекания. Из этого положения будем исходить, чтобы понять новые, трансграничные отношения, в рамках которых протекает процесс, описание которого не подходит под старые теоретические парадигмы.

Государство как контур управления теряет свою эффективность. При этом возникающая информационно-глобальная цивилизация проявляет свои новые, особенные по сравнению с предыдущими периодами, отношения. По-

этому одним из важнейших аспектов данной системы становится право, как важный комплекс регулирующих отношений. Необходима качественно новая система права, способного играть эту действительно регулиующую роль в системе новой реальности, в системе цифровой цивилизации, устраняя при этом конфликты и увеличивая степень порядка и организации. Кризис – финансовый, экономический, политический, управленческий, идеологический – показал, как может быть дестабилизирован глобальный мегасоциум.

Данная проблема, на наш взгляд, имеет чрезвычайно важное значение. Она должна быть исследована и проанализирована современными теоретическими средствами, усилиями всех тех, кто способен внести позитивный вклад в её разрешение.

В.Ю. Колмаков

МЕНТАЛЬНЫЙ КРИЗИС ВЛАСТИ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

В.Ю. Колмаков

Ментально-глобальные механизмы лежат в основе управления. Попробуем собрать воедино и представить как нечто целостное то, что можем на сегодняшний день рассматривать как уровень современного понимания процессов ментальности. Исходно важно понять: как можно рассмотреть ментальные механизмы, вплетённые во внутреннюю структуру современных социальных процессов наиболее широкого уровня актуальности и влияния на характер складывающихся процессов? По-видимому, для этого необходимо представить современный уровень понимания ментальной системы взаимодействий, возникшей в современном мире. При этом важно определить ментальность как объект исследования, и затем эта определённая может быть уточнена. Ментальность – неотделимая часть всего происходящего в мире, и невозможно понять сущность происходящего только как экономический аспект. Смысловая содержательность ментальных процессов не всегда совпадает с осознаваемой плоскостью, воспринятой реальностью.

Мегагосударство и метагосударство

Мегагосударство возникает в результате объединения отдельных государств в единое целостное политическое образование. Метагосударство – это то явление, которое приходит на смену узконациональным государствам. Можно констатировать, что происходит формирование нового механизма метагосударства. Возникает некий мегасо-

циум, которому соответствует неосемантиум. Информационное общество и человек цифровой цивилизации оказываются вовлечёнными в сложную систему отношений различного уровня и степени сложности. Большинство этих отношений не видится и не фиксируется без достаточного уровня осведомлённости, профессионального знания и системной подготовки.

Надгосударственные структуры управления возникают в результате необходимости закрытия новых сфер отношений, которые ранее, может быть, не были настолько реальными, чтобы возникала особая необходимость для их рассмотрения в качестве реальных. Но вот, тем не менее, такая реальность стала достаточно значимой, чтобы быть рассмотренной в качестве той управленческой реальности, действия в рамках которой должны быть определены особым образом. Уровень надгосударственных отношений и соответственно область регуляции действий в данной сфере, естественно, существовали всегда, но в данной сфере более всего проявляли свои действия дипломаты и шпионы, некие негосударственные структуры. И действительно, любую сферу деятельности между какими-либо государствами, где государства ещё не установили приоритет своей деятельности, можно рассматривать как прототип той реальности, которую сегодня можно назвать надгосударственной. Заполнение этой сферы отношений позволяет образовывать мегагосударства. Таким мегагосударством был по своей сути СССР. Сегодня государством мегаструктурного типа является Евросоюз, где организационных проблем различного уровня достаточно много, но есть и определённая возможность для их решения. То есть то, что можно назвать мега- и метагосударством, не является неким ниоткуда появившимся явлением; а как социальное, социально-политическое или экономическое, а к тому же и культурное явление, оно существовало практически все-

гда с момента возникновения государств как таковых. Можно сказать, что именно с появлением государств как организационных структур появляется и организационное пространство между данными элементами как таковыми.

Можно назвать метагосударство реализацией проектного подхода в государственном регулировании. Такой подход вполне правомерен, потому что связан с вопросом о том, как будут развиваться далее те структуры управления, которые традиционно связывались с управлением.

Достаточно интересными являются исследования по семантическим технологиям, применимым к информационному обществу. Такой подход нам близок и понятен, в этом направлении нами проводились последние исследования. Идея, в общем, что называется, витает в воздухе. Современное общество является сложной семантической структурой. Эта структура развивается, и в процессе её развития образуются новые структурно-смысловые взаимосвязи.

Институт глобальной власти есть новый метагосударственный макросоциальный институт. В то же время есть взаимозависимость между процессами, протекающими в организационных структурах власти как социального института, на глобальном и национальном уровнях. Эти процессы пока не находят своего достаточно полного осмысления, в результате чего не вырабатываются и методы эффективного управления данной сложной ситуацией.

В самом широком подходе, можно утверждать, что исходно власть является атрибутом материи, тем более – социальной материи, тем более – того общества, которое формируется, интегрируя уже сформированные и действующие системы социального управления. Естественно то, что современная системная, общая тенденция формирования современной надсоциальности государства вносит свои коррективы. Это также своеобразный феномен, кото-

рый требует своего фиксирования в сознании и осмысления. Хотя можно спросить: что это за феномен? Может быть, это просто негативный синдром? Сущность этого феномена неоднозначна, и поэтому хотелось бы избежать однозначных и односторонних оценок.

Государство как форма власти чиновников превратилось в некую надсоциальную структуру, уйдя в сферу своих собственных интересов, оно игнорирует реальные интересы общества. Надсоциальность государства является аномалией и нарушением основной функции органической взаимосвязи общества и государства. Власть как социальный институт исторически изменяет свои характеристики, становясь всё более сложной и многомерной конструкцией. Этот феномен приобретает всё более сложные формы выражения в структуре социального взаимодействия, он становится полифункциональным, и с этих позиций ясно, что кризис института власти является глобальной проблемой. Это происходит в результате действия общечеловеческого закона усложнения социальной организации коммуникативной системы общества.

Категория «власть» имеет особое значение для понимания всех процессов, происходящих в политической и социальной сфере общества. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения, безусловно, имеет важное, а подчас важнейшее значение в современном обществе. Это истина, против которой не имеется особых возражений. Философия управления в системе *«общество – государство»* должна исходить из признания доминирования уровня *общество – государство* по сравнению с фактором государство-общество. Управление и реальность в этой системе должны быть сообразованы. Правопонимание необходимо для адекватного понимания процессов в политической сфере. Необходим более активный переход от «государствотризма» к «социоцентристско-

му» способу организации общества. Отчасти в результате этого процесса изменяется и сама организация власти. Но это изменение есть пока только слабая тенденция, возможность нарастания которой, однако вполне возможна. Возникли и развиваются процессы институционализации новых организационных механизмов системы власти. К числу таких можно отнести и транстерриториальный неототалитаризм, который возникает как своеобразная реакция на неспособность национальных государств эффективно и достаточно полно выполнять свои управленческие функции.

Власть, как реальность и свойство доминирующего социального субъекта определять свою волю, является достаточно широким по своим характеристикам определением, в котором, по сути дела, теряется нечто главное и существенное в современном отношении. Думается, необходимо сделать особый акцент на том, какие свойства власти становятся наиболее значимыми в текущее время. Власть в XXI веке приобретает невиданные ранее возможности. Возникает возможность контролировать не только общество как некую неопределённую систему но и, по сути дела, каждого гражданина этого общества. Исторически, мы видим, власть чаще всего контролировала не столько общество, сколько определённую территорию. Общество выступало, вторичным по сравнению с территорией как географической границей власти. В XXI веке в контексте транстерриториальности коммуникаций ситуация существенно изменяется. Власть как социальный фактор имеет множество проявлений и может обладать различными свойствами, среди которых, естественно, доминирует свойство и право силы. Парадоксально то, что именно чрезмерная сила становится слабостью и источником нарастающего кризиса.

Власть всегда ощущает недостаточность, неполноту своих полномочий. Она невольно стремится к ещё более значительным полномочиям по сравнению с теми, которые ей предоставлены. Усиление вертикали власти по своей сути есть стремление к тем возможностям, которых она считает, ей недостаёт. Но, как показывает практика, в итоге мало что реально изменяется. Это псевдосредство, если судить по результатам этого процесса, это власть ради власти, хотя естественно и очевидно, что любая управленческая система не будет эффективной, если нет отлаженной вертикали управления.

Политический менеджмент

Менеджерская парадигма сущности власти заключается в том, что в зависимости от управленческой эффективности власти определяются положительные следствия во всей сфере социальной деятельности. Постмарксистская эпоха развития науки об обществе, с одной стороны, освобождаясь от догм, с другой – во многом все свои положения прямо или косвенно соотносит с тем, что утверждалось многими десятилетиями. Марксистско-ленинская концепция власти, весьма противоречивая между своей теоретической и практической частями, как известно, свелась к утверждению, что длань ничего не стоит, если не умеет защищать себя. Большевикско-коммунистическая доктрина власти довела это положение до абсурда, стремясь подавлять любые, даже незначительные движения общества, несанкционированные властью.

Система безопасности власти была усовершенствована и отработана до мелочей. Советская власть погибла не от насильственного действия. Она была в полной безопасности с точки зрения действия спецслужб государственной безопасности. Это был смысловой кризис – государственная идеология себя изжила. Постсоветская власть, по сути

не сделала из этого серьёзных выводов, продолжая наращивать собственное функциональное обесмысливание. И если власть не создаёт новую систему политического мировоззрения, которое соответствует новой смысловой реальности, эта власть оказывается непонятной и весьма странной. Власть есть функция. Власть, которая забывает об этой объективной функциональной зависимости, считает, что общество есть функция бытия власти как таковой. Российская власть как явление, безусловно, есть функция данного общества. И, соответственно, власть как ментальное явление формируется механизмом социально-властной вертикальной мобильности, активным стремлением к власти, а к власти стремятся люди определённого типа. Необходимо согласиться с тем, что государственная власть является своеобразной технической функциональной системой. Такой подход дает возможность перспективно развивать поле анализа власти, в перспективе понять власть с позиций математики, кибернетики, психотехники.

Функциональный анализ современного государства позволяет выявить, каким образом оно действительно способно эффективно исполнять свои функции. Функции могут и должны изменяться, если изменяется сама система управления. Если государство обладает реальными функциональными возможностями для решения актуальных проблем, то оно действительно должно их решать. Если государство не решает эти проблемы, то необходимо в первую очередь решать, как заставить государственную власть приступить к решению проблем данного порядка. В любом случае такое управление должно быть сделано эффективным. Личность, человек в этой ситуации вынужден определить, понять своё ощущение и самосознание. Отношение к власти, вне зависимости от того, какова ее конкретная форма, определяет состояние общества и те процессы, которые в нём происходят.

Сущность власти парадоксально не изменяется. Сущность власти – вечная и в то же время вполне конкретная реальность социальных отношений. Власть имеет различные формы выражения, существования, реализации. Форма организации власти, в конечном счёте, определяет эффективность общественного производства в целом и экономического – в особенности. Власть – сложный феномен, который развивается одновременно с развитием общества, ее форма усложняется, становится неоднозначной, всё более многоаспектной. Есть различные формы выражения власти: политическая, экономическая, духовно-нравственная или просто психологическая. Особой формой является ментальная власть, основанная на определённой логической культуре. Критерий рациональности действий может изменяться в результате изменения важных показателей ментальной культуры общества. Но в целом можно достаточно категорично утверждать, что рациональность действий государства всегда суть неоднозначное явление. С одной стороны, именно сфера государственной ментальности служит проявлением действующего типа рациональности. И действия государства могут быть определены как вполне рациональные, могут казаться рациональными для той социальной группы, которая непосредственно связана с кругами власти.

Государство как сверхмашина – более страшное существо по сравнению с монстром-государством, выраженным в образе Левиафана. Государство как чудовище способно к нерациональному действию. Но возможности современного государства ещё более ужасны. Конечно, в оптимистическом подходе можно утверждать, создаются новые технологии управления, что исчезают определённые типы не очень умных бюрократов. Современный чиновник владеет современной компьютерной оргтехникой и умеет пользоваться информационными технологиями современной

коммуникации, но остаётся, как неустранимая составляющая, неспособность к оптимальному рациональному действию.

Является ли политический менталитет явлением, которое раскрывается лишь в контексте сознания или его необходимо рассматривать в структуре мотивационных компонентов, или слоёв? Политический менталитет, безусловно, невозможно вывести за пределы феномена общественного сознания. В целом политический менталитет изменяется в соответствии с изменением ментальности общества, но имеет место парадокс – власть сохраняет ментальные характеристики, свойственные её предыдущим уровням развития. Исследуя данное явление, важно увидеть и осознать, каким образом новые политические формы ментальности возникли, развиваются или, по меньшей мере, изменяются определенным образом, присущим современному обществу.

Типологическая близость понятий «власть», «политический режим» отмечалась, например А.П. Цыганковым¹. Ментальная формация есть строение социально активных элементов, форм проявления социально-психологических характеристик логической культуры социальной группы. В результате своеобразия российской истории в российском обществе, да и во всём глобальном пространстве возникает новая ментальная формация. Новая политико-правовая формация постепенно приобретает вполне реальные контуры и характеристики, этот процесс невозможно остановить, но, вполне естественно, он может получать замедления или ускорения в своём развитии. Политическое созна-

¹ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Интерпракс, 1995. — 296 с.

ние простых граждан становится более активным. Тот опыт, который россияне получили с момента перестройки и развала СССР, является принципиально иным и максимально важным для формирования новой политико-правовой формационной структуры.

Ментальная модель государственности

Политическая ментальность имеет свои закономерности, которые реализуются специфическим образом в конкретной социальной ситуации. Важно проанализировать живой процесс соотношения влияния человека и государства в России на рубеже первого и второго десятилетия XXI века. Важно понять, каким образом в новых условиях человек способен влиять на течение процесса развития политической структуры. Ментальность общества и политическое сознание есть некая функция всех социальных систем, возникающая как результирующая всех социально значимых факторов. XXI век привнес новые обстоятельства в логику развития государства в целом. Самым существенным стал тот факт, что государство должно считаться с угрозой терроризма, определенным новым образом реагируя в своих достаточных изменениях на сущность и конкретное содержание всех современных факторов. Действительно, террористический фактор серьезным образом повлиял на новое осознание концепции общественной безопасности, заставил внести необходимую коррекцию. Но фактор антитеррористической реакции государства не должен повлечь за собой ущемление конституционных прав человека и гражданина, не должно произойти правового регресса.

Необходима ясная и достаточно эффективная модель современного государства. Достаточная степень адекватности этой модели предопределяет многие важные следствия практического порядка. Очевидно, что теоретические

характеристики данной модели могут определять и действительно определяют реакции практического порядка. Последние будут достаточно опасными, если была допущена серьёзная теоретическая ошибка, лежащая в их основании. Многие деструктивные явления порождаются ошибочными теоретическими положениями. Ошибочные политические доктрины порождают деструктивные социальные явления и процессы.

Структура политического сознания как определённого государственного мировоззрения имеет немаловажное значение как феномен, определяющий реальные политические процессы, события различного социального порядка, социальную жизнь в целом. И так как этот феномен изменяется, приобретает конкретную конструкцию и реализованность в практике, необходимы его рассмотрение, исследование, аналитика в новой реальной обстановке. Существует достаточно определённая смысловая реальность, политическая реальность. Такие категории, как «страна», «Родина», «государство», есть важные сущности, фундаментально закрепляющие конструктивные параметры государственного самосознания общества. Понятие «страна» отчасти заменяет понятие «государство», хотя в первом сущность государства отходит на второй план, и в этом смысле «страна» как феномен есть синтез общества, социума и государства. В понятии «Родина» государство как реальный параметр становится вторым или даже более отдалённым значением, подчас совсем исчезающим. Всегда ли естественно звучит фраза: «Это моё государство»?

Человек и государство

Человек создаёт, порождает, формирует государство. Но государство всегда есть отчуждённая форма человека, в государстве исчезает то, что гуманистически присуще сущности человека. Когда мы говорим «человек и государ-

ство», то именно человек в этом случае рассматривается как синоним личности и главная сторона данной взаимосвязи. Человек есть важнейший и неустрашимый элемент сущности государства. Уничтожение определенных свойств данного элемента уничтожает соответствующую модель государства. С другой стороны, государство может навязывать необходимую ему модель человека, гражданина и личности.

Функциональный анализ современного государства позволяет выявить, каким образом оно способно исполнять свои функции. Государство как идеальная модель того, что может решать проблемы человеческого общества, неизбежно идёт к своему вырождению. Государство вырождается. Вырождение народа приводит к вырождению государства. Но и вырождение государства способствует вырождению народа, ускоряет негативное движение общества к полной неспособности решать возникающие проблемы.

Каждый конкретный человек живет в социальных условиях, которые во многом формируются именно государством. Государство как власть, способная устанавливать законы, диктует некие общие правила для законопослушных граждан. Но есть и некая теневая сторона такого правила: помимо очевидны, есть и неявные законы и правила, которые личности необходимо соблюдать для того, чтобы государство не воспринимало ее как опасный фактор, подлежащий устранению.

Система отчуждения сущности человека в машине государства приводит к универсальному угнетению человека. Человек искажается, приобретает всё более аномальные черты своей сущности. То, что было, или то, что, казалось, может быть спасением человека от звериной природы и хаотичного способа существования, приводит к появлению сложной и слабо контролируемой машины подавления гу-

манной сущности человека. Увеличивается количество активных линий отчуждения человека от человечности. Но человек не просто винтик – он малый, бессмысленный единичный элемент, имеющий минимальное значение для других, как и другие для него. И парадокс уменьшения значения людей для человека продолжает нарастать.

Логика развития прав личности

Логика развития правовой структуры государства на протяжении длительного периода времени проявляла важную закономерность: государство должно считаться с правами человека и гражданина. Либерализация прав гражданина, как важного элемента, составляющего все структуры государства, хотя и являлась результатом политической борьбы, но в этом заключался реальный существенно значимый результат.

Гуманность государства определяется интеракцией «государство – человек». Интеракция есть модель взаимодействия, и эта модель находится в постоянном изменении. В процессе жизни одного поколения государство поменяло очень многие характеристики. Стало ли государство более гуманным по отношению к человеку и личности? Основная проблема современной политико-правовой реальности заключается в том, что определенные законом права человека на деле не соблюдаются. Государство не смогло гарантировать человеку образ и уровень жизни. Качество жизни в российском государстве остается достаточно низким.

Человек, гражданин – неустранимый элемент самой сложной политической системы. Но в реальном современном мире человек во многом зависит от того, каким образом определяется его политико-правовая реальность в данной системе. Мы видим, что в политической истории Рос-

сии происходят изменения. Но что именно изменилось, что меняется по существу?

Матрица осмысления сущности государства

Исторические ракурсы проблемного поля осмысления сущности государства меняются в каждой конкретной социально-исторической ситуации. Можно сказать, что в этом процессе происходит изменение матрицы осмысления проблем государства на основании изменения ментального ракурса. Возможно вариации в формулировке проблемы сильного государства, то есть может быть сильное, но неэффективное государство. И очень важно, чтобы государство было адекватным, то есть жило не только своими целями, но было адекватно обществу. Отдельное государство, находясь в конкуренции с другими государствами, определяет подчас как приоритетные проблемы, значимые в наибольшей степени, но не решает внутренние проблемы. Так стремясь к лидерству в области военной техники, государство как система целостного управления может потерять понимание необходимости решения социально-гуманитарных проблем в том обществе, по отношению к которому это государство имеет соответствующие обязательства. Этот разрыв ментальности, между состоянием политической креативности и тем, каким образом это государство действует в данных условиях, становится слишком значительным, порождая напряжённые внутренние проблемы. Многие проблемы современного российского государства заключаются в том, что государство, обладая реальной огромной силой и мощью, не может решить проблемы обеспечения достойного уровня и качества жизни собственного народа. Проблема может быть сформулирована таким образом: почему, имея огромные запасы нефти и газа, алмазов, никеля и алюминия, других полезных ископаемых, в итоге мы имеем неэффективную экономику с

невысоким уровнем общественного богатства и невысоким уровнем и качеством жизни большей части населения?

Проблема сильного государства является очень важной в институциональном аспекте. Естественно, все государства современного мира в той или иной степени имеют данную проблему в той форме, которая соответствует специфике их культуры и истории. Каждое государство самостоятельно ищет выход из тех ситуационных проблем, которые не позволяют ему быть действительно сильным. Но есть и общие закономерности становления и формирования конкретных структур, без которых государство не может быть сильным.

Сильное государство может быть рассмотрено с позиции определённых показателей, которые свидетельствуют о способности государства влиять на процессы, происходящие в обществе. Понятно, что государство может пытаться взять под свой контроль все процессы, происходящие в обществе, но в этом случае оно будет вынуждено создавать сверхгромоздкий и, подчас, сверхмощный аппарат учёта и контроля. И эта процедура будет требовать значительных затрат. Очевидно, что такое разрастание аппарата чиновников приводит к появлению некоей бесконтрольности отделов и департаментов, частей этой машины. Соответственно, система такого управления требует дополнительной надстройки, которая управляла бы этим управлением. И разрастание надстроечности новых схем управления грозит стать значимой проблемой для современной цивилизации. Кроме экономических пузырей в системе управления современным обществом, возникло множество управленческих политических государственных пузырей.

Анализируя теоретические позиции такого исследователя современного государства, каким является Ф. Фукуяма, можно прийти к обозначению его основных идей. Первое – государство должно быть сильным; второе – го-

сударство должно контролировать столько социальных процессов, сколько необходимо для того, чтобы это государство оставалось достаточно эффективным. При этом необходимо отметить, что само государство может быть рассмотрено как политическая управленческая функция экономического регулирования общественными системами производства и ресурсами. Вряд ли каждый гражданин искренне желает, чтобы его государство было слабым. Нормальное большинство хочет, чтобы государство было сильным и эффективным и этим государством можно было гордиться. Но как реально сделать это? Какова цена данного решения?

Итак, сила государства. В чём она проявляется? Отвечая на этот вопрос, можно выявить позиции, противоположные позициям Фукуямы (тем самым проявляется спектр позиций анти-Фукуямы). По сути дела, концепция сильного государства ни в коей мере не является открытием данного исследователя. Не было ни одного царя, вождя, президента, руководителя, которые не желали бы создать сильное государство. Само название, само обозначение проблемы не совсем соответствует основной идее. А основная идея заключается в выявлении реальных факторов, среди которых фактор 1 – сила государства и фактор 2 – сфера влияния государства. Такой двухфакторный анализ может показать, хотя и несколько огрубленно, реальные процессы, влияющие на становление государства в современном мире.

В этом отношении укажем еще раз на парадокс российского государства: имея силу, ресурсы и влияние на общество, оно не может обеспечить уровень жизни, соответствующий уровню развитых стран. Как можно устанавливать зарплаты ниже прожиточного минимума? Почему руководители страны не несут ответственности за невыполненные обещания? Не являются ли такие обещания ложью и

введением в заблуждение на основании полученного доверия? Подлежит ли всё это уголовной ответственности? Все эти проблемы подводят к системному вопросу о качестве власти. Власть должна быть социологически и политологически измеряема по соответствующим параметрам, и несоответствие принятому качеству власти должно быть наказуемо. Проблема заключается в том, как определить это качество? Какие параметры использовать?

Первый показатель в данном отношении есть показатель способности и положительной результативности, показатель управленческой дееспособности. И в этом смысле слабое государство – это государство, в котором власть не способна решать реальные проблемы, стоящие перед обществом. Слишком много парадоксов в данном отношении таит в себе российское государство. И оказывается, что сильное государство может быть слабым. Власть, обладающая огромной военной мощью, колоссальным аппаратом подавления любых социальных выступлений против неё, становится страшной машиной насилия, а с управленческой точки зрения является достаточно слабой.

Каждая эпоха порождает свою философию государственности. Понимание сущности государства и его функций определяется реальными социально-структурными изменениями. Поэтому философия современной государственности по своей сути сводится к поиску современной парадигмы эффективной структуры государственного управления. И теория государства в таком подходе преобразуется в теорию управления в некой современной системной оболочке глобальных проблем. Здесь действительно важен системный анализ всех процессов, затрагивающих современное становление новых государственных функциональных реальностей. Государство как современный социальный институт проходит достаточно длительный процесс развития, в котором неизбежно возникают кризисы.

Необходимо понять, как и почему возникают эти кризисные состояния управления? Системный анализ феномена власти, института власти предполагает рассмотрение его принципиально важных характеристик, благодаря которым возникает качественно целостная определённая власть. В таком подходе философия власти фиксирует и рефлексирует аспекты, связанные с моральной определённости власти. Можно диалектически сказать, что в любую эпоху власть есть и зло и добро. И этот важный аспект своеобразно проявляется сегодня.

Данное исследование имеет своей целью анализ современного уровня развития государства, а также тех социальных факторов и механизмов, которые данному процессу сопричастны. Своеобразным аспектом данного анализа, естественно, является феномен российской государственности. Этот феномен всегда обладал неким «достаточным» своеобразием, доходящим до уникальности. Особенность российской ментальности осмысления сущности государства всегда была связана с восприятием её особой исторической миссии, которую государство должно выполнить, а потому и народ должен исполнять ее в процессе своей жизнедеятельности. Индивидуально-исследовательская матрица при этом, безусловно, связана с тем, каким образом личное мышление и сознание связано с конкретным набором реально воспринимаемых проблем, с их индивидуально обозначенным индексом значимости. Исследовательская позиция как совокупность точек зрения может быть представлена как некая плоскость, пространство мышления. В таком индивидуальном восприятии государство может восприниматься как рок, фатум, Левиафан, злобный монстр, абсолюте, тёмная неразумная сила или мистический масонский заговор, единство коррупционеров, бюрократов и олигархов. Вариаций образного понимания может быть столько, сколько конкретно значимых

образов присутствует в определённой ментальной культуре. В природе такого образа проявляется, с одной стороны, сущность индивидуального сознания отдельного человека, с другой соответствующая ментальная социальная групповая характеристика.

Ментальность является важным фактором, влияющим на восприятие и осмысление сущности государства. Исходный тип ментальности действительно предопределяет конечный результат понимания. Следовательно, сам феномен понимания имеет познавательный статус. Необходим современный адекватный политический менеджмент, способный дать иное качество жизни для народа, столь пострадавшего от политических авантюр различного типа в ходе XX столетия. Общество зависит от конкретной государственной политики, от того, каким образом складывается процесс деятельности конкретной администрации высшего управления как команды, обладающей способностью понимать и решать имеющиеся реальные проблемы и те проблемы, которые, очевидно, возникают в перспективе. Здесь, возможны две принципиально различные линии воздействия государства на общество – положительная и отрицательная. Ясно, что возрастание степени упорядоченности всех тех процессов, которые подпадают под государственный контроль, имеет положительные следствия, положительное значение. На эту функцию указывают все учебники по политологии и праву. Но есть функция отрицательного воздействия государства на общество – это деструктивная функция, которая как теневая сторона общей системы государственного управления возникает во всех тех случаях, когда система управления становится не соответствующей сложности и содержательной характеристике реального объекта управления. Здесь проявляется определённая закономерность установления предела деструктивного воздействия госуправления на социальные процессы.

Общество есть динамичная система, которая развивается и изменяется в силу того, что изменяются или появляются принципиально новые элементы управления, требующие и нового способа отношения к ним, и нового способа организации управленческой деятельности. Предел деструктивного воздействия неадекватного управления, как правило, связан с общей опасной социально-кризисной ситуацией, в силу того что система управления, инструментарий и методика управления не соответствуют изменившейся реальности. Итак, общество и государство, естественно, взаимосвязаны между собой. Сегодня эта взаимосвязь приобретает новые свойства и характеристики, понимается не только как способ разделения и противопоставления, но, более всего, как способ возникновения единства и взаимодополнения. И в этом отношении функции государства должны быть достаточно точно прописаны, установлены законом, они должны исполняться.

Гражданское общество невозможно без достаточно высокого уровня качества жизни. А достижение его невозможно без формирования гражданского общества как, развитого и активно функционирующего института в системе современной организации социума. Решение этих проблем должно осуществляться одновременно, разрыв в их решении не приводит к положительным результатам. Гражданское общество как совокупность политико-правовых институтов должно более активно выражать интересы тех реальных групп, которые существуют в современном обществе. Либеральность – условие формирования политического консенсуса в обществе. Общество должно быть толерантным по отношению к достаточно широкому спектру политических взглядов и мнений, но в то же время опасно, когда политическая ментальность общества на длительный период оказывается безвольной и неэффективной. Очевидно, что низкий уровень жизни (по совре-

менным стандартам) тормозит развитие гражданского общества, но в целом развитие этих структур всё же осуществляется достаточно необратимым образом, происходит постепенное накопление укоренного в политико-правовом сознании реального практического опыта. Низкий уровень жизни населения может тормозить, но не может остановить развитие новой политической ментальности.

Говоря о человеческом факторе, необходимо сделать акцент на творческом потенциале современного класса профессионалов. Можно сказать, что многие проблемы способен решить класс управленцев высшего класса, обладающего управленческой, экономической, правовой, социологической грамотностью. И в этом отношении политика уничтожения вузов не приводит к улучшению качества подготовки специалистов. Вузы выполняют действительно важную роль в этом процессе.

Осознание современных политико-правовых проблем имеет свою ментальную логику. Не случайно одна из значимых работ З. Бжезинского имела в своём названии достаточно адекватный образ мировой шахматной доски. Видится необходимость понимания и рассмотрения сложных политических реальностей современного российского общества и глобального мира в целом как некоего ментального мегасообщества. В этой реальной и непростой ситуации необходим политический реализм нового уровня, адекватный сложной современной реальности, отличающейся от прежних состояний. Поэтому необходимо радикально более современное политическое, экономическое, социальное мировоззрение, без которого всё сводится к тому, что новые проблемы решаются старыми, давно изжившими себя методами. Проблема должна быть осознана, и она должна быть решена. Но решение не происходит, проблема откладывается на более поздние сроки, тем самым приобретая более патологические, усложнённые формы. Это

усугубляет её решение, создавая новые, дополнительные проблемы. От власти хочется ясного и полного понимания тех процессов, которые происходят в современном мире и российском обществе. Правящая элита подчас заинтересована в том, чтобы определённые проблемы, которые она не способна решить, скрывать и не проявлять их в необходимом объёме. Государство, чтобы быть сильным, должно быть ментально адекватным современным проблемам. Хочется ожидать от власти адекватной ментальности и действительного политического реализма. Мышление в целом, политическое мышление в частности, как социологический феномен, характеризует важный параметр любого социального явления.

По мере развития демократических институтов различные слои общества начинают мыслить в политизированных категориях. Общество может в большей или, наоборот, меньшей степени вовлекаться в сферу политического мышления. Думается, что в этом отношении важен даже не столько феномен гражданского общества, сколько распространённость, реальность задействованности политического мышления в самых широких социальных сферах. Гражданское общество и правовое государство – две стороны одного и того же явления – общества, в котором законы гарантируют гражданам реализацию их прав. Если права даны, то они должны быть востребованы и реализованы, и должна быть установлена правовая и моральная ответственность тех, кто обязан исполнять реализацию данных прав, но не осуществляет этого.

Как всегда, очень критично на данную ситуацию реагирует известный журналист Михаил Леонтьев. Он заявляет, оценивая качество современной власти, следующее: «Им надо либо сломать свое мировоззрение, либо сдохнуть». Наша власть оказалась не готова к кризису ни в интеллектуальном, ни в институциональном плане. То, что ей

удалось не обрушить финансовую систему, – «это, наверное, чудо, – считает политолог. – Но больше не удалось сделать ничего»².

Примерно в такой же стилистике размышляет известный экономист Андрей Кобяков. Можно заметить отсутствие оптимизма в оценках проблемы так называемых, «плохих долгов»³.

Сегодня можно слышать множество подобных оценок: власть не решает серьёзных проблем, оттягивая их решение, загоняет страну в ещё более сложное положение в будущем. Это действительно может создать ситуацию неразрешаемого кризиса. Общая политическая, экономическая и социальная обстановка становится опасной. Происходит нарастание количества и качественной сложности всего комплекса проблем. Игра в модернизацию, инновацию, прогрессизацию или ещё нечто подобное не даёт реальных решений. Никто не против того, чтобы создать, изменить, сделать страну соответствующей современным требованиям.

Важной частью гражданского общества являются интеллектуалы. У данной социальной группы особая, достаточно важная и во многом уникальная институциональная функция. Этот класс спасает общество от тупого раболепия перед очередной правящей командой, стремящейся подавить все интеллектуальные движения, выходящие за пределы позволенных оценок и суждений. Но кто сегодня российские интеллектуалы? Ум, честь и совесть несущест-

² Леонтьев М. Власти нужно либо сломать свое мировоззрение, либо сдохнуть URL: <http://smi2.ru/redirector/?go=http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=730333>

³ Андрей Кобяков: "Впереди нас ждут достаточно серьезные проблемы". URL: http://www.rusk.ru/news_rl/2009/12/15/andrej_kobyakov_vpered_i_nas_zhdut_dostatochno_sereznyye_problemy/

вующего гражданского общества? Или некие Дон Кихоты, неадекватные примитивному, но очень хваткому российскому капитализму?

Сущность государства в XXI веке раскрывается в новых аспектах. Изменение государства происходит в результате изменения общества, но с другой стороны, это происходит в результате изменения политтехнологий, которые становятся более сложными и опасными. 2010 год знаменует завершение первого десятилетия XXI века. Что является достаточным для того, чтобы характеризовать существенные изменения, произошедшие в процессе трансформации государства из его социалистической в некую околкапиталистическую форму? Если бы люди знали, чем закончится процесс перестройки, многие, а может быть, и большинство не согласились бы ни с целями, ни с методами осуществления данного процесса.

Но в этой ситуации необходимо понять: в каком направлении изменяется государство? Чего можно ждать завтра? Можно сказать, государство изменяется (оно не может не изменяться), но остаются устойчивые старые функции контроля.

Сущность государства изменяется в зависимости от изменения сущности общества, что справедливо и наоборот: сущность общества во многом определяется характеристиками государственной системы. Фактически можно начать рассмотрение проблемы цитатой из известной работы «Государство и революция» В.И. Ленина: «Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом, и в практически-политическом отношениях». Но оговоримся – мысль о том, что государство есть результат непримиримости классовых интересов, сегодня содержит несколько иной смысл. Разница интересов никуда не исчезла, но появились новые методы борьбы, хотя опасность социального кризиса тоже

отрицать нельзя. Мысли, высказанные В.И. Лениным, действительно интересны тем, что это была попытка переосмыслить понимание сущности государства в конкретных исторических условиях начала XX века. Сегодня, в условия века XXI века, возникает, по сути дела, аналогичный вопрос: как понимать сущность феномена государства в новых условиях?

Доверие к государству – важный фактор. Электоральное доверие – показатель понимания, без которого не работают механизмы взаимосвязи общества и государства. Естественно, важным показателем является электоральное доверие к государству и проводимым выборам, в этом видится готовность к участию в выборе достаточно важных решений. Сегодня недоверие к государству и его чиновникам развивается по крайне негативному сценарию. Эта тенденция очень опасна, и если она не будет изменена, жно ожидать негативных явлений.

Кризис доверия к государству приходит к своей крайней форме. Недоверие к правомерной деятельности государства длительное время колеблется возле достаточно негативных отметок. Во многих случаях государство фактически не имеет реального доверия со стороны граждан, но они, поставленные в безвыходное положение, вынуждены мириться с этим. Кризис развивается достаточно долго, а это означает, что его обострения могут произойти неожиданным образом. Российское государство последовательно и упорно показывает, что ему нельзя доверять. Сильное государство – государство, обладающее силой, мощью и способностью решать социальные проблемы. Государство в России всегда было отделено от простого народа стеной, которая не позволяла возникать достаточно положительному уровню понимания народом своего государства.

С советского времени запомнился своеобразный афоризм: «государство делает вид, что платит нам зарплату;

мы делаем вид, что работаем». Очевидно, данное утверждение является весьма симптоматичным, оно свидетельствует о том, что между государством и гражданами существует своеобразное неприятие и непонимание. Продолжение той же мотивации: воровать можно и даже нужно, и делать это необходимо потому, что государство – хозяин совершенно никудышный. Воровать надо, так как, если ты не своруешь, всё равно всё это сгниёт, испортится, придёт в негодность. Обычный человек может быть хорошим хозяином, а государство хорошим хозяином быть не может, и нечего ждать от государства какой-либо рациональности в любых вопросах. И еще государство необходимо бояться, потому что оно неразумно и очень жестоко к обычному человеку, гражданину. Государство почему-то всегда думает о высоких проблемах, которые совершенно недоступны обычному верноподданному гражданину.

Мотивация любви к государству может быть различной. В системе советского воспитания нерадивых учеников поучали по определённой идеологической программе: государство о тебе, бессовестном, заботится, а ты, бессовестный, так плохо учишься. Образ государства, который складывается в сознании граждан, имеет особое значение, хотя до определённого времени может не наблюдаться его особого активного проявления. Но всё до поры до времени. Думается, сегодня необходимо поднимать вопрос о том, что негативный образ государства и государственных чиновников может негативно «сыграть» в самый неподходящий момент. Критический момент окончательного перелома отношения граждан к государству нельзя пропустить. Потеря контроля будет свидетельствовать о наступлении сильного негативного процесса, итог которого будет разрушительным. Для того, чтобы изменить отношение к милиции, был запущен сериал «Менты». Нам показали, что эти «менты» очень умные, даже остроумные, симпатичные

люди, и было непонятно, куда делись наглые, самоуверенные уроды с набором своеобразных методов допроса. (Суть этих методов достаточно проста – не надо оставлять следов. Правила допроса примерно следующие: по голове допрашиваемого необходимо бить толстым телефонным справочником; бить по почкам и телу надо пластиковой бутылкой, наполненной водой; можно поиграть в «слоника», когда на допрашиваемого надевается противогаз и пережимается шланг; примерно то же самое – одевание полиэтиленового пакета). Можно сказать, что всё это, конечно, выдумки и происки всех тех, кто в силу своего криминального прошлого и не должен положительно относиться к милиции. Выхолненные образы государственных лидеров также мало в чем положительном убеждают простого гражданина – он не верит красивым медиакартинкам.

Политическая ментальность общества

Политическая ментальность общества приобретает особое значение в современной ситуации развития российской политической системы. Поэтому важность избранной темы обусловлена, прежде всего, возрастанием роли политических решений в социокультурных процессах, происходящих сегодня в России. Государство заинтересовано в контроле своих граждан: граждане должны контролироваться, никто из них не должен помышлять, например, о свержении существующего строя, так как это определено как преступное деяние. Государство в этом отношении обладает некими властными полномочиями, позволяющими наказывать за деяния, связанные со свержением существующего конституционного порядка. Хорошо, когда государство реализует свои полномочия в достаточно мягких формах, без прибегания к жесткому насилию, и действительно, такое давление в целом является, можно сказать, положительным. Негативным является то обстоятельство,

тот случай, когда государство систематически прибегает к давлению на политическую ментальность своих граждан методами грубого насилия, в том числе грубого ментального насилия. И в этом отношении можно заметить, что существуют аналогичные явления. Так, существует закон, регламентирующий рекламу, так или иначе запрещаая заведомо ложную информации хотя бы в части того, что запрещается вводить потребителя в заблуждение.

Теория политической ментальности как направление исследования закономерности формирования модусов активного социально действенного менталитета может пониматься как актуальное направление в системе современных политологических исследований.

Отношения общества и государства приобретают новые аспекты, выявляя одновременно и уже сложившиеся проблемы. В первую очередь это проблема человеческого капитала. С политологической точки зрения это проблема отношения политического руководства страны к своим гражданам, проявление достаточной степени уважения ко всему обществу. Можно сказать, что намеренно создаётся определённая общественная атмосфера раболепства перед руководством страны и нетерпимости к тем, кто не согласен с благостными оценками. Изменившаяся и формирующаяся заново модель политического сознания активной части общества сегодня приобретает новые тенденции.

Вырождение народа приводит к вырождению государства. Человек и государство взаимосвязаны, и сегодня эта взаимосвязь обновляется. Вырождение государства как системы комплексного управления современным обществом – слишком опасное явление. С одной стороны, человек создаёт, порождает, формирует государство, но, с другой стороны, государство всегда есть отчуждённая форма человека, в государстве исчезает то, что гуманистически присуще сущности человека. Государство как идеальная

модель того, что может решать проблемы человеческого общества, неизбежно идёт к своему вырождению, происходит вырождение государства, государство вырождается. Опасно то, что вырождение государства способствует вырождению народа, ускоряет негативное движение общества к полной неспособности решать возникающие проблемы.

Система отчуждения сущности человека в машине государства приводит к универсальному угнетению человека, человек искажается, приобретает всё более аномальные сущностные черты. То, что было или то, что казалось, что может быть спасением человека от звериной природы и хаотичного способа существования, приводит к появлению сложной и слабо контролируемой машины подавления гуманной сущности человека.

Увеличивается количество активных линий отчуждения человека от человечности. Человек не просто винтик, он малый, бессмысленный единичный элемент, имеющий минимальное значение для других, как и другие для него. И парадокс уменьшения значения людей для человека продолжает нарастать. Необходим современный, адекватный политический менеджмент, способный дать иное качество жизни для народа, столь пострадавшего от политических авантюр различного типа в ходе двадцатого столетия.

Осознание проблем необходимо для всего общества, а не только для его отдельных представителей. Необходим политический реализм нового уровня, адекватный сложной современной реальности. И в этом отношении сильное государство как проблема – это проблема даже не государства, а его граждан. Если любого профессионала, занимающегося вопросами современного государственного строительства, спросить: вы читали Френсис Фукуяма «Сильное государство»? Что вы думаете об этой книге? – то можно

отметить, что ряд идей этой книги, безусловно, актуален в силу того, что отражает важные аспекты реальности.

Что понимать под силой государства? Есть различные составляющие силы государства. Есть различные сферы влияния государства на общество. Государство как аппарат управления и общество как система, которая нуждается в определённых организационных действиях. Проблема сильного государства в американском варианте не кажется такой уж непохожей на то, с чем мы сталкиваемся по отношению к российскому государству. Оценивая проблему, стоит выявить вариации суждений, которые могут быть достаточно разными и даже шокирующими. Как всегда, очень критично на данную ситуацию реагирует известный журналист Михаил Леонтьев. Он заявляет, оценивая качество современной власти, следующее: «Им надо либо сломать свое мировоззрение, либо сдохнуть». Наша власть оказалась не готова к кризису ни в интеллектуальном, ни в институциональном плане. То, что ей удалось не обрушить финансовую систему, – «это, наверное, чудо, – считает политолог. – Но больше не удалось сделать ничего».⁴ Примерно в такой стилистике размышляет известный экономист Андрей Кобяков: « Можно заметить отсутствие оптимизма в оценках проблемы так называемых "плохих долгов"»⁵.

Ситуация развития системного кризиса современного государства может быть применена не только к Российской Федерации.

⁴ Леонтьев М. Власти нужно либо сломать свое мировоззрение, либо сдохнуть. URL: <http://smi2.ru/redirector/?go=http://www.rusk.ru/news-data.php?idar=730333>

⁵ URL: http://www.rusk.ru/news_rl/2009/12/15/andrej_kobyakov_vpered_i_nas_zhdut_dostatochno_sereznye_problemy/

С прямолинейными заявлениями и прогнозами Ф. Фукуямы интересно соотнести достаточно тонкую аналитику Мартина Лефевра (Martin LeFevre). Он заявляет: «Сегодня, когда пустым воспоминаниям о прошлом и отвратительному триумфализму пришел конец, стоит задуматься о крахе коммунизма двадцатилетней давности. Америка, наконец-то, начинает осознавать, что крах наступил и у нее самой»⁶. Действительно, очень точные размышления о том, что фактически весь мир, вся мировая политическая система находится перед огромным комплексом проблем, которые необходимо осознать и понять хотя бы направление их решения. Примерно так же размышляет Томас Клау (Thomas Klau), который заявляет, что «визит президента Обамы в Китай подтверждает окончание эры превосходства США. Образующийся вакуум должны заполнить более мощные глобальные объединения, которые будут принимать решения»⁷.

Эффективное государство

Прагматический утилитаризм – одна из форм отношения общества к государству. Прагматическое понимание сущности государства снимает проблему мифологии и мистификации роли и значения государства в жизни современного общества, но фактически приводит к упрощенному утилитаризму. Понятно, что государство в таком подходе есть лишь необходимый набор инструментов для решения реальных проблем. Но можно заметить, что вме-

⁶ Мартин Лефевр

URL: <http://www.inosmi.ru/world/20091123/156656977.html>

⁷ Томас Клау **Мир без руководства "Financial Times**

Deutschland", Германия URL:

<http://www.inosmi.ru/fareast/20091123/156654901.html>

сте с устранением, исчезновением мистифицированного понимания исчезает и некий пиетет, определенная завышенная степень доверия и уважения к государству как особому институту, к его лидерам. Государство должно быть не только сильным, но и достаточно эффективным. Сильное и эффективное государство должно иметь инновационно-стратегический менеджмент, для формирования которого необходимо адекватное политико-правовое сознание в соответствии с современным единством права и политики во всех областях управленческой деятельности. Необходима, соответственно, адекватная правовая регуляция всех сфер государственной деятельности.

Государство может быть сильным только тогда, когда оно эффективно. Неэффективное государство компенсирует отсутствие реальной силы насилием над своими гражданами. Власть должна обладать эффективными методами управления, соответствующими реальностям возникших обстоятельств. Проблема легитимности власти может приобретать обостренные формы проявления. Право власти не даёт права совершать правонарушения, тем самым быть незаконной по существу.

Высокая политическая культура – необходимое условие эффективности государства. Рассматривая политическую культуру и общество, необходимо учитывать достаточно широкий план возникающей здесь реальной взаимосвязи. Это связано с тем, что политическая культура играет определённую роль в развитии и функционировании общества, в результате чего в этом процессе происходит изменение политических ориентаций активно действующих социальных групп. Соответственно, можно отметить, что в данном отношении действует прочная взаимосвязь между изменением социальной структуры и политических феноменов. Возможность их прогнозирования является всегда достаточно серьёзной проблемой, и это связано с тем, что

здесь достаточно активен субъективный фактор: политическая деятельность связана не только с субъектом как носителем социального проявления, но и с субъектностью как проявлением личности политика. Можно поставить под сомнение утверждение о том, что политическая культура не является изначально заданным, неизменным феноменом. Очевидно, что с появлением политической сферы социальных взаимосвязей возникает и соответствующий тип политической культуры. Политическая культура изменяется, потому что не может не изменяться, потому что изменяется общество и его социальная структура. Вместе с изменением данного фактора происходит изменение многих важных параметров социально-политической реальности.

Политическая культура как реальный фактор развития государства может приобретать различные конкретные формы. Она проявляется, когда необходимо реальным образом участвовать в политической жизни общества, проявляя тем самым свои определённые качества как социального субъекта.

Тип общественного сознания как фактор политического сознания Каждому обществу присущ соответствующий тип общественного сознания. Здесь, безусловно, есть обратная взаимосвязь: общественное сознание зависит от всех его составляющих, в том числе и от политического сознания как фактора социального действия соответствующих социальных групп. И наоборот, в зависимости от степени активности политического сознания во многом определяющим образом происходит формирование других сторон общественного сознания в целом.

Политическая культура и политическое сознание взаимосвязаны и порождают общие модусы в самых различных сферах культуры и всей духовной жизни общества. Под политической культурой может пониматься – и часто так и

происходит – определённый уровень развития политического сознания. Реально же недоверие, нелюбовь, неприязнь, ненависть могут выражаться в песнях, фильмах, поговорках, общем пренебрежении к государству. Здесь действуют определённые принципы политического сознания, облекающиеся в форму конкретной ментальной культуры. Термин «принципы политического сознания» не всегда используется с достаточно полным прояснением, определением того, какие именно принципы здесь подразумеваются и что считать такими принципами в целом? Естественно, у политического сознания есть свои принципы, но на наш взгляд, необходимо говорить не просто о принципах, а о принципах организации политического сознания и соответствующем ему типе политической практики. Общество есть сложная система соотношения социальных групп, каждая из которых, в зависимости от занимаемого в социальной системе места, обладает определённой политической культурой. То есть политическая культура может быть рассмотрена как индекс социологического, социально-политического определения поведения социальной группы она указывает на достаточно широкие социальные характеристики.

Политическая культура – показатель конвергенции между базовыми показателями социального действия определённой социальной группы и власти как реального фактора, влияющего на все социальные действия. Власть в этом смысле задаёт общее структурное пространство политического взаимодействия. Чаще всего политическая конвергенция, идущая от группы, является формой проявления новой политической реальности, и социальная группа чаще всего принимает это условие. Но так будет до тех пор, пока власть не перейдёт границу существенного негативного изменения общественных интересов социальной группы. В этом случае группа, социальный класс может

становиться максимально активным фактором и начать определять другой тип конвергенции. Законопослушность граждан и социальной группы имеет свои точные границы. Власть, не проявляя прямого политического насилия, начинает воздействовать на общество именно как фактор насилия над правом на достойную жизнь.

Российская социально-политическая ситуация к 2010 году приобрела достаточно напряжённый характер. На фоне максимально значительного разрыва между богатыми и бедными социальными слоями, стал нарастать кризис недоверия к власти. Общество устало от невыполненных властью обещаний. Фактор «настроения масс» является важным, а в определённых случаях и важнейшим элементом системы политической реальности. Существующий условный или вполне реальный авторитет власти может измениться достаточно неожиданным образом.

Статья Конституции РФ о праве на достойную жизнь становится карикатурной, это право начинает пониматься как право на полуголодное существования. Специфика политической культуры современной России имеет свои корни и основания во всём том процессе политических изменений, который Россия прошла. Идея гражданско-правового государства и современная реальность постоянно находятся рядом. Эта идея, как идеал или норма, влияет на многие процессы в современном информационном обществе. Сегодня политико-правовые идеалы являются значимыми факторами в той степени, в какой реальное гражданское общество является носителем политико-правовых идеалов, в какой эти факторы способны обладать сходными чертами с идеализированной действительностью. Конечно, может быть, концепция гражданско-правового общества тихо умерла, оставив после себя только некий странный призрак. Но в этом проявляется некий политиче-

ский идеализм, как форма сознания, как способ понимания реальности.

Термин «гражданское общество» используется достаточно различным образом, и, думается, этот термин не совсем верен по существу, ведь не может быть общества, в котором есть государство, но нет граждан. Институт гражданства в той или иной форме и степени присутствует в тех политических структурах, которые должны влиять на формирование реальности данного общества. Итак, гражданское общество, как институт современного общества, является феноменом, сущность которого может интерпретироваться весьма неоднозначно. Будем исходить из того, что это сфера жизнедеятельности людей: свободная от непосредственного влияния со стороны государства и его должностных лиц, но вместе с тем организованная, внутренне упорядоченная и взаимодействующая с государством; это сфера, где люди реализуют свои частные интересы, объединяются в группы и организации. И тем не менее могут быть различные интерпретации сущности гражданского общества. Государство развивается, и достаточно сложно найти те сферы жизнедеятельности общества, в которые не проникает «непосредственное влияние государства». Безусловно, очень утрированным выглядит утверждение в философии и социологии марксизма, а также в большинстве современных политологических и социологических теорий – о приоритете гражданского общества над государством. С позиций реальной практики становления государства и функционирования его власти оно не выдерживает серьёзной критики, но может рассматриваться как некое благое пожелание. Исходя из этого же обстоятельства, весьма сомнительно видеть в расширении и укреплении государства одно из важнейших условий социального прогресса. Ещё более проблематичным оказывается положение, в соответствии с которым совокупность об-

ественных организаций должна обладать достаточно высокой организационной культурой.

Возможность гражданского общества, естественно, отрицать нельзя. Оно возможно как таковое, в принципе, бессмысленно отрицать данную возможность. Но само состояние свершившегося, реализовавшегося во всей совокупности классических признаков гражданского общества – явление странное. Проще всего его реальность констатировать по факту, точнее говоря, подгоняя под некий штамп, фиксировать реальность гражданского общества. Европейское общество имеет достаточно длительную и при этом весьма своеобразную историю, в ходе которой действительно произошло формирование многих общественных структур и организаций, в той или иной степени способных выполнять функции, которые по условной модели могут быть предписаны гражданскому обществу. Да, можно предположить, что гражданское общество и государства каким-то образом должны поделить сферы своего влияния. Реальный раздел такого влияния осуществляется достаточно условно. И та сфера влияния, которая в силу этих условных обстоятельств может быть предписана гражданскому обществу, по вполне очевидным обстоятельствам может быть в любой момент нарушена государством.

Гражданское общество просто как сфера неполитических отношений – необходимо это отметить – будет другим по отношению к гражданскому обществу, которое, наоборот, главной своей целью имеет явный и постоянный прямой или косвенный контроль над деятельностью государства. Если подумать, сам факт обязательной регистрации всех общественных организаций и движений изначально делает их в определённой степени зависимыми от воли государства, его благосклонности и признания легитимности регистрируемой общественной организации. Советско-российский опыт подавления государством всякого

инакомыслия делает положение данного явления очень условным, а во многом даже карикатурным. Необходимо накопление реального опыта функционирования негосударственных учреждений, заинтересованных в позитивном решении тех вопросов, которые без содействия государства не могут быть решены. Но сегодня этот опыт приобретает иные нетрадиционные контуры.

Всегда есть сочетание адекватности и неадекватности понимания политической реальности. В чём заключается такая неадекватность?

Политико-правовые идеалы играют свою существенную роль в развитии политической системы реальности, и очевидно, что государство не должно быть слабым, оно должно быть достаточно сильным, а в определённое время жёстким настолько, насколько это необходимо для решения жизненно важных задач. Если государство не будет выполнять данную функцию, оно погибнет, развалится, исчезнет – печальный опыт таких процессов существует.

Важнейшим аспектом взаимосвязи гражданского общества и государства является правовая сфера. Точно прописанные нормы границ влияния позволяют избежать явных конфликтных отношений. Поэтому важной функцией гражданского общества является контроль за исполнением правовых норм, действующих в данном отношении. Правовое государство – государство, построенное на принципах верховенства закона, равенства всех перед законом и др. При этом правовая ответственность государства перед обществом должна быть доминирующим фактором. Государственная правовая идеология и новые законы должны быть взаимообусловлены, взаимосвязаны. Отметим отсутствие законов, способных решать проблемы эффективно, на достаточно длительную перспективу, например проблемы, особо остро чувствующиеся в сфере информационных правоотношений. Правовые нормы, принятые, напри-

мер, Уголовным кодексом 1996 года, во многом устарели, неадекватны современным обстоятельствам и почти не корректируются. Парадоксально такое упорное нежелание законодателя реагировать на осуществление изменений в сфере информационно-технологической реальности современного общества.

Социальное государство – государство, гарантирующее выполнение своих социальных обязательств перед обществом. Сильное государство – государство, способное оказывать влияние на общество. Укажем на странный (или закономерный) факт: сильное государство и сильная демократия в азиатских обществах – весьма редкое сочетание. По-видимому, особенность политического менталитета и культуры здесь приводит к тому, что сильное государство – это совсем не обязательно сильная демократия. Защита частной сферы, заявленная постсоветским законодательством, является важным шагом изменения системы правовых норм, некой правовой идеологии, но сам по себе этот факт, этот новый аспект политико-правовой реальности ещё не означает, что вся система правовых регуляторов уже отлажена и способна эффективно регулировать сложные современные социальные процессы.

Российское государство сформировалось с удивительным по своему уровню и характеру правовым идиотизмом в соблюдении правовой сферы частной жизни. Термин «идиотизм» здесь употребляется как отражение чего-то простого и примитивного. Российская государственная власть, попирая сферу частной жизни, как правило, действовала достаточно просто и примитивно при всей её жестокости и маразме. Государство всегда стремится нарастить свою власть над обществом до максимально возможных пределов. Удивительно то, что многие оправдывают эту жестокость как необходимое условие поддержания государственного порядка и способности общества выпол-

нять некие сложные задачи. Мол, именно сложность решения этих задач и определяет необходимость поправок неких условных норм неприкосновенности частной жизни. Государство как носитель и гарант права обязано эффективно исполнять данную функцию. Так, например, достаточно интересен следующий аспект: Юрген Хабеберас в лекции, прочитанной в МГУ, отмечает очень простую и в то же время очень верную закономерность, заключающуюся в том, что «между правами человека и человеческим достоинством существует неявная, но концептуальная связь, которая появилась вместе с развитием первых правовых систем. Интуиция нам подсказывает, что появление концепции прав человека связано с сопротивлением людей притеснению, унижению и деспотизму, исходившим от государства или могущественных социальных групп»⁸.

Государство есть машина управления. Эта огромная и дорогостоящая машина живет на деньги налогоплательщиков. Следовательно, налогоплательщики, граждане имеют полное право требовать, чтобы эта машина работала эффективно и обеспечивала как минимум положительный результат своей работы, отвечала тем требованиям к её работе, которые обозначены в Конституции РФ, её основных законах.

Гражданский кодекс РФ в качестве субъектов гражданских правоотношений определяет, во-первых, Российскую Федерацию; во-вторых, её отдельные субъекты, т. е. республики, края, области; в-третьих, муниципальные органы; в-четвертых, органы местного самоуправления. А также, в-пятых, юридические лица, т. е. организации, и, естествен-

⁸ Хабеберас Юрген. *Право на достоинство*.
URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/10581/>

но, в-шестых, физических лиц, граждан. При этом, что особенно важно, устанавливается принцип равенства всех субъектов гражданского правооборота. Важным принципом является запрещение нанесения вреда Российской Федерации. Необходимы меры повышения эффективности политического менеджмента. Такой мерой и средством может являться договор между президентом и страной, гражданами РФ. Система безнаказанного нанесения вреда РФ должна быть устранена.

Нанесение вреда РФ в результате неэффективного политического менеджмента должно квалифицироваться как преступное деяние, по отношению к которому должна быть установлена соответствующая мера наказания. Граждане РФ должны иметь правовую защиту от вредоносных действий политических менеджеров. Государство, выходя из-под контроля общества, превращается в тупую, самодостаточную, медленно работающую, неэффективную машину, которая, как правило, не справляется со своими функциями, но не желает при этом меняться. Не приведи случай попасть под его шестеренки – эта машина способна сломать самую сильную личность.

Меняется мир, политический континуум, в определённой степени изменяется российский человек но не меняется человек как субъект, как носитель неотчуждаемых гражданских прав. И, парадоксально, простой российский человек не чувствует себя реально защищенным. Более того, по сравнению с теми возможностями, которые были в советское время, человек современного российского общества чувствует себя менее защищенным. Гражданская политико-правовая активность российского общества будет расти в ближайшие годы. Этот процесс имеет свои объективные основания в том, что происходит с российским обществом в целом. Но также причины этого процесса за-

ключаются в активном изменении ментальных характеристик российской социальной системы.

Критика государственной власти всегда неприятна для конкретных людей, отмеченных этой властью. Но чем более значимой является личность, тем более опасным фактором она становится для тех людей, которые персонифицируют государство. Важно формировать образ желаемого завтра, т. е. положительный образ, который успокаивает. Здесь срабатывает механизм: если сейчас плохо, то завтра обязательно будет хорошо, ведь когда-то должно быть хорошо. Такой «образ завтра» и составляет сущность любой реформации или модернизации. Ментальная корреляция между властью и народом является динамичным и неоднозначным процессом.

Усиление конфронтации между Единой Россией и оппозицией – явление вполне очевидное и прогнозируемое. Удивительно то, что в этой ситуации оппозицию стали призывать к некоему конструктивизму. Но, по-видимому, момент действительного конструктивного положительного диалога был потерян ранее, а именно в тот момент, когда Единой России казалось, что она полностью доминирует на политической арене и поэтому не нуждается в каком-либо конструктивном диалоге.

Ментальное лидерство должно быть доминантой государства. Когда этого лидерства нет, государство, естественно, кажется неинтеллектуальным. Интеллектуалы должны быть уважаемы государством, и система образования и науки должна носить приоритетный характер. Интеллектуалы, вольно или невольно, должны служить государству, хотя это не исключает некой критики их по отношению к государству. Мишель Фуко в работе «Интеллектуалы и власть» достаточно много размышлял о политической рациональности, отмечая, что именно тип рациональности определяет итог дела, характер политических про-

цессов. Мысль достаточно понятная, но принципиально важная: тип политической рациональности (тип ментальности) действительно существенно предопределяет соответствующие результаты. Проблема заключается в том, что формирование этого типа политической рациональности трудно проследить в силу его многоаспектности и многогранности.

Политическая ментальность обладает ментальностью, которая определяется во многом степенью привлекательности. Этот аспект является сегодня достаточно важным, он показывает, что стиль ментальности во многом предопределяет успех политической деятельности. Ментальная привлекательность политико-правовой ситуации в целом – важный показатель и реальный параметр интеллектуальной креативности всей социальной системы в целом. В зависимости от этого свойства возникают её внешние и внутренние оценивания, которые поддерживают или, наоборот, разрушают эту систему. Ментальная привлекательность системы связана и с таким важным фактором, каким является исчерпаемость этой привлекательности. Система, ментально непривлекательная, а попросту говоря, глупая, может прилагать любые усилия, тратить огромные деньги и не получать положительного результата. Власть может исчерпать себя ментально, и в этом случае ей не помогут никакие другие средства и возможности.

В качестве общего вывода можно сказать: неинтеллектуальность власти плюс её активная циничная лицемерность являются причиной нарастания опасного системного кризиса. Далее этот кризис может превратиться в общесоциальный и государственный. Власть, неспособная быть ответственной, деградирует. Что должна делать власть, которая не обладает интеллектуальным и духовным лидерством? Она вынуждена прибегать к методам вынужденного или даже физического запугивания по отношению ко всем

слоям общества, которые не признают ее ментальную доминанту. Естественно, практически сложившаяся система управления может не обладать необходимыми ментальными характеристиками, и в этом случае ее деятельность приобретает соответствующие свойства. Можно отметить основные типы реакции общества на действия власти в соответствии с критерием ментальности. Власть, не обладающая высокой ментальностью, даже если она совершает правильные действия, оказывается весьма недооцененной со стороны политически активной части общества. Недооценка этого фактора может быть весьма негативной. Власть с невысоким ментальным уровнем, пытающаяся выстраивать активную связь с общественностью, активно развивать свой PR-имидж, может оказаться в достаточно глупом или даже дурацком положении. Правы были лидеры новых левых⁹.

Возник когнитивный диссонанс между правящей элитой и остальной частью общества, а такая ситуация вполне может иметь негативные последствия. Когда государство приобретает слишком сильную позицию, обладает слишком мощными возможностями в подавлении общества, необходимо найти политические методы защиты от такого избыточного давления. В такой опасной позиции выражается своеобразное соперничество, а иногда и ситуация прямого конфликта общества и госаппарата.

Политическое мышление проявляется через адекватность политического сознания. Оно во многом зависит от скорости мышления, которая имеет количественный и качественный аспекты. Количественный аспект заключается

⁹ Фуко М. Интеллектуалы и власть // Избранные статьи, выступления, интервью: пер. с фр. / под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Шкуратова. М.: Праксис, 2002. 384 с.

в увеличении количества информации на единицу времени; качественный – в том, чтобы создавать принципиально важные схемы, позволяющие ориентировать современную деятельность по отношению к факторам, заданным моделью прогноза. Такую модель необходимо считать достаточно важной и соблюдать ее параметры. Но необходимо отрабатывать также новые модели опережающего мышления. Важно опережать развитие событий, опережать настолько, чтобы успевать существенным образом изменять свою деятельность. Деятельность государства должна подчиняться рациональным законам и принципам, адекватным современной ситуации.

Модель или хотя бы приблизительный образ будущего России фактически, в силу его максимальной неопределенности, размытости, отсутствует. А без этого важного фактора невозможно рациональным образом выстраивать перспективу деятельности. Актуально и принципиально значимо инновационное мышление – как необходимый современный тип мышления в системе принятия государственных решений. Отсутствие такого мышления вполне очевидно по тем провальным результатам, которые проявляют систему итогов в целом.

Ментально-глобальные механизмы управления

Попытаемся собрать воедино и представить как нечто целостное то, что можем на сегодняшний день рассматривать как уровень современного понимания процессов ментальности. Исходно важно понять, как можно рассмотреть ментальные механизмы, вплетённые во внутреннюю структуру современных социальных процессов наиболее широкого уровня актуальности и влияния на характер складывающихся процессов? По-видимому, для этого Окий уровень качества жизни является просто позорным по сравнению с мощью. Причины неэффективности государственной системы заключаются в отсутствии государст-

венного инновационного мышления, т. е. данный фактор является показателем уровня развития политико-правового сознания.

Ментальный коллапс политической системы – неспособность мышления и сознания быть адекватными. Кризис политического имиджа и социального уважения и доверия к отдельным формам власти, например к милиции, назревал длительное время, и наступление его оказалось достаточно трагическим. Поэтому правомерен вопрос: стоит ли относиться к этому явлению как к рядовому? Если новые политические программы оказываются неспособными решать реальные проблемы, стоящие перед обществом, значит, они, во-первых, являются псевдоновыми, во-вторых, неадекватными. Но общество видит, что амбиции политиков заканчиваются там, где они оказываются перед своими нереализованными обещаниями, перед фактом невыполненных обязательств. Эффективный политический менеджмент – самое важное измерение современного государства.

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРЕВОСХОДСТВА США

Лазуткин А.П.

Проводимая США политика стравливания государств указывает на специфические возможности, имеющиеся в распоряжении правительства этой страны. Возможность быть особенным игроком в команде национальных государств предоставляется правительству США корпорациями. Корпорации же, в свою очередь, стараются, чтобы эта возможность реализовывалась с максимальной выгодой для них.

Культивируемая корпорациями возможность органов государственной власти США влиять на мировую политику возростала по мере увеличения экспансионистских претензий американских корпораций, которые, по меткому замечанию Д. Арриги, «при переходе к транснациональной экспансии после завершения внутриконтинентальной интеграции стали троянскими конями на внутренних рынках других государств»¹. «Концентрация позволяет укреплять государственные структуры, которые, в свою очередь, призваны обеспечивать выживание этих относительных монополий»².

Примечательна история формирования государственности США как формы посредничества между корпора-

¹ См.: **Арриги Джованни**. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006. С. 374–375.

² Валлерстайн И. После либерализма: пер. с англ. / под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 30.

циями и гражданским обществом, придавшей американским корпорациям транснациональный облик и в конечном счёте позволившей американскому правительству манипулировать правительствами других государств.

Этап становления государства в США исторически совпал с этапом бурного развития новых форм предпринимательства на почве дополнительных возможностей, предоставляемых акционерным финансированием. Если старая Европа конца XVIII века с осторожностью принимала появление первых акционерных обществ и акционерный капитал мог стать здесь легитимным только в рамках семейного бизнеса, то молодая Америка, избавившись в 1776 году от колониальной зависимости, с энтузиазмом воспользовалась частично апробированными Европой возможностями, предоставляемыми акционерным предпринимательством. В Европе акционерные предприятия могли быть лишь дополнением к утвердившимся в экономике семейным предприятиям, тогда как в США акционирование капитала изначально было столь же обычным делом, сколь и его наследование.

Отражая экономические отношения, отличные от тех, что утвердились в патриархальном Старом Свете, американская политическая система приобрела совершенно особые очертания. Государственная власть США стала представлять собой своеобразный корпоративно-государственный симбиоз, на одну из особенностей которого указывает М.Г. Делягин: «Ключ к американской системе – ротация высших управленцев между государством и бизнесом. Она не просто обеспечивает единство интересов и взаимопонимание бизнеса и государства (что, конечно, усиливает требования к ограничению коррупции), но и погружает их в единое кадровое пространство. Главный механизм объединения государства и крупного бизнеса США – аналитическое сообщество, которое выросло из антикри-

зисных подразделений корпораций, вынужденных преодолевать кризисы сначала на уровне предприятий, затем отраслей, а со времен Великой депрессии – всей страны»³.

Аналитическое сообщество не является структурным подразделением той или иной корпорации, оно не имеет определённого членства. Оно, по словам Гэлбрейта, «является аппаратом для групповых решений – аппаратом для объединения и анализа информации, доставляемой множеством людей, с тем чтобы прийти к решениям, выходящим за пределы компетентности каждого в отдельности»⁴, является ни чем иным, как технократией, представляющей интересы техноструктуры. При такой системе, в которой, по словам из фильма-сенсации «Zeitgeist II: Addendum (Дух Времени 2: Приложение)», снятого в США в 2008 году, «никогда нельзя определить, на кого работает представитель корпоратократии – на частную корпорацию или государство, потому что они всё время сменяют друг друга», вредить интересам корпоративного бизнеса означает для американского чиновника любого ранга вредить самому себе. Государственный чиновник США в самой сущности своей мало склонен к тому, чтобы чинить препятствия бизнесу под предлогом заботы об интересах общества и ещё менее склонен к тому, чтобы брать «отступные» за своевольную интерпретацию этих интересов так, как это делает, например, государственный чиновник РФ.

Изжив бюрократический произвол и коррупционность правительства, государственно-корпоративный симбиоз привёл США к глобальному лидерству. Однако на сего-

³ Делягин М.Г. Государство между народом и бизнесом // Понимание. 2008. №3. С. 136–137.

⁴ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество // Избранное. М.: Эксмо, 2008. С. 88.

дняшний день именно симбиотическая связь бюрократического аппарата с корпоративным бизнесом (с «корпоратократией») мешает государству исправить нравственную дефективность корпоративно-финансового предпринимательства, вернуть его в состояние хотя бы прежней, характерной для эпохи холодной войны, ответственности предпринимательства перед государством. Лишённая самостоятельности, государственная власть США (пусть даже такой самостоятельности, которая сродни своекорыстной бюрократической самодеятельности в РФ) не способна противодействовать корпорациям в их стремлении к минимизации имущественной ответственности и уклонению от любых социальных обязательств.

Полному растворению американского государства в интересах «приватных транснациональных квазигосударств без демократической и политической легитимации»⁵ долгое время препятствовала не только соответствующая идеология, но и гражданское общество США, представляющее собой систему всепроникающего соседского соглядатайства и тотального доноительства. Его основы были заложены первыми переселенцами-протестантами, объединяющимися между собой в церковные общины. Ещё М. Вебер в начале XX века отмечал, что эти общины стали прототипами множества разнообразных добровольных объединений, представляющих собой общества замкнутого характера (клубы). «Вот здесь и проступает связь между замкнутыми сообществами и рациональным рынком. Они выступают тем фактором, который

⁵ Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника; [послел. В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой]. М.: Прогресс-Традиция: Территория будущего, 2007. С. 202.

обеспечивает необходимую духовную атмосферу для бизнеса – атмосферу элементарного доверия, без которой невозможны ни кредит, ни какие-либо другие деловые отношения. Современные замкнутые сообщества, имеющие сегодня почти исключительно светский характер, есть не что иное, как продукты секуляризации религиозных объединений (сект)»⁶.

Сам факт принадлежности к одному из таких замкнутых сообществ служит своеобразной аттестацией, удостоверяющей проверенность репутации индивида, его добропорядочности, честности, воспитанности. Данная аттестация не предвзята, поскольку члены сообщества не являются конкурентами. Сообщество, заботясь о своей репутации, осуществляет ненавязчивый, но жёсткий контроль за морально-нравственным обликом и поведением своих членов на любой ступени корпоративно-государственной иерархии. Формальным инструментом такого контроля является совокупность многочисленных неправительственных организаций и СМИ, стремящихся к тому, чтобы, отвечая запросам гражданского общества, как можно лучше выполнять свои «доносительские» функции вне зависимости от статуса «разоблачаемых» лиц.

Можно, конечно, предположить, что инициативы гражданского общества, организованного на основе ценностей, отстаиваемых первыми протестантскими общинами, нередко режиссируются извне – противоборствующими бизнес-структурами. Так, в привязке к примеру с законом SOX, сразу после выступления президента США Джорджа Буша перед лидерами Уолл-стрит, в котором президент призвал ужесточить ответственность бизнесменов за фи-

⁶ См. подр.: Шаповалов В. Ф. Откуда придёт «дух капитализма»? // Социс. 1994. №2. С. 23–32

нансовые нарушения, «ему припомнили события более чем десятилетней давности, когда он, будучи членом правления корпорации “Harken Energy”, заключил сделку по продаже принадлежавшего ему пакета акций незадолго до того, как их цена упала на рынке почти в четыре раза»⁷. Одновременно с этим неправительственная организация “Judicial Watch” подала иск на вице-президента Д. Чейни, возглавлявшего в 1995–2000 годах корпорацию “Halliburton”, выдвинув в его адрес уже ставшее традиционным обвинение в многомиллионных махинациях с финансовой отчетностью.

Однако, несмотря на то что активность граждан США часто направлялась в русло, прокладываемое конкурирующими бизнес-структурами, обращение к авторитету гражданского общества до недавнего времени оставалось важным средством легитимации власти. В проведении политики, ориентированной на достижение одобренных социумом целей, государственные власти США вынуждены были публично отрицать свою полную сочленённость с бизнесом хотя бы для того, чтобы создавать видимость легитимности осуществляемой совместно с корпорациями деятельности.

1.1. Деградация гражданского общества США и зловещее торжество технократического либерализма

Властный государственно-корпоративный симбиоз, сформированный в США, находился под контролем гражданского общества вплоть до развала СССР – до тех пор, пока общественные инициативы граждан США поддерживались прогрессивными силами, верными социалистическим идеалам. После развала «социалистического» блока и

⁷ URL: <http://old.polit.ru/documents/495141.html>

окончательной девальвации ценностей, прописанных в «Моральном кодексе строителей коммунизма», общественная критика утратила возможность препятствовать полному растворению американского государства в интересах корпоративных бизнес-сообществ. Традиционный институциональный контроль гражданского общества за деятельностью американских властей не просто сильно ослабел – он себя полностью изжил. По остроумному замечанию Ф. Закария, «силы, направляющие развитие демократии в Америке, подверглись ускоренной эрозии. Им на смену пришли опросы общественного мнения»⁸.

Наиболее ускоренными темпами эрозия американского гражданского общества происходила в конце 80-х годов XX века под аккомпанемент восторженных заявлений о том, что американский вариант корпоративно-буржуазного либерализма не имеет идеологической альтернативы, потому как представляет собой наивысшее достижение, снимающее все прежние противоречия в развитии человечества. «Триумф Запада, западной идеи, – писал один из наиболее известных в то время апологетов либерализма, – очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив... То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»⁹.

⁸ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. С. 13.

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. №3. С. 134–148. С. 134–135.

Спустя всего несколько лет стало понятно, что весть Ф. Фукуямы о «конце истории» не имеет оснований для восторгов. Человечество не приняло предложенный американскими идеологами вариант «западной идеи» в качестве ориентира своего развития. Да и сам Запад начал поспешно отказываться от «постисторической» либеральной идеологии, пытаясь выбраться из углубляющегося идеологического кризиса уже без помощи США. Впервые за несколько десятилетий своего идеологического доминирования США оказывались не у дел. Тому причиной было то, что срастаясь с всемирными акционерными банками и транснациональными корпорациями, абстрагируясь от собственного народа и утрачивая при этом его доверие, органы государственной власти США не могли рассчитывать на широкое международное признание своей легитимности. В условиях, когда американский истеблишмент не мог более опереться на авторитет собственного гражданского общества (ставшего пустотелым после развала СССР), мировой общественности становилась всё более очевидной безосновательность претензий США на роль державы-гегемона, способной выступить ориентиром дальнейшего развития буржуазной миросистемы.

К середине 90-х годов опасность идеологического кризиса, в котором оказался предводительствуемый американским истеблишментом западный мир, была вполне осознана и высказывалась многими буржуазными исследователями. «Крах коммунистических режимов, – писал в 1995 году известный американский социолог И. Валлерстайн, – представляет собой не окончательный успех либерализма как идеологии, а решительный подрыв способности либеральной идеологии продолжать играть свою историческую

роль»¹⁰. «После полувека чётких размежеваний и ясности целей, – писал другой известный исследователь, – возник мир, лишенный не только видимой структуры, но и – как ни зловеще это звучит – какой-либо логики. Политика, основанная на борьбе блоков, ещё совсем недавно определявшая облик мира, выглядела устрашающе по причине тех ужасных шагов, на которые способны были пойти великие державы. Чем бы ни являлось то, что пришло ей на смену, оно устрашает отсутствием последовательности и направленности и своей ещё более очевидной неспособностью хоть что-то предпринять: смягчить нищету, прекратить геноцид или остановить насилие»¹⁰.

Гражданское общество США окончательно превратилось в объект манипулирования со стороны корпоративно-государственной надстройки и утратило значение движущей силы. На сегодняшний день институты политической демократии существуют здесь не потому, что гражданское общество сохраняет остатки своего авторитета, а лишь потому, что группировки правящей корпоративно-государственной элиты не могут пока договориться между собой, вынуждая себя сохранять политические свободы как одно из «грязных» внеэкономических средств обеспечения гарантированных конкурентных преимуществ. Чтобы укрепить свою легитимность в глазах мировой общности, государственная власть США, сросшаяся с крупным транснациональным капиталом, старается компенсировать последствия, возникшие после того, как «социалистическое мессианство высвободило утопическую

¹⁰ Валлерстайн И. После либерализма... С. 6–7.

¹⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. С. 105.

нишу»¹¹, искусственно реконструируя собственное гражданское общество (вместе с его былым авторитетом, на который можно было бы опереться в проведении экспансионистской политики).

Попытки властей США наполнить пустотелое гражданское общество недостающим морально-идеологическим содержанием привели к религиозному доктринёрству. Государственное посредничество между корпорациями и гражданским обществом США приобрело религиозный характер, отвечавший тревожным общественным настроениям и укреплявший «американскую идентичность» через административную селекцию соответствующих гражданских запросов. По констатации ведущего американского политолога С. Хантингтона, «всё больше американцев встревожены упадком общества и деградацией морали – и всё больше американцев испытывают потребность в вере, которую не способны утолить секулярные идеологии и институты. Наложение христианского прозелитизма (как на индивидуальном, так и на групповом уровне) на духовные и этические потребности значительного числа американцев превращают религию в ключевой элемент жизненного уклада и восстанавливают христианство в качестве центрального компонента американской идентичности»¹².

Смещение религии с политикой сделало гражданское общество США ещё более уязвимым для опасных манипуляций со стороны корпоративно-государственных властных инстанций. Опасность таких манипуляций состоит не столько в том, что новые ориентиры социального и нрав-

¹¹ Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма // пер. с фр. В.Ф. Денисова. М.: Ладомир, 2004. С. 25.

¹² Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности // пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзит-книга», 2004. С. 532.

ственного развития устанавливаются на основе мистических предписаний Всевышнего, сколько в том, что эти предписания своевольно трактуются земной властью, истинные намерения которой всё меньше совпадают с истинным Словом Божьим и всё больше растворяются в природе корпораций. Мистика «божественных» предписаний используется для прикрытия общественных и личных пороков, распространяемых государственными властями, ангажированными крупным социально невменяемым акционерным капиталом.

Несмотря на превращение религии в «ключевой элемент жизненного уклада» американцев, инициируемая властями религиозная риторика уже неспособна остановить дезинтеграцию гражданского общества. Протестантские ценности первых переселенцев, некогда надёжно защищающие американскую гражданственность и американскую государственность от личных и общественных пороков, не могут быть реконструированы в административном порядке. В христианских общинах первых переселенцев религия была подкреплена живыми внутриобщинными связями, ориентирующими индивида на сплочённый и самоотверженный труд. Современная же религия, говоря языком советской пропаганды, цинично используется правящим классом США для оправдания эксплуатации и закрепления наиболее выгодного эксплуататорам порядка вещей и есть не более чем «вздых угнетенной твари, сердце бессердечного мира, ... дух бездушных порядков»¹³. Для современных американских граждан религия давно утратила прежнюю созидательно-организующую роль, и стала всего лишь «опиумом», употребление которого дополняет

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. сочинений. – М.: Политиздат, 1961. Т. 1. С. 415.

частые визиты к адвокатам и психотерапевтам, ордами паразитирующим на больном обществе.

Религия как элемент корпоративно-государственного симбиоза, сформированного в США, укрепляет двойственность в действиях американских политиков – с одной стороны, принуждая их декларативно пресекать частое уклонение корпораций от норм протестантской морали в угоду сложившейся в США системы соглядатайства и доносительства, с другой стороны, формируя ощущение мессианского предназначения, возникающее из гордости за успехи американских транснациональных корпораций, попирающих эти нормы. Таранная мощь американского корпоративно-государственного симбиоза, прикрываемая религиозной риторикой для камуфляжа его принципиальной безответственности и аморальности, разрушает как традиционную мораль, так и созидательный потенциал традиционных обществ, ориентированных в своём развитии на ценности межпоколенной преемственности и ответственности. Утратившие социальную вменяемость адепты американского государственно-корпоративного менеджмента действуют с рвением крестоносцев, убивающих, насилующих и грабящих еретиков ради достижения нечётких, мистифицированных целей борьбы с мифическим Злом.

1.2. Рецидив государствоцентристских настроений на фоне сопротивления экспансионизму США и возможность профилактики рецидива

На сегодняшний день глобализация в основном воспринимается именно как процесс вестернизации и американизации, которому должны быть противопоставлены религиозные, национальные и почвеннические идентичности. В русле такого восприятия предлагаются разные, в том числе и самые отчаянно-сумасбродные, варианты спасения традиционных общечеловеческих ценностей от аме-

риканской вульгаризации. Так, например, в учредительной хартии «Международного исламского фронта против евреев и крестоносцев», созданного Усамой Бен Ладеном в феврале 1998 года, «на каждого мусульманина, способного воевать, возлагается индивидуальная обязанность (фард айн) убивать американцев и их союзников, гражданских лиц и военных в любой стране, где это только возможно»¹⁴.

Предпринимаются и более рассудительные попытки воссоздания системы противостояния власти, образованной из сочленения транснационального капитала с государственным аппаратом США. Так, в начале 90-х годов «на берегах Рейна», где «сохранились крупные семейные состояния, и коллективные управляющие действуют в духе управления большими семейными состояниями»¹⁵, стала приобретать популярность концепция, которую, по заголовку известной книги М. Альбера, можно назвать концепцией «капитализма против капитализма». Смысл этой концепции состоит в создании положительного имиджа экономики раннего модерна, основанной на созидательном труде, охраняемом системой семейной преемственности и ответственности, в противовес имиджу экономики позднего модерна («постмодерна»), основанной на безответственных спекулятивных играх, не связанных с ранее приобретенным трудовым опытом.

То, ради чего американский государственно-корпоративный менеджмент ведёт неустанную борьбу и чему значительная часть капиталистического мира пытается противопоставить свой особый капитализм, часто свя-

¹⁴ Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма... С. 305

¹⁵ Альбер Мишель. Капитализм против капитализма // пер.с фран. / под ред. В.М.Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1998. С. 289]

зывают с понятием «информационная» («виртуальная», «постиндустриальная») экономика. Природа информационной экономики, отчуждённая от созидательного труда, как и природа американской власти, отчуждённая от живой, основанной на личной зависимости, демократии, подпитывается постоянной ложью и махинациями распорядителей крупного акционерного капитала. «Когда нам говорят, – пишет видный отечественный исследователь-глобалист А.С. Панарин, – о новой “информационной” экономике, где прибыль получается в результате игр с валютными курсами и других спекулятивно-перераспределительных махинаций, мы вправе спросить, какова природа этой информации. Это не информация, открывающая человечеству то, чего оно до сих пор не знало и что отныне становится его вечным достоянием, входит в копилку вселенского знания. Напротив, речь идёт о манипулировании, о знании, создающем ложные ожидания. ... Мы могли бы довольствоваться нейтральными констатациями, если бы валютные спекулянты, получив астрономические суммы, оставили их в виртуальном мире. Но всё дело именно в том, что деньги, полученные в виртуальной экономике, затем отовариваются в реальной, требующей труда и пота сотен миллионов людей, остающихся ни с чем»¹⁶.

Характеризуя американский капитализм как «капитализм без собственников», в котором акционеры – по сути, биржевые спекулянты, легко покупающие и продающие акции на фондовом рынке, не имея устойчивой связи с предприятием¹⁷, М. Альбер предлагает противопоставить

¹⁶ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Русский Национальный Фонд, 2000. С. 314.

¹⁷ Альбер Мишель. Капитализм против капитализма: Пер.с фран. / под ред. В.М.Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1998. С. 85–86.

ему «рейнский» капитализм, в котором «предприятия обычно ищут финансирования не на бирже и не у обществности, а у своих банкиров»¹⁸. Если в американском («англо-саксонском») капитализме «акционеры в подавляющем большинстве случаев никогда не были на акционерном предприятии и не имеют чёткого представления о специфике его деятельности и насущных проблемах (быть «совладельцами» предприятия они могут несколько дней, часов или даже минут)»¹⁹, то при «рейнском» капитализме «замещающие рынки немецкие банки устанавливают со своей клиентурой прочные и привилегированные отношения, отмеченные духом взаимной помощи»²⁰.

По основной мысли автора популярной книги «Капитализм против капитализма», «чтобы направить капитализм на путь экономического развития, нужно установить в стране минимум порядка, т. е. создать эффективное и некоррупцированное Государство»²¹. Личные связи с банками, действующими под юрисдикцией германского государства (априори якобы «эффективного и некоррупцированного»), являются, по убеждению М. Альбера, основой замкнутого в финансовом отношении, а потому стабильного «развития, рассчитанного на долгий срок»²².

Идея полной или частичной хозяйственной изоляции от мирового фондового рынка через укрепление личных связей и зависимостей находит много сторонников не только в Европе. У многих есть соблазн вернуться к старым, патриархально-общинным отношениям, но такой возврат был

¹⁸ Там же. С. 219.

¹⁹ Там же. С. 86.

²⁰ Там же С. 219.

²¹ Там же. С. 13.

²² Там же. С. 124.

бы ошибкой, которую лучше не совершать. Общества, основанные на личных связях, навсегда остались в доиндустриальной и раннеиндустриальной эпохах. Вернуться к ним невозможно настолько же, насколько невозможно остановить или повернуть вспять научно-технический прогресс. В этом отношении уместно сослаться на слова оппонентов концепции «капитализма против капитализма» Л. Зингалеса и Р. Раджана о том, что «самой серьёзной опасностью для рыночной демократии сегодня является не скатывание в социализм (социализм государственного образца. – А.Л.), но возврат к системе, основанной на личных связях, подавляющей конкуренцию под предлогом снижения риска»²³.

Попытки отгородиться от американизированной власти транснационального капитала в бастионах, сцементированных личными связями и зависимостями, по своим возможным последствиям не менее опасны, чем, например, попытки организовать против США религиозный джихад. Такие попытки могут лишь усугубить основное противоречие государственно-монополистического капитализма, наиболее ярко проявляющееся в экспансионизме США.

Как бы ни был велик соблазн усилить репрессивные функции государства в ответ на социально неменяемое господство всемирных акционерных банков и транснациональных корпораций, нужно отдавать себе отчёт в том, что государство – отживший институт, и функции его – во многом просто иллюзия, поддерживаемая финансово-промышленными «королями» для сохранения за собой права на бесконтрольное управление глобальными пото-

²³ Зингалес Л., Раджан Р. Спасение капитализма от капиталистов: Скрытые силы финансовых рынков – создание богатства и расширение возможностей. М.: Институт комплексных стратегических исследований. С. 424.

ками акционерного капитала. Нужно понимать, что никому, кроме распорядителей крупного акционерного капитала, невыгодно наделять отмирающий институт национального государства сакрально-спасительным смыслом, затрачивая колоссальные общественные ресурсы на поддержание псевдоконтролирующих, паразитических функций государственной бюрократии.

«Мировая система просто является слишком масштабной, для того чтобы её можно было контролировать “постарому”. Кто-то ещё надеется, что национальные суверенитеты государств, обеспеченные националистической идеологией своих граждан, будут последней преградой на пути всеподавляющего катка. За такими надеждами стоит просто непонимание того, что есть государство. Оно есть, прежде всего, коллегия клерков, обеспечивающих свои узкокорпоративные интересы за счёт процедурного контроля над всем, что происходит во вверенной, а точнее, оккупированной ими территории. Государство есть бюрократический аппарат и ничто иное. Этот аппарат паразитирует на всём – от воспитания детей в яслях до полётов в космос. В конечном счёте, государство паразитирует на теле самой Истории. Было бы крайней иллюзией полагать, что под прессом международной бюрократии их младшие “национальные” сородичи дадут смертельный бой во имя своего суверенитета»²⁴.

Нарастающее недовольство последствиями глобализации и ролью её флагманов – крупных транснациональных корпораций – всё более настойчиво заставляет антиглоба-

²⁴ Джемаль Г. Оппозиция в эпоху глобализации (Она должна быть альтернативой, по размаху и точности превосходящей миропонимание власть имущих) // Завтра. 2001. № 51(420). С. 18-12-2001 URL:

<http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/01/420/51.html>

листские силы обратиться к идее восстановления идеологического паритета между Трудом и Капиталом через организацию рабочего контроля над владельцами и распорядителями акционерного капитала. Однако на сегодняшний день эта идея не имеет достаточного теоретического обоснования и может в любой момент окончательно померкнуть на фоне спекулятивно-националистических призывов к распространению в Европе государственности, скроенной по «рейнскому» образцу, или призывов к воссозданию «возможности заново выстроить самодостаточное социалистическое государство»²⁵.

Если источник коллизий и противоречий капитализма заключён в отсутствии эффективного механизма ответственности и преемственности внутри самой системы корпоративного управления, то не нужно стараться перекрыть его усилением государственного вмешательства в экономику. Никогда не следует забывать о том, насколько регулярно современные лидеры наций приходят к власти с помощью искусственной популярности, и всегда надо отдавать себе отчёт в том, что граждане любого современного государства отчуждены от государственных властей ничуть не меньше, чем работники современных корпораций от корпоративного руководства.

Государствоцентристские призывы различного рода совершенно игнорируют тот факт, что у человечества не осталось более сил на повторение одной и той же инфантильной ошибки в вопросе организации бескризисного развития мирохозяйственной системы средствами национальных государств. Полноценный проект коммунистических преобразований мирохозяйственной системы должен

²⁵ Зюганов Г., Председатель ЦК КПРФ. Приговор капитализму // Газета «Правда». №65. (29407) 23-24 июня 2009 г.

очерчиваться контурами общемировой, транснациональной парадигмы взаимоотношений наёмных работников и частных предпринимателей, с одной стороны, и распорядителей акционерного капитала – с другой. Новая, расширенная парадигма должна сменить государствоцентристскую парадигму трипартизма, установив высший порядок управления мирохозяйственной системой. Выражаясь словами М. Хардта и А. Негри, «смена парадигмы определяется, по крайней мере исходно, признанием того, что только прочно установленная власть, движимая собственной логикой и относительно автономная по отношению к суверенным национальным государствам, способна функционировать в качестве центра нового мирового порядка, эффективно его регулируя, а при необходимости прибегая к принуждению»²⁶.

2. Постгосударственная парадигма управления

2.1. Бюрократическая конвергенция национального государства и транснациональной корпорации: иллюзия, реальность и стремление к бюрократическому идеалу

Контроль над распорядителями акционерного капитала со стороны государственной бюрократии – иллюзия. Иллюзия, формируемая для отвлечения общественного внимания от задачи разработки механизма, обеспечивающего преемственную компетентность членов высшего корпоративного руководства через осуществление экспертного контроля за их ущербными действиями (бездействием) со стороны работников-акционеров. Идея государственного

²⁶ Хардт М., Негри А. Империя: пер. с англ. / под ред. Г. В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. С. 29.

контроля популярна не потому, что у этой иллюзии нет более достойной альтернативы, а потому что механизм государственной власти приносит зрелым корпорациям огромные выгоды. На сегодняшний день государственный контроль и другие государственные дела рассматриваются зрелыми корпорациями, ставшими главной формой «очинивниченного хозяйства», всего лишь как надёжный элемент управления сбытом. Патриотические и этносепаратистские настроения – хорошее подспорье в бесперебойном сбыте фиктивных товаров и услуг через государственную систему принудительного налогообложения.

Влияние, которое в современную эпоху оказывает на государство корпоративный менеджер-технократ, рискующий «не своей, а общественной собственностью»²⁷ и «выполняющий функции собственника в отрыве от процесса производства и вне этого процесса»²⁸, сильно отличается от влияния, которое в раннеиндустриальную эпоху оказывал на государство «промышленный капиталист, действительно функционирующий в процессе производства и выступающий деятельным агентом производства»²⁹. Специфика современного технократического влияния на государство, в сопоставлении с влиянием со стороны традиционного предпринимательства, наглядно отражена в работах Дж. К. Гэлбрейта.

«Мир бизнеса в его отношении к государству, – пишет Дж. К. Гэлбрейт, – был однородным в то время, когда предприниматель и предпринимательская корпорация обладали подавляющей и прямой политической властью – властью над голосами избирателей и над законодателями. Зрелая корпорация не имеет подобной власти. Зато она до-

²⁷ Т. 25-1. С. 479.

²⁸ см.: Т.26-3. С. 483.

²⁹ см.: Т.26-3. С. 483.

билась весьма благоприятного для неё приспособления государства к её нуждам. ... Утратив прямую политическую власть, индустриальная система в целом и зрелая корпорация в частности приобрели другие, куда более важные методы влияния на общественные дела»³⁰.

«Когда в последние десятилетия прошлого столетия начали формироваться идеи демократического социализма, капиталист-предприниматель ещё пользовался властью. Фирмы были ещё очень малы, а техника сравнительно простой, что позволяло капиталисту оказывать решающее воздействие в процессе принятия решений. Вера в то, что власть капиталиста может быть передана парламенту или ответственному перед ним чиновнику, не была полностью беспочвенной. Не вызывала сомнения и способность государственных органов лишить капиталиста его власти устанавливать цены и ставки заработной платы и права эксплуатировать потребителей и рабочих. Но беда демократического социализма – это одновременно и беда капиталистов. Как только последние лишаются возможности осуществлять контроль, демократический социализм перестает быть альтернативой. Сложная техника и планирование, а также связанный с этим рост масштабов деятельности, лишившие власти капиталиста-предпринимателя и передавшие её в руки техноструктуры, тем самым сделали контроль невозможным и для общества»³¹.

«Влияние зрелой корпорации на государство фактически гораздо сильнее, чем влияние предпринимательской корпорации. Те, кто хочет проследить это влияние, ищут его обычно не там, где оно проявляется. Учитывая былое

³⁰ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество //... С. 258–259.

³¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. С. 108.

преобладание денежных отношений, они, естественно, надеются найти его и в этой сфере. Они ищут законодателей, подкупленных корпорациями, и чиновников, падких на материальные соблазны. ... Самой счастливой находкой для них является некий архаический субъект, носящий деньги в чёрном саквояже. ... Для индустриальной системы было бы весьма выгодно, если бы простые люди продолжали думать, что воздействие на государство оказывается главным образом при помощи подобных средств»³². На самом деле государственный чиновник идёт на поводу у распорядителя крупного акционерного капитала и без взяток, потому что вся государственная структура растворена в корпоративной структуре.

В своём описании влияния современного менеджера-технократа на государственного чиновника Дж. К. Гэлбрейт иногда демонстративно отказывается от мысли о том, что «все государственные расходы служат средством приспособления к нуждам современной корпорации»³³, представляя влияние корпорации на государство не как доминирование транснациональной бюрократии над бюрократией национальной, а как конвергенцию, сближение двух равнозначных организационных структур. По словам Дж. К. Гэлбрейта, «чёткой границы, отделяющей государство от частной фирмы, уже не существует; она становится весьма трудноразличимой и даже условной. Каждая из этих организаций важна для другой. Их представители общаются в повседневной работе. Каждая из организаций начинает разделять цели другой, каждая приспособливает их к собственным целям. Каждая из них, следовательно, представляет собой продолжение другой.

³² Там же. С. 260-261.

³³ Там же. С. 269

Крупная фирма, выполняющая государственные заказы на авиационную технику, связана с военно-воздушными силами такими же, в сущности, узами, какими их командование связано с правительством США, хотя на поверхности они выглядят иными. И там и здесь самым важным связующим звеном является общность целей»³⁴.

Следует отметить, что попытки Дж. К. Гэлбрейта представить общность целей зрелой капиталистической корпорации и «перезрелого» феодального государства результатом равноправного сближения двух равновеликих оснований противоречат его же логике, согласно которой «представители техноструктуры приспособливают проектирование и совершенствование изделий, закупаемых государством, а также потребность в них к своим собственным целям. Эти цели неизбежно отражают нужды техноструктуры и её системы планирования»³⁵. «Индустриальная система вовлекла имеющиеся ресурсы капитала, а в значительной мере и ресурсы рабочей силы в орбиту своего контроля и тем самым в орбиту своего планирования»³⁶. Государство является всего лишь привычным элементом планирования корпоративного, средством формирования спроса на определённый продукт или ряд продуктов, производимых зрелой корпорацией.

Говоря по сути (местами ускользающей от Дж. К. Гэлбрейта), без государства распорядитель крупного акционерного капитала не в состоянии был бы обеспечивать планомерный массовый сбыт фиктивных товаров и услуг, производимых им вне трудового контроля и вне связи с производительными потребностями общества. Во вто-

³⁴ Там же. С. 266.

³⁵ Там же. С. 270-271.

³⁶ Там же. С. 270-271.

рой половине XX века, когда Дж. К. Гэлбрейт проводил свои исследования, государственная власть уже имела если не иллюзорное, то крайне мизерное положительное влияние на развитие акционерного капитала. Территориальное поселение масштаба государства не способно было организовать современные бизнес-процессы так, как оно делало это в прошлом, когда земля была главным, основополагающим фактором производства и когда для развития таких факторов, как капитал и труд, требовались территориальные завоевания.

Если отсутствие эффективного государственного (парламентского) контроля над деятельностью крупных акционерных предприятий является «одним из наиболее важных последствий перехода власти к техноструктуре»³⁷, логично будет предположить, что каждая зрелая корпорация должна обеспечиваться эффективной системой самоконтроля. Основным элементом такой системы самоконтроля должна стать непосредственно связанная с производственным процессом группа представителей-экспертов, которая в непрерывном режиме будет задавать корпоративной бюрократии желаемые (с точки зрения производительных потребностей общества) характеристики. Все действия представителей-экспертов должны быть нацелены на поддержание техно-бюрократического аппарата корпорации в режиме оптимального функционирования (властвования); или, иными словами, на удержание корпоративной техно-бюрократии в максимальной близости к её «идеальному типу».

Упоминание об «идеальном типе» бюрократии невозможно без обращения к авторитету М. Вебера, впервые обьявившего «последовательный бюрократизм условием ис-

³⁷ Там же. С. 108.

правного функционирования организационного механизма»³⁸. Историко-политические исследования М. Вебера сделали для него очевидным факт относительной независимости бюрократии от политических форм. Главной характеристикой бюрократии у Вебера стала рациональность поведения и действия, обусловленная как её особым положением в иерархии общества, так и жесткой связью с правилами функционирования всякой сложной организации, будь то государство или крупная корпорация. Бюрократия в его понимании – всего лишь фактор, инструмент необходимой рационализации хозяйствования, ведения дел в технологически сложных современных обществах. Рационализация управления технологически сложным хозяйством нужна для уменьшения фактора личностного воздействия тех, кто выходит из зоны своей персональной ответственности, не обладая для этого достаточными политическими полномочиями.

«Подлинной профессией настоящего чиновника, – пишет М Вебер, – не должна быть политика. Он должен “управлять” прежде всего беспристрастно – данное требование применимо даже к так называемым “политическим” управленческим чиновникам, – по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены “государственные интересы”, то есть жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio* – без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик – как вождь, так и его свита, – бороться. Ибо принятие какой либо стороны, борьба, страсть – *ira et studium* – суть стихия политика, и прежде всего политического вождя. Деятельность вождя

³⁸ Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М., 1980. С. 203.

всегда подчиняется совершенно иному принципу ответственности, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника – выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить её с себя он не может и не имеет права. Как раз те натур, которые в качестве чиновников высоко стоят в нравственном отношении, суть скверные, безответственные прежде всего в политическом смысле слова, и постольку в нравственном отношении низко стоящие политики – такие, каких мы, к сожалению, всё время имели на руководящих постах. Именно такую систему мы называем «господством чиновников»; и, конечно, достоинства нашего чиновничества отнюдь не умаляет то, что мы, оценивая их с политической точки зрения, с позиций успеха обнажаем ложность данной системы»³⁹.

Своеобразная технологическая дефиниция, которую М. Вебер определяет как «идеальный тип бюрократии», предполагает оптимальное взаимодействие трёх фигурантов – политического вождя, «политического» управленческого чиновника, которого привычнее называть администратором (ответственным распорядителем⁴⁰), и чиновника-

³⁹ Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М., 1990. С. 666–667.

⁴⁰ см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 26.

исполнителя. Следуя мысли М. Вебера, можно сказать, что любое своеволие, исходящее не из центра персональной ответственности, а от чиновника-исполнителя, вносит в технологически сложный процесс хозяйствования элементы дезорганизации и разложения.

В процессе управления общественным развитием различные звенья бюрократической пирамиды не имеют права издавать декреты и постановления, руководствуясь своими собственными представлениями о характере условий общественного организма. Насчёт не отвечающего за свои действия чиновника-исполнителя, своевольно взявшего на себя функции администратора или политического лидера, немецкий фрейдомарксист В. Райх пошутил однажды: «Естественно, даже такой администратор иногда бывает прав. Это относится и к душевнобольному. Только он не знает, когда он бывает прав»⁴¹.

Говоря строже, деиерархизация бюрократических структур, возникающая вследствие чиновничьего произвола, становится причиной функционирования в рамках социальных институтов различных, порой прямо исключаящих друг друга, представлений о социальном порядке, что делает равно нелегитимным любой наличный порядок и открывает дорогу оправданию асоциальных и антисоциальных действий, грозящих приобрести характер катастрофы. Своёволие рядового бюрократа, следовательно, есть дисфункция бюрократического аппарата, подлежащая скорейшему искоренению через ряд профилактических мер.

Если, исходя из анализа дефиниции, определяемой М. Вебером как «идеальный тип бюрократии», конкретизировать функциональные обязанности бюрократов по отношению к находящемуся в развитии обществу, то в самом

⁴¹ Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 341.

общем, философском смысле их ответственность будет сведена к соблюдению всего двух пунктов:

1) декларация и массовое тиражирование ценностно-рациональных представлений о пространстве деятельности индивидов, которое удалось освободить от дезорганизующего хаоса;

2) пресечение любых попыток вторгнуться в защищённое от хаоса пространство, поскольку именно это формализованно-упорядоченное пространство является оптимальным с точки зрения скорейшего преодоления разрыва между ценностно-рациональными ориентациями отдельного индивида и ценностями общечеловеческой культуры.

Рациональная власть бюрократии, ограничивающая и искореняющая всё, что для неё ново и непривычно, позволяет обществу противостоять власти хаоса. В этом и состоит её общественная польза: «Любая автономная физическая система стремится занять самое наивероятнейшее положение. А такое наивероятнейшее положение есть полный хаос – это подтверждает второе начало термодинамики. Человек и общество противостоят этой тенденции, борясь за более организованное... отношение к окружающей среде»⁴². «Многообразие жизни будет гармоничным, если оно оптимально сочетается с необходимыми ограничениями – нормами, рамками, которые не дают в массе мелочей расплыться, утонуть важным факторам. Ограничения помогают правильно расставить желаемые акценты, найти доминанты, группы направлений во взаимоотношениях личности и среды. Ограничение – своего рода сосуд, берег, точка опоры»⁴³. «Иначе говоря, норма играет роль фиксатора одной из точек равновесия и позволяет экономиче-

⁴² Милтс А. А. Указ. соч. С. 22–23.

⁴³ Там же. С. 55–56.

ским агентам осуществлять рациональные расчёты и производить стохастическое управление рисками»⁴⁴.

Завершая описание роли бюрократа-исполнителя короткой аналогией, можно сказать, что эта роль, в приближении к идеалу М. Вебера, тождественна работе современного компьютера, запрограммированного на расчётно-плановое использование накопленных ранее ресурсов и на отражение всех неизвестных ему проявлений жизни, на эти ресурсы посягающей. Причём вполне естественно требовать от «компьютера», чтобы он выполнял эту работу исключительно в наборе имеющихся в нём данных и команд.

Если роль «идеального» бюрократа-исполнителя имеет вполне определённый смысл, то роли политического вождя и администратора прописаны М. Вебером нечётко, характер их взаимодействия в «идеальном типе» представлен противоречиво. Так, администратор, по Веберу, может иногда проявлять и политическую волю, занимая, таким образом, место политического вождя и оттесняя его в сторону от управления. Происходить это может тогда, когда, как следует из приведённого выше описания идеального типа бюрократии, «под вопрос поставлены жизненные интересы господствующего порядка».

Веберовский «идеальный тип» бюрократии не содержит в себе описания оптимальных условий, при которых проявление самопроизвольной административной воли можно было бы считать правомерным. Более ясное представление об условиях, при которых реализуется оптимальная схема взаимодействия между администратором и политическим вождём, может быть составлено по аналогии социального тела с телом индивидуальным, проведён-

⁴⁴ Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. С. 11.

ной английским философом-эволюционистом Г. Спенсером.

«В индивидуальном существе, – пишет Г. Спенсер, – случается, что при внезапном испуге, например от громкого звука, от неожиданного появления какого-нибудь предмета или от толчка вследствие неверной походки, оно обрывается от опасности быстрым невольным скачком или приведением членов в известное положение прежде, нежели успеет осмыслить грозящую беду и принять разумные меры к предотвращению её. ... Таким же образом в народных кризисах, требующих быстроты действий, государь и министерство (применительно к корпорации – единоличный и коллегиальный исполнительные органы. – А. Л.), не имея времени передать дело на обсуждение совещательных собраний, сами распоряжаются исполнением известных движений или принятием известных предосторожностей: первичные, теперь почти уже автоматичные, власти возвращаются на мгновение к прежней своей неограниченности. И всего страннее, что в обоих случаях одинаково следует дополнительный процесс одобрения или неодобрения. Индивид, опомнясь от своего автоматического сотрясения, тотчас же разбирает причину своего испуга и приходит к заключению о том, уместно ли или неуместно было его движение. Таким же точно образом совещательные власти государства при первой же возможности обсуждают самопроизвольные действия исполнительных властей и затем, смотря по уважительности причин, пропускают или не пропускают билль of indemnity (освобождение от ответственности. – А. Л.)»⁴⁵.

⁴⁵ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские: пер. с англ. Минск, 1998. С. 302–303.

Достоинством предложенной Г. Спенсером аналогии является то, что она наглядно отображает схему оптимального, «идеального» взаимодействия «администратора» и «политического вождя». Кроме того данная аналогия представляет чёткое обоснование необходимости соблюдения принципов «единства распорядительности ресурсов» и «нераздельной ответственности за достижение целей»⁴⁶, являющихся основой мобилизационно-координационной составляющей управления сколь угодно крупным человеческим сообществом. Согласно этим принципам, для сохранения легитимности наличного порядка в «кризисах, требующих быстроты действий», любая организация должна иметь формального лидера, способного интегрировать все абстрактные бюрократические формы на основе целостного представления о них, наделяя эту целостность своей сознательной волей. Персона лидера-администратора должна задавать всей бюрократической пирамиде разумное представление о том, как именно необходимо реагировать на то или иное изменение, произошедшее в спонтанно развивающемся общественном организме и нарушающее сложившийся уклад бюрократического делопроизводства. В исключительных же случаях, когда, выражаясь словами М. Вебера, «под вопрос поставлены жизненные интересы господствующего порядка», такому администратору выпадает особенная роль и особая персональная ответственность за её исполнение.

Перед кем должен быть ответственен руководитель бюрократического аппарата за своевременное (несвоевременное) соблюдение (несоблюдение) обозначенных нами принципов «единства распорядительности ресурсов» и

⁴⁶ Клуб директоров: Опыт программно-целевого управления предприятиями / под ред. А. Г. Агангбьяна, В. Д. Речина. М., 1989. С. 41.

«нераздельной ответственности за достижение целей»? В ответе на данный вопрос предпочтительнее вновь последовать за Г. Спенсером, оставляющим обществу, в лице совещательных органов, право выносить окончательную оценку действиям (бездействию) «государя и министерства». Обозначая проблему ответственности за каждое необходимо-своевольное действие (бездействие) администратора, Г. Спенсер, в отличие от М. Вебера, отнюдь не сводит общество, как некую безликую толпу, к единоличной воле политического вождя, харизматического героя, ответственного, очевидно, лишь перед «избравшим» его богом.

Продолжая размышления об «идеальном типе» бюрократии, следует предположить, что персонифицированная бюрократическая пирамида, так или иначе получая в кризисных ситуациях от общества неограниченное по времени право на своевольную мобилизацию всех общественных ресурсов, будет стремиться к максимально продолжительному сохранению этого права вне какой-либо зависимости от дальнейших обстоятельств.

Время от времени общество будет неизбежно сталкиваться с ситуациями, в которых административно-бюрократический аппарат посягает на общественные полномочия, стараясь узурпировать их. Для того чтобы с успехом выходить из таких ситуаций, общественные представители должны всякий раз отдавать себе отчёт в том, что даже самая «идеальная» бюрократия, предводительствуемая талантливейшим лидером, не имеет права на то, чтобы предопределять дальнейший ход общественного развития. Как отмечает Ю. Хабермас, «направляющей действие силы авторитета, присущего эталонным личностям... недостаточно более для того, чтобы покрыть накапливаю-

щуюся потребность в координации»⁴⁷. Даже самый достойный администратор не может сколь-нибудь длительное время опережать общественное развитие. Любые известные ему в настоящем оптимальные формы реализации общественных сил вполне могут оказаться неадекватными в свете будущего опыта и сковать эти силы. Известный постмодернист Ж.-Ф. Лиотар, ссылаясь по этому поводу на исследования квантовой механики и атомной физики⁴⁸, пишет: «Допуская, что общество является системой, нужно понимать, что контроль над ним, подразумевающий точное определение его изначального состояния, не может быть действенным, поскольку это определение невозможно»⁴⁹.

Ясно, что и транснациональная (корпоративная), и национальная (государственная) бюрократия в отношении всякого развивающегося общества должна играть исключительно служебную, сугубо подчинённую роль. Однако проблема формирования административной власти, которая, пресекая бюрократический произвол, подчинялась бы власти общественных представительных органов, до сих

⁴⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 228.

⁴⁸ Один из основателей синергетики, систематизировав эти исследования и распространив свои выводы на все известные формы движения материи, пишет: «По существующей ранее традиции фундаментальные процессы принято было считать детерминированными и обратимыми, а процессы, так или иначе связанные со случайностью или необратимостью, трактовались как исключения из общего правила. Ныне мы повсюду видим, сколь важную роль играют необратимые процессы, флуктуации... Материя – более не пассивная субстанция, описываемая в рамках механистической картины мира, ей также свойственна спонтанная активность» (Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 50).

⁴⁹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна: пер. с франц. СПб., 1998. С. 134.

пор не имела однозначного научного решения. По этой причине проваливались все социальные проекты, нацеленные на то, чтобы поставить бюрократию на службу обществу. Особенно показателен в этом отношении был провал большевистского проекта, который на якобы научной основе был внедрён в практику строительства «социалистического» государства.

2.2. Идеальный тип бюрократии по-советски

Первые руководители советской России, осмысливая проблему бюрократизма, вполне отдавали себе отчёт в том, что, пока функционирует «это худшее средостение между трудящимися и ... властью»⁵⁰, коммунистический режим хозяйствования будет скован частнокапиталистическим режимом властвования. Организация советской системы общественного контроля, которая бы пресекала бюрократические дисфункции, выступающие как «особые функции особого слоя людей»⁵¹, рассматривалась лидерами коммунистических партий как основная революционная задача. По сути, решение этой задачи, являясь «мостиком, ведущим от капитализма к социализму»⁵², должно было устранить отчуждение власти от интересов общества, сняв противоречие между общественным производством и частным присвоением результатов производства.

Удивительно, но проект М. Вебера по искоренению бюрократических дисфункций ни в одной своей части не был востребован в стране, для которой задача искоренения бюрократизма три четверти столетия декларативно имела первостепенное значение. До самого конца советской эпохи результаты исследования известного немецкого социоло-

⁵⁰ Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 201.

⁵¹ Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 50.

⁵² Там же. С. 44.

лога было принято игнорировать из-за того, что «“абстрагируясь” от эксплуататорской сущности управленческого аппарата»⁵³, он «исходит из организации как замкнутой, изолированной системы, в которой заранее известна и расписана по соответствующим “параграфам” вся её структура»⁵⁴.

Прекрасно осознавая, что без победы над российским бюрократизмом невозможно сохранить верность принципам коллективизма, большевистские лидеры пытались реализовать свой антибюрократический проект, совершенно отличный от проекта Вебера, считавшегося метафизическим. В изложении того, как должна была выглядеть бюрократия по-большевистски, лучше всего использовать программную работу В. И. Ленина «Государство и революция», написанную им в канун октябрьской революции. Вот что писал первый формальный лидер советского государства: «Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились “бюрократами” и чтобы поэтому никто не мог стать «бюрократом»»⁵⁵.

Оставляя без должного внимания проблему обоснования антибюрократических мер, якобы подробно разрабо-

⁵³ Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс... С. 203.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Ленин В. И. Государство и революция... С. 109.

таных Марксом и Энгельсом, большевики делали акцент на классовой природе государства: для них оно было не более чем аппаратом «насилия одного класса над другим»⁵⁶, – аппаратом, выполняющим волю господствующего класса и не способным ни играть особой роли в общественной жизни, ни продуцировать свои собственные, «аппаратные» интересы. В. И. Ленин, как будущий лидер пролетарского государства, вполне отождествлял свои интересы с интересами рабочих: «...мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведём государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых “надсмотрщиков и бухгалтеров” (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) – вот наша, пролетарская задача, вот с чего можно и должно начать при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведёт к постепенному “отмиранию” всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, ...когда всё более упрощающиеся функции надзора и отчётности будут выполняться всеми по очереди»⁵⁷.

Описывая процесс «постепенного “отмирания” всякого чиновничества», В.И. Ленин воспроизводит размышления К. Маркса и Ф. Энгельса о внутренней логике развития частнособственнических отношений: «Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а на этой базе громадное большинство функций старой “государственной власти” так упростилось и может быть сведено к таким

⁵⁶ Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 318.

⁵⁷ Ленин В. И. Государство и революция... С. 49–50.

простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную “заработную плату рабочего”, что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, “начальственного”⁵⁸. «Специфическое “начальствование” государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями “надсмотрщиков и бухгалтеров”, функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще»⁵⁹.

В рутинных функциях «бухгалтеров (с техниками всех сортов, видов и степеней)» действительно нет ничего сложного, и их действительно способен выполнять любой «грамотный горожанин». В современных условиях значительный объём этих функций и вовсе может выполняться бездумным компьютером, роботом. Нет ничего сложного и в функциях «надсмотрщиков», выполняющих свою работу по заранее оговоренному предписанию и следящих за тем, чтобы все «простые функции» выполнялись строго по инструкции. Эти функции можно переключать с одного «горожанина» на другого без какой-либо потери качества. В нештатных же ситуациях, когда инструкция становится бесполезной, когда рутинно-бюрократический режим управления должен смениться чрезвычайным режимом администрирования, далеко не каждый из «очереди» окажется одинаково способным принять на себя всю полноту ответственности за своё административное вмешательство.

В любых кризисных ситуациях (будь то стихийное бедствие, техногенная катастрофа или аварийная посадка са-

⁵⁸ Там же. С. 44.

⁵⁹ Там же. С. 49.

молёта) роль администратора предусматривает отход от заранее оговоренных предписаний для временной узурпации всей власти в целях обеспечения возможности своевременной мобилизации всех организационных ресурсов. Максимально полное, профессиональное исполнение этой важной роли требует, таким образом, чтобы её исполнителю на неопределённое время, достаточное для выхода организации из возникающих кризисов, было предоставлено место «вне очереди».

Функцию администрирования невозможно «выполнять всеми по очереди» по крайней мере до тех пор, покуда всё мировое сообщество не будет состоять из всесторонне развитых личностей, что лишит слово «очередь» ленинского смысла. И до тех самых пор общество не должно стремиться к очерёдности выполнения административно-распорядительских функций, но должно уметь защищать свои интересы от «начальствования» сразу после того, как оно становится излишним.

Уровень управленческих знаний российских учёных, в том числе и марксистских, уже на заре становления «общества нового типа» был вполне достаточным для того, чтобы заметить в антибюрократическом проекте, предлагаемом В.И. Лениным, его «разрыв с наукой и научностью», и считать проекты подобного рода «ошибками против экономической азбуки»⁶⁰, «совершенно несовместимыми с научным пониманием государства»⁶¹. Однако многочисленные указания на научную несуразность марксистско-ленинского проекта искоренения бюрократических дисфункций не остановили большевистских лидеров от попытки претворить этот проект в жизнь.

⁶⁰ Богданов А. А. Вопросы социализма // Работы разных лет. М., 1990. С. 348.

⁶¹ Там же. С. 347.

Уверенность большевиков в том, что любое «специфическое начальствование» можно свести к простым функциям «надсмотрщиков и бухгалтеров», вскоре сменилась полной растерянностью. Уже после X съезда РКП (март 1921 года) Ленин совершенно теряется перед российским бюрократизмом, злую личину которого он видит теперь «ещё яснее, ещё отчётливее, ещё грознее перед собой»⁶², и совершенно серьёзно спрашивает советских чиновников: «Почему бы теперь не переместить некоторых ... высокопоставленных товарищей на работу даже уездную, даже волостную? Не настолько же мы в самом деле “обюрократились”, чтобы “смушаться” этим»⁶³.

Надежды на то, что «...люди будущего будут добровольно делать то, что будут требовать сухие выкладки статистического подсчёта»⁶⁴, в то время как обезличенно-аппаратная, состоящая из «простых функций» работа Госплана и Госснаба будет обеспечивать наибольшее развитие общественных производительных сил, не оправдались. Очень скоро бесчинствующие чиновники рабоче-крестьянского происхождения стали глашатаями и единственными толкователями «требований статистического подсчёта». Самовольно управляя российским народом под прикрытием «статистических выкладок», эти вершители судеб целых отраслей, огромных российских регионов имели гарантированные дивиденды вне зависимости от личных качеств и достижений. «Если нас что и погубит, то

⁶² Ленин В. И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 230.

⁶³ Там же. С. 236.

⁶⁴ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 149.

это – бюрократизм»⁶⁵, – слова, написанные первым руководителем советского государства незадолго до смерти, оказались пророческими. Сбылось же это пророчество потому, что заняв административные должности и закономерно узурпировав всю власть в динамично меняющемся, кризисном обществе, первые распорядители «советского» государства уже не желали уступать эту власть тем, кто следовал за ними «по очереди». Следуя идее передавать властные полномочия «по очереди», советские администраторы закономерно оказались вне «очереди», быстро образовав привилегированно касту, нацеленную на власть ради власти и не заинтересованную в поддержании стабильности общественном развитии.

Недопонимание особого характера полномочий административной власти оказало пагубное влияние на перспективы развития власти, которая должна была представлять действительные интересы общества, – власти, которую Г. Спенсер в приведённой выше цитате назвал советательной. Как и следовало ожидать, административно-бюрократическая власть в условиях запрета частной собственности, высокой централизации советского хозяйства и жестоких кризисов первых послереволюционных лет, придала власти общественных представительных органов мнимый характер. Соответственно, столь же мнимой оказалась и личная ответственность администратора-узурпатора любого уровня полномочий перед обществом за свои действия (бездействие). По иронии истории, большевистская идея «начальствования по очереди» оказалась отчасти правильной, в условиях полной неподсудности со стороны общественных представителей возглавить огром-

⁶⁵ Ленин В.И. Письмо Г.Я. Сокольникову 22 и 28 февраля 1922 г. // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 180.

ную бюрократическую пирамиду «советского» государства мог фактически любой администратор с «уровнем развития обычного горожанина» – ведь качество администрирования, «начальствования» всё равно никак не оценивалось.

Почти полностью освобождённый от ответственности за свои действия И.В. Сталин, в отличие от В.И. Ленина, очень быстро пришёл к осознанию невозможности такого порядка, при котором «всё более упрощающиеся функции надсмотрщика и отчётности будут выполняться всеми по очереди»⁶⁶. По убеждению Сталина, для эффективного управления советским хозяйством требовался в основном единоличный авторитет вождя, который бы складывался «как из страха, так и из уважения»⁶⁷: «Чтобы рабочие могли победить, их должна воодушевить одна воля»⁶⁸. Сталин, будучи безусловно неординарной личностью и талантливым организатором, не был, впрочем, обладателем необходимых личных качеств, достаточных для того, чтобы взять на себя всю полноту ответственности за организующую деятельность столь внушительной государственно-бюрократической машины, которая была сформирована для управления технологически сложным советским хозяйством. По этой причине «Великий вождь всех народов» предпочёл создать себе вождистский авторитет через культ и сакрализацию личных качеств. Недостаточность же у государственного лидера такого масштаба реальных личных достоинств, необходимых для оптимального и ответственного руководства огромным плановым хозяйством, вынужденно восполнялось бюрократическим произ-

⁶⁶ Ленин В. И. Государство и революция... С. 49–50.

⁶⁷ Сталин И. В. О перспективах КПГ и о большевизации // Соч. М., 1954. Т. 7. С. 45.

⁶⁸ Там же. С. 36.

волом, а вместе с ним коррупцией, протекционизмом и прочими злоупотреблениями властью, не оставляющими рабочим ни малейшей возможности одержать ту «победу», о которой писал марксист И.В. Сталин.

Призывы к борьбе с бюрократизмом в «советской» стране не имели никакого общественного значения, поскольку с позиции одних бюрократических ведомств могли в одно и то же время быть направлены как против произвола, так и против формализма других ведомств. Бюрократический произвол стал необходимой нормой социалистического государства. Более того, И.В. Сталин, проводя политику «смены позиций», намеренно инициировал произвол обезличенной партийной, государственной и экономической бюрократии, часто опираясь для этого на произвол столь же обезличенного карательного ведомства.

Тому, что в теории марксизма исследование проблемы бюрократизма, в том виде, как её представлял М. Вебер, своего развития не имело, способствовал, конечно же, и сам Вебер. Веберовская позиция воспринималась марксистами примерно так же, как, например, взгляды философа-младогегельянца Бруно Бауэра, считавшего движущей силой истории самосознание «критических личностей». В известной критике Бруно Бауэра В.И. Лениным поэтому вполне возможна переадресация: «Открытое г-ном Бруно (читай М. Вебером. – А. Л.) отношение на самом деле есть не что иное, как критически-карикатурное завершение гегелевского понимания истории, которое, в свою очередь, есть не что иное, как спекулятивное выражение христианско-германской догмы о противоположности духа и материи, бога и мира. В пределах истории, в пределах самого человечества этой противоположности придаётся то выражение, что немногие избранные индивидуумы, в качестве

активного духа, противостоят остальному человечеству как неодолимой массе, как материи»⁶⁹.

Рассматривая бюрократию в иной перспективе, нежели К. Маркс (не как специфический привилегированный социальный слой, а как способ организации, тесно переплетенный, в частности, с капиталистической рациональностью), Вебер оставлял без внимания проблему взаимодействия административной и политической составляющих бюрократии. В рассуждениях об оптимальном режиме такого взаимодействия у Вебера не было логики. Вместо логики он использовал понятие «харизма», не допускающее никакого содержательного истолкования. Так что в принципе нет ничего удивительного в том, что мистическому и непонятному понятию «харизма» большевистские теоретики предпочли обыденное и предельно ясное для них понятие «очередь».

Сегодня, по справедливому замечанию Ю. Хабермаса, «мы можем различить власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть»⁷⁰, и главным средством борьбы с бюрократизмом, по всей видимости, должна стать оптимальная координация действий этих властей. Ведь в конце концов опасность исходит не от бюрократии, какой бы могущественной она не была, а от неспособности общества обеспечить контроль над функциями, которые та выполняет.

Идея целесообразности контроля над распорядителями акционерного капитала со стороны государственной бюрократии используется зрелыми корпорациями исключи-

⁶⁹ Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 20.

⁷⁰ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г. М., 1992. С. 49.

тельно для того, чтобы насильно, через систему налогообложения и государственного заказа, принуждать весь мир к потреблению огромной массы товаров и услуг, ненужных с точки зрения их производительного использования. По сути, современное государство используется распорядителями крупного акционерного капитала как главный рычаг кризиса перепроизводства. Поэтому основной практической задачей всех прогрессивных сил мира, обеспокоенных разрушительным произволом государственных чиновников и другими деструктивными проявлениями деятельности современных транснациональных корпораций, должна стать организация эффективного рабочего контроля над распорядительской деятельностью, осуществляемой в рамках акционерных обществ. Верное решение этой задачи, при поддержке широкой общественности, станет катализатором социальных преобразований, перенаправляющим развитие акционерного капитала с целей разрушения на цели созидания и переводящим все традиционные регулятивные надстройки, от семьи до государства, в оптимальный, качественно улучшенный режим их функционирования.

ФИЛОСОФИЯ КРИЗИСНОГО МЫШЛЕНИЯ

Рассказов Л.Д.

Время, в которое мы живем, проходит под знаком глобализации – явления эпохи, которое «сжимает мир». Актуальны слова В.И. Вернадского в этой связи: «Человек должен понять... что он не есть случайное, независимое от окружающего – биосферы или ноосферы, – свободно действующее природное явление. Он составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение, по крайней мере, двух миллиардов лет» [4, с. 21]. Биосфера, согласно учению автора, отчасти перешла и продолжает переходить в новое эволюционное состояние – в ноосферу, перерабатывается научной мыслью социального человечества. «История научной мысли, по Вернадскому, есть одновременно история создания в биосфере новой геологической силы – научной мысли, раньше в биосфере отсутствовавшей» [Там же, с. 26]. Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен пересмотреть своим трудом и мыслью область своей жизни, пересмотреть коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Человек впервые реально понял, что он житель планеты, и может, должен мыслить и действовать в новом аспекте – не только как отдельная личность, а как представитель рода человеческого. Отсюда возникает вопрос о важности понимания того факта, как помыслить уже созданную реальность бытия человеческого на Земле и как помыслить будущее общества в условиях продолжающегося кризиса в планетном масштабе?

Несколько слов о глобализации. В последнее время термин «глобализация» всё чаще отмечается в самых разных областях и на самых разных уровнях общественной жизни в нашей стране и за рубежом. Причин тому достаточно много. Это общемировые процессы, участниками которых мы являемся вольно или невольно. В то же время это и сама реальность, в которой мы живём и которую мы уже не можем называть иначе как «глобализованный мир».

Л.П. Крысин пишет: «Глобализация – придание чему-нибудь глобальных масштабов, глобального характера. Глобализация европейской экономики, глобализация объединительных процессов в современном мире. Глобализационный – характеризующийся глобализацией. Глобальный – 1. Охватывающий весь земной шар. В глобальном масштабе. 2. Полный, всеохватывающий. Глобальное изучение. Глобальный опрос. Глобальность – свойство глобального» [11, с. 210]. Глобализация – объективный процесс, качественно новый этап интеграции различных сфер человеческой жизнедеятельности. Характеризуется взаимосвязью и взаимозависимостью стран и народов, становлением общемирового финансово-экономического пространства, информационной революцией, превращением знания в базовый элемент общественного богатства. Основной вектор развития глобализации – формирование целостного мира, глобального сообщества, нового качества человеческой цивилизации. Согласно А.Н. Чумакову, «глобализация – процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни... – выступает также и как явление, и как феномен, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе замкнутостью глобального пространства... и которая в таком качестве никем не может быть проигнорирована» [22, с. 31].

Феномен глобализации исследуется с конца 60-х гг. XX в., когда начали активно обсуждаться глобальные проблемы современности. Тон задавали материалы и выводы основанного в 1968 г. Римского клуба – международной неправительственной организации, поставившей своей целью изучение глобальной проблематики и поиск путей решения общечеловеческих проблем. На стыке XX и XXI вв. широко дискутировались вопросы культурного разнообразия и перспектив развития современной цивилизации. В настоящее время внимание исследователей концентрируется также на проблемах многоаспектности глобализации и путях формирования целостного мира.

Целостность мира, единство человечества, новый тип отношений между людьми – все это не только перспектива и отдаленный идеал, но и отчетливо выраженная тенденция развития, более того, в значительной степени объективная реальность. Уже сегодня можно говорить о становлении относительно единого мирового сообщества. Современная жизнь сложна, конфликты разной направленности и силы сотрясают мир, да и межчеловеческие отношения во многих случаях далеки от гармонии. Но без идеала и видения перспективы того или иного общепланетарного явления, основанного на реальных процессах, невозможны целеполагание и определение конечной направленности данного феномена. В этом смысле глобализация призвана в планетарном масштабе преобразовать современный социум и миропорядок, воплотить в жизнь древнейшую идею целостности мира, единства человеческого сообщества при сохранении своеобразия его составляющих.

«Главное в глобализации, – отмечает М.Г. Делягин, – изменение самого предмета человеческого труда... преобразование живого человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного» [9, с. 53]. Стремительное

распространение современных информационных технологий изменило сам характер человеческого развития и обеспечило революционную переориентацию усилий человечества: оно впервые за всю свою историю начало экологично концентрироваться на изменении уже не окружающей среды, но самого себя. Автор делает вывод: «Наиболее глубокой причиной этой революционной переориентации, скорее всего, стало приближение растущей антропогенной нагрузки на биосферу к некоему критическому уровню, вызвавшее стихийную корректировку характера развития человечества – на уровне не его самого, но всего планетарного организма Земли» [Там же, с. 55].

Итак, сама этимология слова «глобализация» заставляет любого неангажированного исследователя обратить внимание на процессы планетарного масштаба, которые затрагивают различные сферы общественной жизни, имеют, прежде всего, объективный характер и разворачиваются в естественноисторическом контексте. Они кардинально изменили мир, «сжали», «спрессовали», «сократили» пространство и время до немислимых ещё в недалёком прошлом размеров. При всей разности и даже противоположности мнений глобализация – объективная реальность, с которой невозможно не считаться, практический и теоретический феномен, нуждающийся в серьёзном анализе. Главное в глобализации – изменение самого предмета человеческого труда: преобразование живого человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Не субъективный фактор лежит в основе глобализации и всецело определяет её, а объективные тенденции мирового развития, которые, конечно же, подвержены влиянию субъективного фактора, но не произвольному и безграничному, а в заданных естественноисторическими и конкретными социально-политическими условиями пределах. Объективное и субъективное непосредственно увязаны в

единое целое, однако субъективный фактор не может доминировать над естественным ходом событий, хотя и играет важную, порой решающую роль в судьбе человека.

Подойдем к решению вышеперечисленных проблем со стороны понятия «кризисное мышление».

Кризисное мышление – это новое понятие, которого мы не найдем в современной отечественной и зарубежной литературе. Отсюда цель нашего исследования: 1) уточнить имеющиеся понятия мышления; 2) определить смежные или близкие области пересечения понятий «мышление» и «кризисное мышление», взятых в философском контексте; 3) выделить и сравнить понятие «кризисное мышление» с кризисным сознанием. Мы обращаемся к этой малоизученной теме, так как, на наш взгляд, налицо все предпосылки для философского исследования сущности и существования системного общественного кризиса в условиях глобализации с точки зрения мышления и его производной – «кризисного мышления». «То, что в познании называется “понятием”», – отмечает А.А. Богданов, – есть прочная, социально обусловленная ассоциация по смежности между расплывчато-неустойчивым в сознании комплексом “обобщением” и вполне определенным, незначительным по сумме элементов, высококонсервативным комплексом “словом” [3, с. 155]. В философии цепь обобщающих понятий формируется систематически, шаг за шагом, продвигаясь все выше, восходя к самым общим, всеохватывающим для социального опыта понятиям.

Но способ образования и спутанной системы понятий обыденного мышления, и стройной системы научного мышления один и тот же. Согласно автору, это «объединение “организующих” опыт комбинаций другими, “организуемыми” в свою очередь первые. Разница та, что материал научной системы понятий шире... научная система понятий охватывает бесчисленные элементы, в обыденном

мышлении разбросанные по различным отдельным психикам, причем действие социального подбора из всей этой массы материала сохраняет и организует лишь наиболее жизнеспособное и наиболее устойчивое» [Там же, с. 273–274].

Отсюда всякое действительное мышление есть гармонизация опыта и, следовательно, имеет опыт своим содержанием. Иными словами, понятия, категории и законы – это и есть та цепочка, шаги и путь восхождения от обедненных слов-понятий обыденного мышления к философским словам-понятиям, объединяющим опыт, концентрирующим сущностные стороны действительности.

Три-четыре столетия назад в Европе сформировалось новое для мировой истории явление – наука современного типа. У ее истоков стоял Рене Декарт (Картезий), провозгласивший: «Я мыслю, следовательно, существую». Н.Н. Слонов, анализируя творчество Г. Бейтсона и Э. Ильенкова, условно выделяет из содержания традиционного понятия «сознание» некоторую его часть. «К этой части отнесем “мышление”, – отмечает автор, – способность некоторой системы отражать окружающий мир (“мыслить о нем”) – и связанную с “мышлением” “разумность” – способность некоторой системы обеспечивать такие реакции на внешние воздействия, которые поддерживают системную целостность (осуществлять “разумные” действия)» [19, с. 109].

«Мышление, согласно П.В. Алексееву и А.В. Панину, в самом общем виде можно определить как процесс оперирования образами предметов... конкретно-чувственными и понятийными образами» [1, с. 307]. «Мышление, по Богданову, – внутренняя речь. Его элементы – “понятия” – тоже, следовательно, дегрессивны, “скелетны” [2, с. 133]. М. Шарипов полагает: «Важным инструментом познания является мышление, имеющее свою логическую структу-

ру» [24, с. 110]. Последнюю составляют научные факты, законы, принципы, идеи, гипотезы, теории и другие логические формы знания, которые включаются в структуру мышления, лишь будучи представленными в форме понятий, категорий. Поэтому, можно сказать, основу мышления составляет его категориальная структура, которая постоянно совершенствуется, развивается за счет обогащения содержания существующих категорий и возникновения новых. «Мышление, – отмечает В.А. Лекторский, – процесс решения проблем, выражающийся в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата. Мышление предполагает активную конструктивную деятельность по переструктурированию исходных данных, их расчленение, синтезирование и дополнение» [12, с. 626]. Таким образом, мышление может быть направлено либо на понимание реальных обстоятельств («в какой ситуации приходится действовать, как устроен мир»), либо на достижение практического результата («как достичь того, что мне нужно»). «Философия, – уточняет автор, – изучает мышление не с точки зрения анализа техники рассуждений, а с целью выяснения возможности или невозможности постижения реальности с помощью тех или иных норм мышления» [Там же, с. 627].

Таким образом, философия изучает мышление как активный процесс, воплощающийся в предметах культуры: в структурах языка, книгах и иных текстах, в произведениях искусства, в правилах деятельности.

Как видим, мышление является традиционным предметом философского познания. Уже древние мыслители создавали своеобразные учения об этом феномене, и они становились центральными элементами теорий познания. «Известно, – отмечает В.Ф. Юлов, – что в философских системах Платона и Аристотеля рефлексии в отношении мышления отведено значительное место» [26,; с. 3]. На со-

временном этапе актуализировалась задача философского осмысления всего многообразия научных и эпистемологических подходов к мышлению. «Необходимость такого исследования, – заключает автор, – диктуется потребностью выработки объединяющей стратегии, которая могла бы вписать модель мышления в сложный и разноплановый контекст сознания» [Там же, с. 6].

Таким образом, из содержания традиционного понятия «сознание» условно выделяется его часть – «мышление», как способность некоторой системы отражать окружающий мир, «мыслить» о нем». Мышление в самом общем виде можно определить как процесс оперирования образами предметов, конкретно-чувственными и понятийными образами. Оно, как и другие элементы психического мира человека, обладает устойчивостью и является важным инструментом познания; имеет свою логическую структуру. Мышление – процесс решения проблем, выражающийся в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата. Оно предполагает активную конструктивную деятельность по переструктурированию исходных данных, их расчленение, синтезирование и дополнение. Отсюда мышление может быть направлено либо на понимание реальных обстоятельств, либо на достижение практического результата. Философия изучает мышление как объективный процесс, воплощающийся в предметах культуры. В целом мышление, является традиционным предметом философского познания.

Уточним понятия «сознание» и «мышление», а также отметим точки их пересечения. С.И. Ожегов отмечает: «Мышление, мыслить – способность человека рассуждать, представляющая собою процесс отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях» [14, с. 325]. По мнению автора, понятия «сознание» и «мышление» тесно связаны между собой. Определяя соз-

нение, он отмечает: «Сознание – мысль, чувство, ясное понимание чего-нибудь. Способность человека мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности; психическая деятельность как отражение действительности. Состояние человека в здравом уме и в памяти, способность отдавать себе отчет в своих поступках и чувствах. То же, что сознательность» [Там же, с. 662].

«Мышление, – полагает А.А. Грицанов, – категория, обозначающая процессуальность функционирования сознания (познавательную деятельность) – традиционный предмет философствования, присутствующий в его структуре с момента возникновения философии как таковой» [5, с. 449]. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко отмечают, что «мышление – внутреннее, активное стремление овладеть своими собственными представлениями, понятиями, побуждениями чувств и воли, воспоминаниями, ожиданиями и т.д. с той целью, чтобы получить необходимую для овладения ситуацией директиву» [7, с. 280].

Мышление, которое по своей структуре может быть познающим или эмоциональным таким образом, состоит в постоянной перегруппировке всех возможных содержаний сознания и образования или разрушении существующих между ними связей; при этом может выделяться результат содержания сознания, который принимает сравнительно определенную форму и может быть назван мыслью. «В научно-философском смысле мышление, отмечают авторы, – представляет собой всегда в той или иной степени понятийное мышление: если эта степень больше, то мышление называется априорным, если эта степень меньше, то мышление называется апостериорным» [Там же, с. 281]. В.В. Лопатин и Л.Е. Лопатина отмечают: «Мышление – способность человека, уясняя содержание явлений действительности, связывать, сопоставлять их и делать из этого

выводы; сам процесс такого сопоставления явлений» [13, с. 265].

«Сознание, – отмечает С.Ю. Солодовников, – традиционно – одно из фундаментальных понятий философии, психологии, социологии, которое противостоит – в контексте субъект-объектной оппозиции» [20, с. 762]. Сознание представляет собой внутренний мир чувств, мыслей, идей и других духовных феноменов, которые непосредственно не воспринимаются органами чувств и принципиально не могут стать объектами предметно-практической деятельности ни самого сознающего субъекта, ни других людей. В этом онтологическом аспекте бытие, существование сознания выражается понятиями «субъективная реальность», «идеальное». В аксиологическом аспекте категория идеального выражает ценностное отношение к действительности. В праксеологическом ракурсе эта категория обозначает духовную активность, творческую интенцию, целеполагание и целеустремленность, волю и саморефлексивность сознания.

Таким образом, сознание и мышление тесно связаны между собой. Сознание – мысль, чувство, ясное понимание чего-нибудь, в то же время это способность человека мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности. Мышление – категория, обозначающая процессуальность функционирования сознания, традиционный предмет философствования. Оно занято постоянной перегруппировкой различных содержаний сознания и образования или разрушением существующих между ними связей. Мышление, следовательно, – способность человека связывать, сопоставлять отражаемые сознанием явления действительности, сам процесс такого сопоставления явлений. Сознание представляет собой внутренний мир чувств, мыслей, идей и других духовных феноменов: оно шире понятия мышления, включает его в свой состав.

Мы рассматриваем «кризисное мышление» в рамках уже существующего понятия «мышление», а также в рамках имеющихся определений кризисного сознания отечественных и зарубежных авторов. Вводится это понятие по нескольким причинам. Во-первых, термин «кризисное сознание» (см.: Сидорина Т.Ю. Философия кризиса, Парадоксы кризисного сознания и др.) [16; 17; 18] настоятельно требует введения в оборот понятия «кризисного мышления» в целях сравнения. В этом смысле «кризисное сознание» и «кризисное мышление», на наш взгляд, имеют собственное существование и тесно связаны между собой, как форма (сознание) и содержание (мышление). В то же время, оба понятия дополняют и обогащают друг друга. Во-вторых, «кризисное мышление» мы рассматриваем как производное от понятия «мышление». В этом смысле кризисное мышление проявляет свойства мышления в виде оперирования образами и понятиями качественных изменений действительности, которые, в свою очередь, отражены кризисным сознанием. Иными словами, кризисное мышление – это мышление, проявляющее свои родовые свойства в период отражения качественных изменений действительности. Кризисное мышление в статике – мышление, оперирующее отраженными сознанием содержаниями уже происшедших качественных изменений в действительности. Кризисное мышление в динамике – мышление, оперирующее отраженными сознанием содержаниями происходящих качественных изменений в действительности.

Наш обзор понятия «мышление» будет неполным, если мы не сравним, по крайней мере, два типа мышления, – представляющие и отображающие два типа общественной жизни – русской и западной. С.Л. Франк, сравнивая два типа общества (в терминах Н.М. Чуринова – индивидуалистического и коллективистского [23, с. 86–88]), отмечает:

«Своеобразие русского типа мышления именно в том, что оно изначально основывается на интуиции... для русского эмпиризма (в отличие от английского), в конечном счете, то, что понимается под жизненным опытом» [21, с. 12]. Согласно автору, узнать что-либо – означает приобщиться к чему-либо посредством внутреннего осознания и сопереживания, постичь что-либо внутренне и обладать этим во всей полноте его жизненных проявлений. Не внешнее познание предмета, как это происходит посредством чувственного восприятия, а освоение человеческим духом действительности самого предмета в его живой целостности. И по отношению к этому опыту логическая очевидность затрагивает лишь, так сказать, внешнюю сторону истины, не проникая в ее внутреннее ядро, и потому она всегда остается неадекватной полной и конкретной истине. «Это понятие опыта, – отмечает автор, – не только подсудно лежит в основе всего русского мышления и русской философии, но и весьма подробно и ясно обосновано в самобытной национальной теории познания, совершенно неизвестной Западу» [Там же, с. 12]. Отсюда, мышление индивидуалистическое, или западное, отстранено от целостного восприятия предмета и его сопереживания; оно стремится, согласно Франку, познать внешнюю его сторону.

Другой выдающийся русский философ, И.А. Ильин, говоря о сущности мышления в философском контексте, отмечал: «Мыслить и исследовать человек может только свободно: потому что настоящее мышление самостоятельно и всякое подлинно научное исследование самодеятельно; оно не терпит навязанного авторитета и не может двигаться по предписанию и запрету... Все духовное и великое возникает в жизни таинственным образом из себя и через самого себя; так преодолеваются духовные кризисы» [10, с. 507–508].

Уточним понятие кризисного сознания и сравним его с понятием сознания. «Кризисное сознание, – как отмечает И.А. Пигалев, – сознание, основывающееся на постулате о радикальной несостоятельности западного общества, западной культуры и цивилизации вообще. У истоков кризисного сознания стояли композитор и мыслитель Р. Вагнер с идеей “гибели богов” индивидуалистической западной культуры и Ницше с идеей “декаданса” западной культуры, выразившегося в ее “рационализации” [15, с. 62]. Социальные кризисы неизбежно провоцируют всплеск и обострение кризисного сознания. Понимание особенностей кризисного сознания, его эволюции, причин, вызывающих его обострение в те или иные периоды человеческой истории, требует изучения данного феномена в контексте социального сознания в целом. «В противоположность кризисному сознанию, – отмечает Ю.Н. Давыдов, – как типу социального сознания исследователи выделяют и изучают стабилизационное сознание как выражающее стремление к укреплению духовных основ культуры и этико-культурных основ общественного порядка» [8, с. 5]. Кризисное и стабилизационное сознание можно рассматривать как два полюса современной социальной ситуации и сопровождающего ее социального сознания. Понимание развития кризисного сознания, окончательно обнажившего свой нигилистический подтекст в XX в., требует неизбежного сопоставления как с событиями, происходящими в обществе, так и с изменениями, которые претерпевало в этот период стабилизационное сознание. Как отмечает Т.Ю. Сидорина, «XX век, на наш взгляд, войдет в историю как один из самых драматических и кризисных за всё время существования человечества» [18, с. 5]. Кризисное сознание, кризисное мироощущение сопровождают человечество на всех этапах его исторического развития, нередко облекаясь в апокалипсическую форму. Наиболее остро кризисное ми-

ровосприятие проявляется в периоды резких социальных трансформаций.

А.А. Богданов так вводит нас в существо вопроса: «С точки зрения обыденного мышления кризис есть какое-то нарушение непрерывности» [2, с. 214]. Автор полагает, что два основных типа кризисов возникают из нарушения полных дезингрессий (ослабление и разрыв связей в комплексах теоретических и практических. – Р.Л.), следовательно, разрыва тектологических границ, следовательно, образования новых связей; другие, напротив, из образования полных дезингрессий, создания новых границ там, где их не было, т.е. из разрыва связей [Там же, с. 214]. Первый тип мы обозначим как «кризис С», т.е. конъюгационные, соединительные; вторые – как «кризисы D», т.е. «дизъюнктивные», разделительные [Там же, с. 214–215].

Согласно Богданову, мы можем предварительно заключить, что мышление, от его предмета и процесса отражения, называется кризисным. Следовательно, мышление, отражающие разъединительные и соединительные процессы, будет называться, в терминах автора, кризисным конъюгационным мышлением и кризисным дизъюнктивным мышлением.

Общим основанием для кризисного мышления является его кризисная природа, где «кризис, по Богданову, есть нарушение равновесия, и в то же время, процесс перехода к некоторому новому равновесию» [Там же, с. 218].

Возникает вопрос: где и когда мы можем говорить о кризисном мышлении? Ответ дает сам автор тектологии: «факт “кризиса” признается тогда, когда в результате наблюдаемого процесса оказывается не та тектологическая (организационная. – Р.Л.) форма, какая была до него» [Там же, с. 252].

Иными словами, мышление отражает стабилизационные социальные процессы, а кризисное мышление – в их,

соответственно, уже изменившихся или еще меняющихся формах. Сущность и существование кризисного мышления пока еще не раскрыты, и мы находимся в начале пути. Автор отмечает в этой связи: «Процессы мышления в нынешней фазе развития человечества (эти слова сказаны более ста лет назад! – Р.Л.) гораздо менее планомерны, т.е. более стихийны, чем практически-трудовые» [Там же, с. 236].

А.А. Богданов отмечал следующее о последовательности шагов в философском и научном анализе: «Исследовать явления начиная прямо с их динамики нельзя: исходным пунктом приходится брать реальное или хотя бы мыслимое состояние равновесия... Как в жизни, так и в науке надо идти от какой-нибудь базы, по крайней мере, относительно устойчивой» [Богданов, с. 290]. Базовый понятийный и категориальный аппарат в нашем исследовании – это устойчивые философские категории – бытие, сознание и мышление, общественное развитие, социальные процессы, сущность и существование, а также новые понятия – кризисное сознание и глобализация. «Обычный путь терминов таков, отмечает М.Н. Эпштейн: от использования в конкретных текстах – к фиксации и систематизации в словаре» [25, с. 135]. Словотворчество, терминообразование всегда играло особую роль в философии, которая занята поиском таких концептов, категорий, освобождающих мысль от плена повседневного языка и предрассудков здравого смысла. «Мыслить, – отмечает автор, – это значит заново создавать язык, “поперечный” житейскому языку, критически очищенный от захваченных клише, автоматизмов, резко отстраняющий, деавтоматизирующий их» [Там же, с. 136]. Творчество мыслителя стремится запечатлеть себя в конструкции странных, диковинных слов, которые откликнулись бы на бытийные «слова» – трудновыразимые понятия и смыслы, лежащие в основе мироздания. При этом философ может пользоваться словами, уже существ-

вующими в языке, придавая им новый фундаментальный смысл, т.е. творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы. Философ испытывает трудности с языком именно потому, что он работает не с наличными словами, а с мыслью, которая хочет переспорить язык. «Философ, согласно автору, часто не находит нужных ему слов в естественном языке и изобретает новые слова или придает новые значения известным словам» Там же, с. 136–137].

Философия, как и любая дисциплина, не может развиваться без обновления своей концептуально-терминологической системы. Для философии начала XXI в. это тем более важно, что в XX в. она приобрела, особенно в англоязычном мире, лингвистическую ориентацию и сосредоточилась на анализе языка. Переход к синтезу языка, к системному построению новых понятий и терминов, знаменует собой новый поворот философии, который обещает придать ей более творческий характер в XXI в. Сейчас как никогда свежо звучит призыв Ф. Ницше: «Философы догадываются только напоследок, что они не могут уже больше пользоваться готовыми понятиями, не могут только очищать и выяснять их, но должны создавать, сотворить их, установить их и убедить в них» [Там же, с. 137]. Эта же задача ставится в трудах Ж. Делеза и Ф. Гваттари, направленных именно на масштабное обновление философского языка, синтез новых концептов и терминов: «Философия – дисциплина, состоящая в творчестве концептов... Поскольку концепт должен быть сотворен, он связан с философом как с человеком, который обладает им в потенции, у которого есть для этого потенция и мастерство... искусство философа сообщает существование также и умственным существам, а философские концепты тоже суть “sensibilia”» [Там же, с. 137].

Таким образом, условно выделяется из содержания традиционного понятия «сознание» его часть – «мышление, как способность некоторой системы отражать окружающий мир, мыслить о нем». Сознание и мышление тесно связаны между собой. Сознание – мысль, чувство, ясное понимание чего-нибудь, в то же время это способность человека мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности. Мышление – категория, обозначающая процессуальность функционирования сознания, традиционный предмет философствования. Оно занято постоянной перегруппировкой различных содержаний сознания и образованием или разрушением существующих между ними связей. Мышление, следовательно, – способность человека связывать, сопоставлять отражаемые сознанием явления действительности, сам процесс такого сопоставления явлений. Понятие сознания шире понятия мышления, включает его в свой состав.

Следовательно, кризисное мышление – это процесс и результат деятельности созидающего субъекта, отражающие кризисные процессы в действительности в их статике и динамике; одна из форм фиксирования и преобразования социальной информации в эпоху глобализации, ею порожаемая и влияющая на нее. Завершим наше исследование пафосом автора учения о ноосфере В.И. Вернадского: «Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть, поэтому, на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» [Вернадский, с. 242].

Итак, кризисное мышление – это новое понятие, которое мы вводим. Оно не расширяет понятие мышления, а лишь раскрывает его родовые свойства среди других своих многочисленных видов: критического, творческого, рефлексивного, абстрактного, синтетического, аналитического

и т.п. Необходимость его введения, на наш взгляд, обусловлена тем, что наряду с понятием кризисного сознания, как формы отражения субъектом действительности, остается место для оперирования содержанием этой действительности.

Иными словами, предметом кризисного мышления является определение и квалифицирование разрывов, соединений, перемещения границ, качественных переходов и осмысления вновь образованных качественных содержаний в структуре общественного бытия и сознания. Мы полагаем, что в этом смысле кризисное мышление выступает субъективным фактором развития глобализации, распознающим и квалифицирующим его содержательные кризисные аспекты.

Библиографический список

1. Алексеев П.В. Философия: учебник - А.В. Панин. – Изд-ие 3-е перераб. и доп. М.: ТК Велби; Изд-во «Проспект», 2006. 608 с.
2. Богданов А.А. Тектология (всеобщая организационная наука): в 2 т. Т. 2. / М.: Политиздат, 1989. 346 с.
3. Богданов А.А. Эмпириомонизм: статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.
4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
5. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. 896 с.
6. Губский Е.Ф., Кораблева Г.В., Лутченко В.А. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 576 с.
7. Губский Е.Ф. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. 678 с.

8. Давыдов Ю.Н. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории // История теоретической социологии 1999. Т. 3. С. 5.
9. Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации: курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 768 с.
10. Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. 592 с.
11. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2009. 944 с.
12. Лекторский В.А. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 (Е-М) М.: Мысль, 2001. 1240 с.
13. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка М.: Русский язык, 1999. 704 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка Изд. 14-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1982. 816 с.
15. Пигалев И.А. Новейший философский словарь М.: Книжный дом, 2003. 1280 с.
16. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса: учебное пособие М.: Флинта: Наука, 2003. 456 с.
17. Сидорина Т.Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей М.: ГУ ВШЭ, 2001. 182 с.
18. Сидорина Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. 239 с.
19. Слонов Н.Н. Системный разум: Бейтсон и Ильенков // Философские науки. 2009. №5. С. 104–119.
20. Солодовников С.Ю. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политекономия Минск.: МФЦП, 2002. 1008 с.
21. Франк С.Л. Духовные основы общества М.: Республика, 1992. 511 с.
22. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст монография М.: «Канон+» РООН «Реабилитация», 2006. 516 с.

23. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода: философские очерки 2-е изд., доп. – Красноярск: СИБУП, 2003. – 515 с.
24. Шарипов М. Частнонаучные категории в структуре мышления // Вестник Российского философского общества. 2008. №1(45). С.110–114.
25. Эпштейн М.Н. Философия языкового синтеза. О проективном мышлении // Философские науки. 2009. №9. С.135–140.
26. Юлов В.Ф. Мышление в контексте сознания М.: Академический Проект, 2005. 496 с.

ТЕХНОГЕННОСТЬ ВЛАСТИ

Колмаков В.Ю

Техногенность власти – тенденция усиления власти за счёт использования современных супертехнологических методов. Власть развивается во многом в логике техногенного, технологического направления – как машина, супермашина, как современный техногенный монстр власти над обществом и личностью. Власть обладает соответствующей интеллектуальностью, но это почти искусственный интеллект, противоположный социальному интеллекту, зачастую не соответствующий ему и противоположный ему по направленности деятельности. Власть, не обладающая привлекательной интеллектуальностью, теряет свои позиции в обществе, не рассматривается как положительное явление. Эта ситуация опасна, она указывает на вырождение социального интеллекта власти, неадекватность линии её развития.

Новым для государственной структурной организации становится элемент, который приобретает характеристики системного порядка. Этим элементом являются информационные технологии в той их форме, которая повлияла на становление новых возможностей развития коммуникационной структуры государства. Очевидно, бесполезно сопротивление традиционного, можно сказать, доиндустриального, государства тем новым информационным технологиям, которые находят своё применение и своеобразное проявление в политической сфере.

В логике развития техногенного общества появляется его новая стадия – сетевое общество. И есть надежда, что оно станет моделью нового, блоггерного гражданского

общества. Говоря об оценках и перспективах развития гражданского общества, можно отметить, что сама идея гражданского общества изменяется и приобретает новые смыслы и конкретные особенности. Очень проблематично это проявляется в современной России. Некорректно говорить об элите как интеллигенции, способной взять на себя функции осознания национальных интересов. Это особая историческая миссия определения целей развития государства и общества. Проблема, безусловно, в этом есть, и данная проблема является достаточно сложной, чтобы всестороннее отразить все аспекты социального развития.

Ментальная адекватность власти очень важна во всех отношениях. Власть – вольно или невольно, осознанно или случайно – ориентирована на определённую ментальную социальную группу, рассчитывая, что её действия будут достаточно адекватно поняты некой социальной группой, от дальнейшего поведения которой будут возникать социальные последствия, в той или иной мере устраивающие данную власть. Если власть выстраивает свои действия таким образом, что они являются непонятными для условно-контрольной ментальной группы, то возникает достаточно серьёзное противоречие между этой группой, а скорее всего, и между всем обществом и данной властью.

В российском обществе проходит достаточно сложный процесс трансформации, то есть преобразования. И, безусловно, сегодня та форма власти, те социальные связи, которые образуют эту власть, существенно отличаются от форм власти, которая проявляла свои откровенные негативные управленческие характеристики в прошлом. И поэтому действительно хотелось бы надеяться, что эта форма власти, эта социальная институционализация феномена власти даст новые положительные следствия.

Гражданское общество развивается как некая форма организации взаимосвязей между обществом и властью, и

последние изменения российской социокультурной реальности выявляют ряд парадоксальных форм, во взаимодействии с которыми обнаруживаются новые свойства гражданского общества. В частности, 2010 год неожиданно показал необходимость реализации тех конституционных прав и свобод, которые до этого воспринимались лишь как условные и достаточно формальные права. Право на свободу митингов и собраний приняло неожиданно форму выражения борьбы за свободу действий, несанкционированных официальной властью.

Сложность формирования гражданско-правовой институализации в российском обществе, то есть в том обществе, где ещё существует достаточно мощная дифференциация политико-правовой культуры, присущей и связанной с конкретными формами жизнедеятельности и данное обстоятельство развития гражданской социальной формы жизнедеятельности может быть исследовано в различных региональных, этнических и культурных особенных условиях. Поэтому важно рассмотреть достаточно сложную взаимосвязь формирования гражданского общества и региональных факторов, влияющих на него.

Диалог народа с властью – явление, которое вроде бы существует, но всегда непонятно, что именно оно из себя представляет. Диалог вроде бы есть, и власть старается при каждом удобном случае подчеркнуть, что она ведёт этот диалог. Но чаще всего показушные отсценарированные, отрепетированные проявления такого диалога ничего по существу не изменяют. Они словно бы проводятся для некой отчётности, поставленной галочки о том, что за отчётный период власть столько то раз поговорила с народом. Неважно, о чём поговорила, и неважно, что в результате изменилось, важно, что есть изображение процесса некоего общения власти, снизошедшей до народа. Народ в результате где-то местами даже счастлив, что его таким об-

разом благодетельствовали. Народ отчасти по-прежнему боится власти, особенно власти, вдруг решившейся общаться с народом. Сами условия такого общения, сопряженные с безопасностью власти, больше похоже на что-то не совсем добровольное. Небедный премьер-министр, раздаривающий дорогие часы неким представителям народа, заставляет задуматься над тем, почему подарили именно этому человеку? Как воспринимать и оценивать сам факт такого подарка? Нет ли в этом проявления некоего барства, мол, ты, бедолажка с маленькой зарплатой, иди сюда, я тебя благодетельствую, я тебе часы подарю. Можно сказать, что власть учится общаться с народом, и пока нет однозначного позитивного опыта удачного общения. Само понятие «диалог власти и народа» не несёт какого-то определённого конкретного смысла, но в этом проявляется, возможно, главный смысл такого действия: власть должна отвечать на умонастроение народа.

Власть, которая не видит такой специфической ментальной социальной реальности, какой является умонастроение общества, не может быть адекватна данному обществу. Такой диалог, может, когда-нибудь приобретёт более динамичные формы. Например, сегодня информационные технологии позволяют социологически отслеживать реакции общества на определённые действия власти, и, очевидно, в условиях реализации программы информатизации общества можно создать такую социальную сеть, в рамках которой было бы вполне возможно достаточно быстро выявлять социальные реакции на очередные действия власти. Можно было бы легко получать обратную, диалоговую по существу, реакцию общества на удовлетворённость действиями власти. Но власть сейчас не готова к такой системе оценивания её деятельности. Власть оставляет за собой оценивание собственной деятельности.

Сегодня необходимо говорить не столько о классической модели, сколько о новых моделях, отражающих сетевые параметры современного общества. Имеется в виду тот факт, что возникла возможность достаточно большому количеству пользователей сетевого пространства, различных социальных сетей, чатов, форумов и т. п. явлений без какой-либо существенной цензуры высказывать своё мнение о действиях власти. И власть, при всём неудобстве для неё данного явления, пока не нашла возможность закрыть данный вид выражения общественного мнения. Можно отметить то, что эта форма пока в основном носит атомизированный, не обобществлённый, индивидуализированный характер. И тем не менее можно говорить о формировании гражданского сетевого общества с новой формой выражения реакции на действия властей.

2010 год выявил процессы, которые явно не вписываются в картину благополучного развития российской системы управления. Борьба за право общественных собраний стала проявлением борьбы за выполнение конституционных прав. Марш несогласных показал, что власть не может отдирижировать все политические процессы, происходящие в обществе. В этом видится своеобразный прецедент требования исполнения права на собрание. Необходимо сказать, что в целом активность гражданского общества будет нарастать. Государство уже не может предпринять мощных мер по отношению к обществу, но могут быть приняты незаконные действия по отношению к отдельным личностям, например к представителям оппозиции или бизнеса.

Гражданское общество по необходимости берёт на себя функции оппозиции. И особенность конкретной структуры гражданского общества будет определяться спецификой реальных событий, заставляющих реагировать на них дос-

таточно определённым образом. Если «человек власти» неглуп, то он чувствует, что измениться необходимо.

Партии и власть оторваны от народа, его интересов, властные амбиции являются для них более важными, чем интересы народа. Партии в современном мире в различных политических системах играют во многом сходную роль, развиваются по своим особым законам, но в целом можно заметить, как в этих различных системах возникают сходные кризисные явления. Любая ведущая партия (возьмём, например, Италию, или Японию, или Россию) всегда сама подготавливает собственный кризис, из которого выбирается с трудом или не выбирается совсем. Сходной является и проблема единства партии, единства мнений и действий, которые предпринимаются членами партии.

Спецслужбы в любой системе выполняют огромное количество действий, которые никак не укладываются в систему законных и допустимых. Какова необходимость принятия закона о полномочиях ФСБ? Как этот закон выглядит в структуре проблемы прав человека? Ясно, что личность не может быть элиминирована, она остаётся основой и основной единицей любого социального действия. Общества, в которых доминируют личности с примитивной ментальностью, естественно, никогда не будут являться передовыми по уровню культурных и научно-технических достижений.

Права личности как человека и гражданина продолжают быть весьма значимыми. Можно заметить, что не прекращается, даже нарастает поток разбирательств в Европейском суде по правам человека, связанных с нарушением этих прав в Российской Федерации. Гражданско-правовое поле взаимодействия человека и государства в российском обществе, безусловно, расширилось, и это явление в целом имеет положительный характер. Но более всего неготовым к этому оказалось само государство, его

чиновники с соответствующим типом политико-правовой ментальности.

Во много противоречиво образование правового государства и соответствующего ему гражданского общества, той интеллигенции, которая в какой-то степени сохранилась и осталась после российской империи и советского общества. Все эти и многие другие аспекты могут быть объединены в понятие «политико-правовой менталитет общества и государства». Именно эти два типа ментальности взаимодействуют, обладая различной силой воздействия и способностью государства долго и упорно не изменяться под воздействием новой политико-правовой ментальности общества. Государство продолжает сохранять худшие черты – бюрократизм, неповоротливость, неадекватность, нерациональность. Политико-правовая ментальность государства как системная характеристика формируется чрезвычайно медленно. Очевидно, что процесс развития политико-правовой ментальности в каждом конкретном обществе будет развиваться по своему уникальному сценарию, но общие закономерности при этом обязательно присутствуют, хотя в каждой конкретной ситуации они приобретают соответствующую специфику.

Государственный кризисный менеджмент становится необходимым в ситуациях, когда кризис перерастает в системную характеристику общества. Особой проблемой является новая рациональность, которая должна гарантировать (обеспечивать) решение всех проблем, стоящих перед обществом нового, более сложного уровня. В этом видится особая совокупность новых и старых проблем политологического, социологического, культурологического, когнитивного, философского порядка. Эти уровни, сферы мышления и соответствующие способы осмысления не всегда совпадают, не всегда возникает возможность системного осмысления.

Ментальность как определённый тип умонастроения определяет действия общества. Ментальность есть смысловая умоопределённость общества или социальной группы. Социологический анализ власти позволяет выявить восприятие ее различными социальными группами. В этой системе отношений представители власти есть особая социальная группа, обладающая ментальностью, принципиально отличающейся от всех других типов социально-групповой ментальности.

Новые проблемы, стоящие перед властью как особым институтом, порождают и предопределяют новый тип политико-социального мировоззрения. Именно это мировоззрение, этот тип ментальности должен быть осознан и осмыслен достаточно адекватным образом. Наступает осознание тупиковости существующей стратегии развития, и этот факт является весьма существенным. Опять возникает ситуация ожидания перемен. Да, было такое, да, страна уже ждала перемен. Ситуация была во многом иная, но сходство очевидно в одном – власть опять не понимает, чего от нее ждёт общество, или, если понимает, то ничего не делает, чтобы соответствовать этим ожиданиям. С точки зрения социологической теории ожидания поведения в соответствии с полученным социальным статусом это явное противоречие, которое может породить конфликтную ситуацию в целом. Имитация деятельности, естественно, не решает имеющуюся проблему.

Технология государственности развивается и достигает новых возможностей, человек становится лишь предметом приложения этих средств воздействия. Этому противостоит почти инстинктивно экзистенциальная политология власти. Духовно-интеллектуальная ситуация изменяется, и подчас интересно проследить, как на протяжении жизни определённого поколения власть меняет своё лицо (или, может быть, свои лица).

Наверное, меня можно упрекнуть в том, что возвращаюсь к духовным проблемам, которые интеллектуалы Европы активно обсуждали и пытались решить в бурные 60-е прошлого столетия. Это интеллектуальное время европейской культуры не только интересно само по себе, мне думается, в нем много созвучного с той политической и духовной ситуацией, которая существует в России в настоящее время. Кто-то может сказать: мне не нравится наименование «интеллигенция». Слишком много в этом термине ложного и не соответствующего реальности. Вспомните философию И. Канта – у него интеллигенция есть интеллектуальная творящая сила. Не всегда, очевидно, те, кто должен заниматься образованием, просвещением, наукой, культурой, являются творящей интеллектуальной силой, способной изменять общество к лучшему.

Экзистенциальная политология присуща каждому человеку, который имеет опыт восприятия и понимания власти. Экзистенциально-духовный опыт российского общества становится достаточно проявленным для того, чтобы на его основании увидеть и понять новую реальность. Последнее необходимо, чтобы принимать действительно эффективные законы. В целом всё это связано с политико-правовой ментальностью гражданского общества. Государство и правовое сознание взаимосвязаны таким образом, что изменение одного параметра ведёт к изменению другого. С этих позиций философия государственности как проблема предполагает рассмотрение ряда достаточно важных проблем социально-психологического и мировоззренческого плана. Это означает, что идеалы государственности, присущие определенному типу сознания, определяют конкретные действия на уровне реальной практики.

К числу таких проблем относятся и факторы политико-правовой культуры. Политико-правовая культура не воз-

никает по приказу сверху, она формируется постепенно и передается социальными поколениями, претерпевая подчас существенные изменения. Политико-правовая культура зависит от ряда факторов, в первую очередь от желания самого общества обладать политико-правовой активностью. Также важна реальная политика позволения со стороны властей – политика разрешения народу, обществу проявлять свою политико-правовую активность.

Очевидно, безуспешной является попытка строить правовое государство без достаточного уровня развития правового сознания. Правовое сознание, как и любой вид общественного сознания, связано не просто с частью общественного сознания, оно связано с определенными реальными социальными группами. Но более определенно оно связано с конкретным видом социального сознания, например, с сознанием поколений, имеющих реальный исторический практический социально-правовой опыт. Одно точно – поколение очень редко меняет свое правовое сознание на максимально противоположное, хотя изменения, и достаточно существенные, могут происходить и действительно происходят. Исторический процесс неоднократно демонстрировал такие политические «метания»: смена монархии на республику и, наоборот, республики на империю в древнеримской истории, смена коммунистической власти на некую авантюрную идеологию в истории СССР – РФ.

Общественное сознание как ментальная структура развивается, и это развитие сегодня невозможно остановить. Пространство общественного сознания обладает одной важной характеристикой, без которой становится невозможным понимание того, что собой представляет данное общественное сознание не только как то, что обозначается этим наименованием, но, главным образом, как то, что обладает реальными механизмами движения и преобразова-

ния. Термин «общественное сознание» указывает на общую форму, на источник происхождения, а также как и почему работает этот механизм. Другое дело – темпы развития. Темпы развития правовой ментальности не всегда достаточны для того, чтобы соответствовать реальной ситуации. Необходима ситуация, в которой становится возможным развитие правового опыта, его расширение и практическое применение. Реально же может достаточно долго и устойчиво сохраняться ситуация, в которой не происходит какого-либо реального качественного изменения. В этом отношении можно заметить, что изменение российской правовой ментальности пока не происходит быстро. Происходит расширение судебной практики, но реальное сознание при этом изменяется незначительно, продолжают действовать старые, во многом логичные установки. Изменить такую ситуацию не может даже время. В этом проявляется ментальный стереотип, во многом зависящий от социокультурных оснований.

Время, в течение которого российская политико-правовая культура не только формировалась, но достаточно активно применялась, служит своеобразным темпоральным фактором всей современной российской культуры. Сегодня этот фактор значим, востребован, и в определённом смысле он может быть рассмотрен как инструмент активной общественно-политической жизни. Этот темпоральный фактор, к сожалению, имеет слишком медленный темп позитивного изменения, но в целом изменение происходит, политико-правовое сознание становится более независимым от идеологического давления правящей партии.

Личность воспринимает власть как некий фактор индивидуального бытия. И этот фактор, к сожалению, чаще всего не является положительным. В этой ситуации логика развития прав личности сегодня сталкивается, пожалуй, с

неожиданными факторами. Логика развития правовой структуры государства на протяжении длительного периода времени проявляла важную общую закономерность: государство должно считаться с правами человека и гражданина. Либерализация прав гражданина, как важного элемента, составляющего все структуры государства, хотя являлась и результатом политической борьбы, но в этом был реальный существенно значимый результат.

Гуманность государства определяется интеракцией «государство – человек». Интеракция есть модель взаимодействия, и эта модель находится в постоянном изменении. В процессе жизни одного поколения государство поменяло многие характеристики. Стало ли оно более гуманным по отношению к человеку и личности? Основная проблема современной политико-правовой реальности заключается в том, что определенные законом права человека на деле не соблюдаются. Государство не смогло гарантировать человеку достойный образ и уровень жизни. Качество жизни в российском государстве остается достаточно низким. Более того, по сравнению с теми возможностями, которые были гарантированы в советское время, человек чувствует себя менее защищенным в государстве 2010 или 2011, или любого другого года. Человек оказывается часто вторичной сущностью по сравнению с сущностью государства или даже того, что называется общественной безопасностью. Человек в реальном современном мире во многом зависит от того, каким образом определяется его политико-правовая реальность. Что-то меняется. Что изменилось, что меняется? Меняется мир, меняется человек, не меняется человек как субъект познания. Но остается, как и прежде, линия отношения «государство и личность».

Государство, выходя из-под контроля общества, превращается в тупую и медленно работающую машину, которая, как правило, не справляется со своими функциями.

Но государство не желает при этом меняться, старается закрепиться на существующих позициях, оставаться на них как можно дольше. Не приведи случай попасть под его шестеренки, ведь известно, как эта машина способна сломать самую сильную личность.

Реальная сложившаяся и действующая политическая ментальность зависит от действий наиболее сильных личностей. Политическая ситуация всегда конкретна; в зависимости от того, какие конкретные типы личности будут доминировать в этой системе, будут происходить конкретные изменения, образовываться конкретные возможности. Политическая система всегда есть система конкретных возможностей действия доминирующего типа личности политика.

Человек антиполитичен – аполитичен в том смысле, что отдалён от власти и даже противопоставлен ей. Эта реакция вырабатывалась на протяжении всего времени существования соотношения «государство–человек». Государство как власть всегда противоположно и обществу, и каждой личности. Государство превращает человека в своего подданного, и человек теряет свои родовые и сущностные качества, превращаясь в государственного подданного. Существует живой процесс взаимосвязи человека и государства, и в этом процессе, как правило, выигрывает государство. Человек инстинктивно сначала думает о себе, и государство, как мощный социальный институт, превосходит возможности сопротивления отдельного человека. Человек, личность и государство – почти вечная тема, к которой обращались многие мыслители во все времена. В таком обращении есть своя закономерность: с момента возникновения до настоящего времени государство является чрезвычайно важным фактором, влияющим на жизнь человека.

Личность есть то, что осталось в человеке после того, как государство его раздавило. Чем более человек является личностью, тем в большей степени государство реагирует на его своеобразное присутствие в сфере своих социальных интересов. Реальная личность, способная влиять на социальные процессы, становится значимым фактором. Аномальное лицо государства, реагируя на сильную личность, приобретает своеобразные индексные проявления. Высшая власть, как конкретный человек, видит в каждом выдающемся человеке своеобразного конкурента в сфере своих влияний. Ментальный портрет власти необходимо создать для того, чтобы понять ее реальные свойства и характеристики, то есть что власть может? на что она способна? Способна ли она быть адекватной современной логической социоментальной характеристике современного общества? По отношению к определенному лидеру это означает необходимость объективной оценки его деловых качеств как личности, от которой требуется адекватное управление.

Власть должна быть открытой и публичной. Сегодня это единственный путь к уменьшению числа правонарушений и преступлений, которые власть реально или потенциально способна осуществить. В этом отношении власть как возможность скрытого безнаказанного действия всегда потенциально криминогенна. По сути дела, необходима новая, позитивная, социально положительная модель власти, ответственной перед своим народом. Власть воспринимается как то, что оказывает чаще всего негативное воздействие на отдельного человека, поэтому исходно и неотвратимо она является фактором, способным не только воздействовать на индивидуальную сферу жизни личности, но, что самое страшное, разрушить ее, изменить, ломая жизнь конкретному человеку или обществу в целом. Причём власть, разрушая, уничтожая мир индивида, не от-

вечает за свои действия, за вредоносные последствия, которые она вызывает. Власть превращается в некоего бесчувственного монстра, который способен уничтожать не только одного, отдельно взятого человека, но целые поколения.

В этой ситуации возникает вполне правомерный вопрос: почему власть не должна отвечать за тот вред, который она наносит обществу и человеку? Власть должна быть адекватно ментальна. Политментальность – важная характеристика современного государства во взаимосвязи с ментальными свойствами общества. Это интересная тема для журналистов, пишущих о современном политическом российском менталитете, и эти журналисты чаще всего становятся жертвами неправовой реакции со стороны власти. Известно, что процент расследования убийств журналистов является почему-то наименьшим по сравнению с убийствами представителей других социальных групп.

Власть имеет определённую ценность, которую невозможно, да и не нужно исключать. Власть обладает, естественно, некой положительной ценностью в системе ценностей, присущих определённому обществу. Аксиология власти как направление исследования и понимания сущности власти показывает реальные характеристики данного явления. Власть как конкретная форма существования государственного управления имеет вполне определённую социально проявленную величину значимости в сознании того народа, который этой власти вынужден подчиняться. Но иногда возникает ощущение, что российские политики действуют определённым образом, будучи уверенными, что народ не является для них серьёзным фактором, с которым необходимо считаться. Действия власти формируются с условием, что народ не является ограничением их свободы деятельности.

Интеллектуалы и власть – неразрывные стороны, взаимосвязанные игроки одного процесса. Интеллектуалы всегда были первым эшелонам, который воспринимал власть наиболее ясно, полно и адекватно. За это власть как не любила, так и не любит интеллектуалов. В российской культуре российская интеллигенция наиболее полно свою позицию изложила в известном сборнике «Вехи». Больше ста лет прошло с его выхода, многое изменилось, но неизменной осталась проблема: какую роль играют интеллектуалы в современном обществе? Российские интеллигенты видят своё историческое предназначение в том, чтобы служить своей стране, отдавая интеллектуальные способности для её благополучия. Однако интеллигенция оказалась не нужна в ситуации конкуренции различных типов власти.

Классическая интеллигенция дореволюционной России оказалась сломанной и деморализованной, потерявшей свои смысловые основания в результате тех сложных процессов ломки обществ, которые произошли в России двадцатого века. Век двадцать первый заново ставит эту проблему. И в первую очередь сегодня это проблема того, есть ли в России тот класс, который может взять на себя функцию интеллектуального лидерства? Эта функция, с одной стороны, не может исчезнуть, но совсем не обязательно, что она должна активно осуществляться.

Интересна позиция Мишеля Фуко по вопросу об интеллектуалах и власти. Можно сказать, что российский опыт поиска соотношения интеллектуалов и власти своеобразно преломился в сложной социокультурной ситуации Франции 60-х годов. По-видимому, актуально для каждого времени определить новое соотношение между теми, кто находится у аппарата государственной власти, и теми, кто оказывает на власть влияние интеллектуального порядка. Власть всегда относится к интеллектуалам, которые оценивают её деятельность, не так, как этого хотелось бы.

Здесь существует своеобразная конкуренция за влияние на общество, соответственно с этого начинается расслоение интеллектуалов. Часть из них осознанно выбирает достаточно надежную работу по обслуживанию власти. Всегда есть оппозиция, которая стремится утвердить в общественном сознании несколько иные точки зрения и оценки по сравнению с теми, которые утверждает официальная идеология.

Необходимы реальные меры повышения эффективности политического менеджмента. Такими мерами и средством может явиться договор между Президентом и страной, народом, гражданами РФ. Система безнаказанного нанесения вреда Российской Федерации должна быть изменена. Нанесение вреда представителями власти, её неадекватными действиями должно быть прекращено. Неадекватные действия политических деятелей наносят стране весьма существенный вред, что может должно быть квалифицировано как преступное деяние, по отношению к которому должны быть установлены соответствующие с точки зрения социальной справедливости меры наказания. Граждане РФ должны иметь правовую защиту от вредоносных действий политических менеджеров.

Весьма странный финансовый кризис, начавшийся в США, почему-то сильно задел экономику РФ. Ситуация во всех социальных системах ухудшается. Но власть не реагирует на это адекватно. Она занята самопиаром и подготовкой к президентским выборам 2012 года, в то время как пропасть между властью и народом всё более и более увеличивается. Показушные встречи власти с народом, похожие на плохие политические спектакли брежневских времен, напоминают пародии. Ощущение политической безнадёжности пронизывает общественное сознание. Но сетевое пространство блоггеров продолжает показывать, что сегодня власть уже не сможет контролировать мозги и соз-

нение народа: народ изменился и его уже не запугать теми методами, которые успешно работали ранее. Необходима новая политико-правовая ментальность и честная нравственная позиция власти для гарантии тех прав народа, выполнение которых обязательно в соответствии с Конституцией и всей системой законов Российской Федерации. Отношение власти к обществу носит часто весьма неоднозначный характер, иногда возникает странное ощущение, что что-то кардинально неправильно в этой системе отношений. Случайно или нет, рождаются вопросы: действительно ли происходит планомерное подавление общественного инакомыслия или это опять-таки некие слухи, поддерживаемые определёнными заинтересованными кругами? Во всяком случае, понятно, что власть в её современной модели не заинтересована в том, чтобы общественная активность становилась для неё каким-либо значимым обстоятельством, мешающим ей ставить и добиваться своих, а не социально значимых целей. В прессе высказываются опасения в том, что власть стремится ввести общество в искусственную кому, как это, например, утверждает Интернет-издание <http://www.inosmi.ru/politic/20101109/164120478.html>

Российское общество в 2010 году подошло к максимально проблематичной ситуации: в стране, в обществе растёт латентное недовольство властью, но власть эту опасность то ли не видит, то ли не считает для себя достаточно серьёзной. Действительно социально-психологический механизм нарастания российских социальных конфликтов во многом отличается от западного, но их проявления, как известно, могут быть гораздо более опасными и продолжительными. Проявление массового недовольства властью вряд ли выгодно самой власти и может привести к снижению инвестиционной привлекательности в условиях нарастания социальной нестабильно-

сти. Можно отметить, на наш взгляд, очень важную характеристику современного российского общества и той модели гражданской активности, которая в данный момент действует: помимо того что общество больше не верит обещаниям власти, ушла и почти пропала российская специфика обоготворения и мистификации власти. Настало новое время, и это то время, когда общество смотрит на власть как на исполнителя обозначенных законами обязательств. Власть должна, власть просто обязана исполнить все обязательства, взятые при вступлении в свои полномочия, если она не лицемерна и не преступна. Государство, его аппарат управления создаёт достаточно серьёзную проблему, эта проблема выражается по своей сути в необходимости формирования современного и достаточно адекватного управления обществом. Государство как машина предопределяет системного оператора, который способен управлять этой сложной машиной.

Государство приобретает невиданные ранее формы информационного контроля над обществом и всей сферой персональных данных, приватной жизни своих граждан. Ранее казавшееся страшным государство-Левиафан оказывается ещё мощнее и страшнее, возникли и возникают его новые информационные технологические свойства. В этих условиях приобретают активное развитие политические технологии нового порядка, нового уровня информационных войн, информационного воздействия на общество. Действительно, требуется анализ, исходящий в своей методологии из данных обстоятельств, причем мониторинг развития новых характеристик общества должен быть не одноразовым, а системным. Эта машина, обладая огромной мощностью, может не только созидать, но и разрушать. В соответствии с этой опасной ситуацией можно определить правомерные и неправомерные действия и даже функции государства. Весьма странная относительная закономер-

ность законодательства заключается в том, что оно создаёт множество серьёзных правовых проблем. Нормы управления определены логикой управленческой деятельности. А чем определяется в целом система правовых норм?

Сущность новой системы управления проявляет новую, гигантскую мегамашину управления. Парадоксально, что часто управление обществом по своей сути является фактически псевдоуправлением. В силу развития новых общественных отношений постоянно возникают новые «серые» зоны управления, и в этих зонах происходит весьма неоднородная и во многом странная деятельность.

Государство как система, в границах которой реализуется определённая правовая реальность, выражает принципиально важное согласие народа на то, чтобы социальная реальность оставалась таковой. Народ, общество, доминирующий тип личности, обладающей социальной, политико-правовой реальностью, являются особой реальностью, которая может достаточно длительное время сохранять свои параметры и может неожиданно быстро их изменить и преобразоваться в новую форму. Важно понять, каким образом происходит это изменение, почему в определённый момент времени происходит достаточно быстрое и максимально активное преобразование прежних параметров социальной политико-правовой конструкции в новую форму.

Интегральные функции государственной власти важны именно в условиях реформирования или преобразования системы социальных взаимосвязей.

Идеология как система выражения правосознания народа должна находиться в теоретической корреляции с проблемой того, что партии как выразители интересов народа должны выражать интересы народа. Парадоксально, что ни одна из партий не оказалась способной в достаточно полной мере выразить интересы российского народа, не

заигрываясь при этом в собственные партийные игры и не отстаивая узкоограниченных интересов.

Нравственный кризис

Нравственный кризис власти опасен не столько для самой власти, хотя и для неё тоже он не является положительным фактором, – этот кризис опасен для всего общества. Нравственно-правовая модель российского государства необходима как эффективная и реально действующая современная модель. Такая модель должна отразить современный уровень развития политико-правового осознания сложного единства всех процессов, происходящих в современном обществе. В основном, конечно, ясны принципы нравственного устройства власти: власть не должна предавать интересы собственного народа; власть должна обладать достаточно высокой степенью нравственной силы и вызывать уверенность в своём народе. Очевидно, что в идеальном виде, в идеальной форме должно быть единство власти и народа. И этот принцип верен, как бы условно и, может быть, тривиально это ни звучало. Когда у народа нет ощущения того, что власть находится в этом, хотя бы в условном, во многом формальном, союзе с народом, он не только не чувствует себя защищенным, но и начинает копить опасную, всё возрастающую сумму негативной энергии против данной власти.

Государство и управленческое право находятся в очень важной взаимосвязи. Право народа и сила государства подчас выступают как явления, весьма противоположные по характеру исполнения. Сила государства, как это ни парадоксально, часто идёт вразрез с тем, что должно при этом быть исполнено как обязательное со стороны правительства исполнение права народа. Власть как реальный феномен нахождения у власти определённых людей всегда

связана с неким экономическим интересом. Поэтому слишком часто возникает, можно сказать, непреодолимое желание реализовать свои собственные интересы, стремясь к которым, власть легко переступает границу нравственной дозволенности, за пределами которой становится невозможным говорить об адекватном понимании властью своих действий. Государство как механизм управления должно выполнять соответствующие функции. Необходима более развёрнутая система управленческого права, способного эффективно регулировать отношения в сфере управленческих процессов современного государства.

Необходима оптимизация государственной деятельности, необходимо в системе права, отражающего современные социальные отношения, изменить то, что мешает государству быть сильным, или же необходимо дополнить эту систему правовых норм теми положениями, которые могут качественно изменить систему деятельности. Государство должно быть эффективным, а для этого руководитель государства должен обладать системным пониманием и адекватным политико-правовым социальным мировоззрением. В условиях нарастания неэффективности государственного менеджмента возникают серьёзные опасения по поводу развития ситуации в дальнейшем.

Всегда существует дистанция между государством и обществом, между государством и его подданными. Дистанция не должна быть слишком значительной. Важно, чтобы она не превращалась в непреодолимое пространство, некую непреодолимую пропасть.

Системный кризис власти распадается на ряд кризисных процессов, которые на первый взгляд могут казаться не очень связанными друг с другом, но самом деле являются действиями одного порядка, лишь проявляемыми в разных отношениях. Это может быть проявлено через одно отношение, которое может быть окрашено, проявлено в

характеристики таких явлений, как ментальность, нравственность, права, организационная или экономическая культура. Важно определить то, на что народ имеет такое право, которое может быть востребовано и должно быть исполнено в полном объёме и должным образом. Народ, естественно, имеет право на жизнь, и уничтожение народа или создание условий, при которых действия правительства и руководителей государства приводят к снижению численности народа, могут быть рассмотрены как проявления вреда, нанесенного правительством государства своему же народу. И это должно быть закреплено в системе конституционного, гражданского, трудового, уголовного права.

Вывод можно сформулировать следующим образом. Правовое сознание изменяется, эти изменения становятся более существенными, и необходимо понять характер данных изменений. Становится всё более ясным, что должна радикально измениться форма возникновения и кодификации правовых норм. Современные правовые нормы, при неуклонном увеличении их количества, становятся более эклектичными и противоречащими друг другу. Необходим переход к правовому программированию. Необходима единая системная программная оболочка, позволяющая увидеть единство всех правовых норм, их взаимосвязь и взаимопереходы, конечные формы ответственности. В качестве некоего проектного решения можно определить следующее: необходимо продолжить начатое исследование, конкретизировав и расширяя его.

Закон раскрепощения ментальной креативности срывает с железной необходимостью. При этом, безусловно, аномальна ситуация, при которой нормально развитый тип социального интеллекта начинает казаться ненормальным в силу того, что активность ментальной социальной доминанты закрепляется за неэффективным типом интеллекта.

Именно эту ситуацию в начале 80-х годов XX столетия создала советская идеологическая система чистки социального интеллекта. Сработав на предустановленный результат, она не сумела адекватно отреагировать на процессы, происходящие в обществе.

Творческая ментально дееспособная часть общества есть творческая система, способная превратить общество в богатое и процветающее. Ментальная дееспособная креативность должна быть раскрепощена, чтобы общество получило достаточную степень свободы ментального преобразования всех необходимых социальных институтов и процессов. Определяющая часть креативного менталитета ярко проявляется в периоды реального возникновения возможности активной социальной преобразующей деятельности тех социальных групп, которые способны позитивно изменять социальную реальность. Эти люди, способные видеть дальше и лучше других, должны не только восприниматься максимально всерьёз при построении новых программ развития, но и получить соответствующую свободу деятельности и систему поощрения. Понятно, что необходима устойчивая система социального поощрения позитивной ментально-творческой дееспособной части общества. Причём подход к выявлению и анализу данных социальных сообществ должен осуществляться с позиций не элитарного определения социального клана, а изменяющейся ментальной реальности общества. Некреативный политический менталитет, как правило, становится агрессивным под давлением справедливой критики ментально дееспособных социальных слоёв, требующих значимых положительных изменений. Нарастание опасной агрессивности уже промоделировано множеством политических ситуаций, имевших место в российской истории.

Социальный взрыв – нежелательное развитие ситуации. Но социальный взрыв возможен, и эта возможность нарастает

тает. В стране нарастает недовольство и вместе с ним опасность социального взрыва. Власть показывает свою неспособность решать современные проблемы. Власть должна измениться, и это изменение должно носить системный характер. За последние десятилетия страна постоянно попадает в ситуацию контрастного перехода из одного состояния в другое.

Системные уровни глобального кризиса власти проявляются постепенно, они проявляются как отдельные, казалось бы, случайные события, но постепенно становится более очевидной общая связь между этими событиями. Становится более ясной системная полнота картины современного понимания. То есть, проблема адекватного понимания процессов, происходящих в сложном современном мире, это проблемы широты и адекватности.

КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РАЗУМНАЯ СРЕДА: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ

Чеклецов В.В.

На заседании президиума Государственного совета РФ в г. Дубне Президент Д.А. Медведев отметил, что инновационный путь развития для России является приоритетным: «...Сама по себе эффективность инновационной системы зависит также от объективного знания глобальных тенденций развития. Не секрет, что в сегодняшней ситуации прогнозирование у нас разрознено по отдельным отраслям, по технологическим направлениям, а все расчеты зачастую просто не согласуются друг с другом. Поэтому считаю необходимым разработать объективный долгосрочный прогноз научно-технологического развития страны, прогноз на перспективу до 2030 г.»¹.

Общеизвестно и уже не подвергается сомнению, что только адекватная разработка, скорейшее включение в экономику и социальную практику новейших технологических решений способны обеспечить благосостояние субъектов, безопасность и высокий международный престиж современных государств. Наша страна уже имеет печальный опыт сравнительно позднего реагирования на ИТ-революцию, последствия этой неповоротливости и недалекости мы ощущаем до сих пор. Какие же технологические тренды будут определяющими в ближайшие 10–20 лет? В последнее время становится очевидным, что ключевая роль здесь будет принадлежать нано- и биотехнологи-

¹ Полная стенограмма заседания президиума Государственного совета Российской Федерации в г. Дубне, 18 апреля 2008 г. URL: <http://rost.ru/medvedev/report-18-04-1.html>.

ям. В связи с текущим мировым финансовым кризисом осени 2008 года уместно будет привести мнение (высказанное задолго до наблюдаемого развития событий на рынках) Зака Линча², который, рассматривая 50-летние («длинные») волны экономического роста с 1700 г. (теория Николая Кондратьева и Джозефа Шумпетера), отмечает, что на данный момент (2006 г.) очередная волна роста, вызванная прогрессом информационных технологий, подходит к концу, и мы находимся в начале новой, шестой по счету волны, связанной, в основном, с нано- и биотехнологиями. То есть финансовый кризис-2008, как и предсказанная Кондратьевым Великая депрессия 30-х годов XX века, вполне вероятно, обусловлен присущими Системе внутренними циклическими процессами, и знание базиса будущего экономического подъема (нано- и биотехнологий) является архиважным для вышеупомянутого стратегического планирования до 2030 г.

Следует отметить, что бурное развитие нано- и биотехнологий не происходит изолированно; эффект положительного взаимовлияния данных областей обозначается термином «нанобиооконвергенция». Далее мы будем рассматривать более широкое явление – так называемую NBIC-конвергенцию, первостепенное государственное значение которой обозначено североамериканскими³ и европейскими⁴ правительственными отчетами.

² Managing nano-bio-info-cogno innovations: converging technologies in society. Edited by William Sims Bainbridge and Mihail C. Roco // National Science Foundation. Report, 2005. P. 173.

³ Converging Technologies for Improving Human Performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. Edited by Mihail C. Roco and William Sims Bainbridge, National Science Foundation, Report, 2002

⁴ Converging Technologies – Shaping the Future of European Societies by Alfred Nordmann, Report 2004

NBIC-конвергенция – это положительное, ускоряющее взаимовлияние нано-(N), био-(B), информационных(I) и когнитивных (C) технологий. Например, совершенствование наших знаний о манипулировании наноуровнем материи и работе мозга (когнитивная наука) позволяет создавать более мощные вычислительные средства (hardware и software соответственно), которые предоставляющие лучшие возможности для моделирования нано- и биоустройств, которые, в свою очередь, позволяют более тонко исследовать работу неокортекса, генома, информационных систем и т.д.

Ниже мы не будем подробно касаться значения каждой из NBIC-областей: затронув лишь важнейшие следствия входящих в конвергенцию технологий, мы соотредоточимся, во-первых, на стимулировании синергии NBIC-дисциплин и социальных импликациях NBIC-приложений в ближайшей перспективе развития, а во-вторых, рассмотрим глубокий смысл, истинно философские следствия и морально-этические проблемы данного антропотехнологического тренда в *долгосрочной* перспективе. Причем перспективы эти мы постараемся представить в том числе в соответствии с культурологическими особенностями России.

Многие специалисты считают, что именно нанотехнологии будут играть ключевую роль в NBIC-конвергенции. Институт перспективных исследований в области нанотехнологий, основанный в 1986 г., выделяет шесть больших направлений⁵, в разработке которых ключевую роль сыграют нанотехнологии:

⁵ Nanoethics (the ethical and social implications of nanotechnology) edited by Fritz Allhoff, Patrick Lin, John Weckert. Wiley, New Jersey, 2007. P. 57.

- решение глобальных энергетических проблем с сохранением чистоты окружающей среды;
- обеспечение мировых потребностей в чистой питьевой воде;
- повышения уровня здоровья и продолжительности жизни;
- восстановление и защита окружающей среды;
- обеспечение наибольшей доступности мощных инновационных технологий по всему миру;
- возможность освоения Космоса.

Наиболее перспективным приложением нанотеха в области энергопотребления являются предсказанные Дрекслером молекулярные нанофабрики (наноассемблер), которые будут использовать энергию с невероятной эффективностью. Более близкие нанорешения в энергетике заключаются в производстве с помощью нанотеха дешевых и эффективных солнечных батарей. Другая область, где нанотех повысит эффективность – это экологически чистая технология водородного топлива. Также нанотрубки и другие материалы перспективны как проводники, сохраняющие энергию в значительно большей степени, чем медные. Например, недавно было показано, что электрон в определенном виде углеродных нанотрубках движется с такой же легкостью, как фотон в оптоволоконном кабеле. Кроме того, миниатюризация электронных приборов с помощью нанотеха значительно снизит энергопотребление. В вопросе обеспечения чистой водой нанотех не только способен предоставить дешевые фильтры, которые будут пропускать только молекулы воды (подобные системы на основе углеродных нанотрубок уже разработаны), но и дешевые системы обнаружения токсинов (так называемая «лаборатория на чипе», использующая генно-модифицированную бактерию в качестве детектора). Неизмеримо значение нанотеха для медицины. Например, в

США принят Национальный нанотехнологический план борьбы с раком, который включает идентификацию раковых маркеров и раннюю диагностику злокачественных образований (к 2015 г. у планируется проводить регулярный широкомасштабный скрининг с использованием этой технологии), разработку наноустройств, избирательно поставляющих лекарства к опухоли, и наноботов, разрушающих раковые клетки. С помощью нанотехнологических устройств планируется бороться с ВИЧ, а также исправлять генные дефекты. Несомненны перспективы нанотехнологии для экологии – с помощью нанотеха в будущем возможно добиться производства с «нулевыми» побочными эффектами; уже сейчас разработаны системы элиминации существующих загрязнений и высокоточной детекции токсинов в окружающей среде. В развитии и удешевлении информационных технологий нанотех поможет двояким образом – миниатюризируя и делая более доступными уже существующие компьютерные устройства, а также способствуя разработке квантового компьютеринга. Использование нанотехнологий в космических полетах чрезвычайно разнообразно – от систем безопасности и жизнеобеспечения до так называемого «космического лифта».

Области приложения продвинутых нанотехнологий можно перечислять еще очень долго, уже приведенные примеры показывают беспрецедентную социальную значимость данной области. Обещая не углубляться в частности, еще более бегло пройдемся по оставшимся компонентам NBIC-четверки: генноинженерные и другие биотехнологические методы впервые дают возможность этиологического лечения наследственных патологий, злокачественных опухолей (например, это уже показывают успешные клинические испытания препаратов – ингибиторов коротких РНК); стволовые клетки открыли новый этап в развитии трансплантологии; компьютерно-мозговые интерфейсы

сы позволяют создавать протезы нового поколения, в том числе искусственные сенсоры (например, проект искусственной сетчатки глаза), когнитивные технологии уже помогают гораздо более эффективно корректировать последствия неврологических и психических расстройств. Информационные технологии прочно вошли в жизнь, как в научных исследованиях, так и в ежедневной клинической практике.

Учитывая фундаментальную значимость для государства вышеперечисленных областей, текущие усилия для развития NBIC-конвергенции в России можно считать неудовлетворительный. Мало того, что в нашей стране сравнительно поздно была принята национальная программа по нанотехнологиям, а объем финансирования исследований, привлечение людских ресурсов в нанонауку, стимулиция нанобизнеса несравнимы с развитыми странами⁶ и Китаем⁷, так в России вообще нет государственной программы по NBIC-конвергенции. А ведь только синергия этих областей может привести к грядущей *большой* (по классификации Чарльза Тахана) технологической революции⁸. В условиях развернувшейся нанотехнологической гонки важны не только и не столько массивные финансовые вливания в частнопрактические разработки; необходимо разглядеть далекоидущие перспективы, сделать ак-

⁶ Nanoethics (the ethical and social implications of nanotechnology) edited by Fritz Allhoff, Patrick Lin, John Weckert. Wiley, New Jersey, 2007. P. 80.

⁷ Nanotechnology & Society (Current and Emerging Ethical Issues) edited by Fritz Allhoff, Patrick Lin. Springer, 2008. P. 298.

⁸ Nanoethics (the ethical and social implications of nanotechnology) edited by Fritz Allhoff, Patrick Lin, John Weckert. Wiley, New Jersey, 2007. P. 91.

цент на долговременных фундаментальных проектах и руководствоваться именно ими.

Какие же основные мегатренды можно выделить в явлении NBIC-конвергенции? Во-первых, это движение к созданию так называемых нанофабрик-саморепликантов (проблема наноассемблера, подход Эрика Дрекслера, выраженный в ставшей уже классической работе «Машины созидания: грядущий век нанотехнологий»). Данная технология подразумевает поатомную сборку любых продуктов с невероятно низкими энергозатратами «практически из грязи». Социально-экономические последствия появления эффективных наноассемблеров будут грандиозными. Но еще несравненно более грандиозным представляется проект *самоулучшающихся наносистем*. Здесь речь идет ни много ни мало о создании некоей Жизни-2 (Проект европейских исследовательских центров *Nano2Life*, работы Ника Бострома в Оксфордском Институте будущего человечества и др.). Для объяснения серьезности идеи Жизни-2 обычно приводится аналогия с техникой: 1) живые клетки с их ДНК, органеллами, системами транскрипции, трансляции и самосборкой белков и других органических полимеров являются естественно возникшими «нанофабриками», которые широко используют в своей работе квантовые эффекты; 2) никакой крылатый хищник не может конкурировать с суперсовременным истребителем; 3) достаточно сложные саморазвивающиеся наносистемы (Жизнь-2) с немалой долей вероятности будут в значительной степени превосходить своих естественных конкурентов.

Вторым мегатрендом NBIC-конвергенции является проект создания так называемого *сильного Искусственного*

Интеллекта. По определению Джона Серла⁹, «Сильный ИИ – такая программа, которая будет не просто моделью разума; она в буквальном смысле слова сама и будет разумом, в том же смысле, в котором человеческий разум — это разум».

Соединение антропотехнологических трендов – Жизни-2, сильного ИИ, а также биотехнологического изменения природы человека, сеттлеретики (перемещения сознания в компьютер), компьютерно-мозговых интерфейсов, киборгизации и т.п. – составляют базис так называемой *Ситуации Постчеловека*.

Итак, вполне возможно, не все моменты сценариев развития технологий, описанные представителями оптимистично настроенных футурологов, мессиями трансгуманизма (Э. Дрекслер, Р. Курцвейль, М. Дириг, Ф.М. Эсфендиари, Н. Бостром, В. Виндж, М. Море, Д. Пирс и др.), или проекты сугубо технологического видения NBIC-конвергенции в равной степени вероятны. Можно критиковать трансгуманистов за узколобость и примитивность мышления, можно спорить о принципиальной возможности создания самовоспроизводящегося наноассемблера или самообучающегося сильного ИИ, *по всем* параметрам превосходящего разум лучших представителей человеческой расы; тем не менее в свете бурного развития в начале XXI в. нано- и биотехнологии, нового витка успехов нейрологии, когнитивных наук, ИИ (NBIC-конвергенция) положение о том, что природа человека в обозримом будущем кардинально изменится, не кажется столь невероятным.

В противовес американской программе NBIC-конвергенции, поддержанной еще президентом Б. Клинто-

⁹ John R. Searle «Is the Brain's Mind a Computer Program?» // В мире науки. 1990. № 3. С. 7–13.

ном¹⁰, в которой недостаточно отрефлексированная трансгуманистическая бравада была принята европейскими специалистами как «желание превратить человека в машину», в Старом Свете формируется всеобъемлющий подход, выражающийся в схеме:

Nano – Bio – Info – Cogno – Socio – Anthro – Philo – Geo – Eco – Urbo – Orbo – Macro – Micro – Nano¹¹.

Данную концепцию развивает проект WiCC (Widening the Circles of Convergence) – Расширение кругов Конвергенции, – совершенно справедливо привлекающий к проблеме NBIC-конвергентных технологий специалистов в области социальных наук, антропологии, философии, геологии, экологии, архитектуры, возобновляемых источников энергии, экономики и пр.

Проект СТЕКС уделяет больше внимания социальным, культурологическим, правовым, этическим вопросам конвергентных технологий, провозглашая вместо американского «инжиниринга ума и тела» девиз «инжиниринг для ума и тела». Также более четко формулируется, каким образом социальные и гуманитарные науки конвергируют с NBIC-технологиями: приводятся примеры игровых теоретических стратегий, гештальт-образов в человеческом (или машинном) восприятии действительности, семиотики как общей теории продукции знаков – человеческих и «природных».

NBIC-технологии, – говорится в отчете СТЕКС 2004 г. – размывают границу между «первой»–, естественной, природой и «второй» – природой, созданной человеком.

¹⁰ Nanoethics (the ethical and social implications of nanotechnology) edited by Fritz Allhoff, Patrick Lin, John Weckert. Wiley, New Jersey, 2007. P. 3.

¹¹ Converging Technologies – Shaping the Future of European Societies by Alfred Nordmann. Report, 2004.

Специалисты HLEG резонно указывают, что конвергентные технологии могут послужить «гомогенизации», глобализации мира, унификации культуры. Учитывая то, что различные культуры возникали в процессе адаптации к «первой» среде обитания, европейская стратегия предусматривает локальный подход для сохранения культурного разнообразия- в конструировании и коммуникации между искусственными средами.

Какие же уроки из уже проделанной работы мирового сообщества может вынести для себя Россия? Каким образом необходимо действовать, чтобы не оказаться однажды совсем и безвозвратно «на задворках цивилизации»?

Во-первых, в ближайшей перспективе необходимо акцентировать:

- междисциплинарное образование специалистов;
- создание специальных *trading zones*¹² – пространств коммуникации, взаимодействия и воплощения в жизнь инновационных нано-, био-, инфо-, когно-...проектов;
- широкомасштабное включение NBIC-конвергенции в исторический и социокультурный контекст России.

Необходимо заметить, что в европейской концепции расширения кругов конвергенции «Nano – Bio – Info – Cogno – Socio – Anthro – Philo – Geo – Eco – Urbo – Orbo – Macro – Micro – Nano» отсутствует компонент «theo-» или же «transcendo-». Вертикаль Бытия никто не отменял, и ролью России может явиться как раз преодоление голого технократизма в постчеловеческом дискурсе, сохранение и представление в новом свете «вечных ценностей», чтобы возможности, которые предоставляет Конвергенция, обогащали наш внутренний и внешний Мир, а не сводили су-

¹² Термин введен Петером Галлисоном (Peter Galison) для Национальной нанотехнологической инициативы (NNI) США.

ществование Духовной Личности до уровня кибернетических-синергетических систем. Идеи Соборности и Всеединства перекликаются с «конвергентными» тенденциями, о которых шла речь в этой статье. Одним из возможных путей для этого может быть *обобщение представления Постчеловека, топологии его субъекта, как Игры перцептивного, интерактивного Разумного Ландшафта (в реальном пространстве), в котором Личность, Внутренний Мир стремятся к материализации в экологические реалии для Другого.*

Такое представление хорошо согласуется со второй (после конвергентных NBIC-технологий) приоритетной программой ЕС и США – т.н. проектом Smart Environment («Разумная Среда») на основе Интернета вещей (RFID), развития сенсоров, проникающего компьютеринга, т.н. «дополненной» гиперреальности (Augmented reality), разработками различного рода реально-виртуальных киберсред и т.п.¹³

Действительно, какими мы станем? Каким будет окружающий нас Мир? Эти вопросы, может стать, связаны нетривиально, гораздо более прямым образом. Человеком не рождаются – становятся; среда обитания и условия формирования личности – городские ландшафты, социальное пространство и время – также постоянно эволюционируют. Мы попытались рассмотреть в антропотехнологической и социокультурной коэволюции Человека Разумного инвариант – некую точку конвергентного схождения, когда отдельная Личность уже способна стать полноценной персонализированной социальной средой и строит *буквально* свое тело в виде живого Мира – интерактивного ав-

¹³ См. Подробнее: Internet of Things. – An action plan for Europe. Brussels, 18.06.2009.

топозитического ландшафта для Другого. Таким образом, мы представляем введение в конструирование футурообраза «тех, кто придет нам на смену»: Разумных ландшафтов – метаформы постчеловеческого тела, саморепрезентации постантропологического субъекта в онтической Игре для Другого. Отталкиваясь от предельно возможного края футурологического горизонта, мы постарались также решить для себя проблему практических действий «здесь и сейчас», не теряя при этом глубины найденных философских посылок. Концепция Разумных ландшафтов – попытка интегрального подхода к социогуманитарному, экономическому и трансцендентному измерениям техноэволюции Человека.

«Мы – в мыслях, а не мысли – в нас», – изречение Пирса справедливо не только для умственной активности; так полагают представители наиболее адекватного, на мой взгляд, постфеноменологического направления в философии техники (Д. Иде, Б. Латур, П.-П. Вербик). Мы также в наших отношениях с Миром, наших интеракциях с природной и социальной средой. Представление технологии как объекта несправедливо; технологии, скорее, опосредуют взаимодействие субъекта и Мира, «Я» и «не-Я», конструируя особое коммуникативно-деятельностное пространство, которое, в свою очередь, задает направление нашему жизненному пути¹⁴.

Так что же все-таки означает этот весьма труднопереводимый термин Human Enhancement? Какие качества мы предоставляем для улучшения, апгрейда человека в Homo Sapiens 2.0? Начиная со второго вопроса, уместно будет процитировать замечание Лэнгдона Виннера, что в транс-

¹⁴ Aydin Ciano. On the Relation Between Human Beings and Technology: a Peircean Perspective // SPT2009. University of Twente. Netherlands. P. 16.

гуманистическом дискурсе акцент ставится на улучшении индивидуальных качеств: «быстрее», «сильнее», «умнее», а качества, подобные способности к любви, сопереживанию, взаимоподдержке, практически не упоминаются¹⁵.

Более или менее общепринято рабочее определение Human Enhancement: «биомедицинское технологическое вмешательство в функционирование организма, предпринятое с целями, отличными от лечения и предотвращения болезни» (Т. Douglas, 2007). Это, понятное дело, очень спорная дефиниция, так как содержит до сих пор проблематичное само по себе понятие «болезни», что уводит нас в бесконечные споры о норме и патологии. Часто приводится пример генетической селекции эмбрионов: определив, что у эмбриона синдром Дауна, мы не даем ему развиться, «пропуская к жизни» только эмбрионы с нормальным набором хромосом, из которых по определению вырастут более умные дети. Что это: терапия или «улучшение умственных способностей»? Мы не ставим сейчас перед собой задачу детального разбора нюансов различий «лечения» и «улучшения». Мы оставим также весьма важный и интересный вопрос о том, когда именно количество и интенсивность изменений антропологии перерастают в новое качество «следующей» версии Человека Разумного (на глаз ясно, что Кентавр или Разумное Облако, живущее в вакууме Космоса, – не вполне люди). Нас больше интересуют:

– так называемый «спектр улучшений»¹⁶, его пределы, общие закономерности, инварианты;

¹⁵ Rinie van Est, Pim Klaassen, Mirjam Schuijff and Martijntje Smits. Future man – No future man

Connecting the technological, cultural and political dots of human enhancement // The Hague: Rathenau Institute. 2008. June 1. P. 7.

¹⁶ Human Enhancement spectrum – термин междисциплинарной британ-

– взаимоотношения техноапгрейда (собственно Human Enhancement) и традиционных методик улучшения человека (обучение, религиозные практики, медитация, игра);

– взаимосвязь между техноэволюцией человека и средой его обитания (социальное, городское пространство и время; культурные ландшафты 2.0).

Мало кто оспорит тезис о том, что границы личности, «Я», не совпадают с границами кожи человеческого тела. Гораздо менее тривиально утверждение, что и границы самого тела человека – топоним неоднозначный и динамичный. Недавние опыты, проведенные исследовательскими группами в нескольких европейских клиниках (Lucilla Cardinali, 2009), подтверждают известный факт: человеческое сознание склонно воспринимать орудие как часть тела. Опыты (Miguel A.L. Nicolelis, 2009) показывают, что у обезьян, соединенных с искусственным устройством, которым управляет мозг, развивается кинестетическое самосознание, чувство движения и прикосновения, полностью отделенное от сенсорного входа их биологического тела. Успехи протезов, управляемых мыслью (а сейчас уже и передающих сигналы чувствительности), парализованный человек, гуляющий по виртуальному городу (Gert Pfurtscheller, 2009), – все это заставляет еще раз усомниться в обыденном представлении о *Corpus Humanum*. Следуя за Мерло-Понти, А.Ш. Тхостов развивает свою феноменологию тела, показывая, что оно (тело) так же, как и орудия (технологии), не вполне вписывается в субъект-объектное описание Мира, являясь своеобразным посредником: «Неоднозначность местоположения такой

ской группы Demos, означающий всю гамму возможных антропотехнологических изменений. Логическим концом этого спектра специалисты Demos считают перенос (загрузку) сознания в компьютер.

границы [тела] может быть продемонстрирована в классическом психологическом феномене зонда (Бор, 1971; Леонтьев А.Н., 1975). Его смысл заключается в том, что человек, использующий для ощупывания объекта зонд, парадоксальным образом локализует свои ощущения не на границе руки и зонда (объективно разделяющей *его* тело и *не его* зонд), а на границе зонда и объекта. Ощущение оказывается смещенным, вынесенным за пределы естественного тела в мир внешних вещей. Зонд, включенный в схему тела и подчиненный движению, воспринимается как его продолжение и не объективируется....»¹⁷. Автор этих строк задает резонный вопрос: роботизированная рука механика – это часть механизма, который ремонтирует мастер, или же часть самого механика? По прошествии времени инструмент встраивается в схему тела, и музыкант начинает уже не надавливать на клавиши, а *играть* непосредственно музыку. Подобные экстраполяции человеческого тела за пределы наличного вызывают из памяти теоретические конструкторы о представлении технологий как экстракорпоральных органов или органопроекции (Э. Капп, о. П. Флоренский и др.): «Орудия *расширяют* область нашей деятельности и нашего чувства тем, что они

¹⁷ «...В экспериментах по сенсорной депривации были получены результаты, которые можно интерпретировать как нарушения топологии субъекта. В особых условиях обедненности или искаженности внешней стимуляции у испытуемых возникали странные ощущения изменения формы и размерности тела, конечностей и пр. (Bexton, 1954). Г. Бекеши продемонстрированы фантомы пространственного «предвижения» ощущения, которое могло локализоваться вне тела. Используя пару специальных вибраторов, раздражавших кончики пальцев или участки бедра, и изменяя интервалы между стимулами, Г. Бекеши показал, что ощущение может локализоваться в пространстве между пальцами или между коленями (*Becesu*, 1967).» Цит по: *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. С. 64, 80

продолжают наше тело»¹⁸ – и снова же напрямик отсылают нас к течениям околотрансгуманистической направленности.

Еще раз отмечу, что и в отечественных академических кругах (особенно среди апологетов *строгих*, или же *традиционных*, дисциплин) термины «Постчеловек» (Posthuman) и «Трансгуманизм» (Transhumanism) за последнее время несколько дискредитировали себя как ненаучные. Действительно, при множестве дефиниций туманный образ Постчеловека находится все еще в области футурологии¹⁹ да в умах социально активных и зачастую некритичных визионеров продолжения эволюции вида Номо технологическими средствами. К указанной выше тематике поэтому мы чаще будем применять столь же туманное, но гораздо менее технократичное обозначение *трансформативная антропология*²⁰ с акцентами на исторической реконструкции, поиске инвариантов телесного и психического, социо гуманитарном и культурологическом аспектах проблемы техноэволюции Человека.

Со стороны психологов пас в сторону расширения границ «Я» идет со стороны многочисленных культурологических концепций личности (Л.С. Выготский, М.М. Бах-

¹⁸ Русский космизм: сб. сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. М., 1993. С. 149.

¹⁹ Хотя к данной сфере как никогда применим принцип: «Лучший способ предсказать будущее – создать его». См. напр.: Joachim Schummer. «From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: “The best way to predict the future is to create it”» *Deliberating Future Technologies: Identity, Ethics, and Governance of Nanotechnology*, Heidelberg et al.: Springer, 2008.

²⁰ Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // *Философские науки*. 2008. № 2. С. 10–31.

тин, К. Левин, К.-Г. Юнг, Ж. Ньюттен и прочее и прочее). Эти теории действенны:

Можно только удивляться силе проекции и самоидентификации, что может захватывать человека, склонного *буквально чувствовать* отождествление с *обладаемыми* им вещами, с *представляемыми* им большими и малыми социальными группами, абстрактными идеями наконец. За это (в сущности, свою расширенную идентичность) и убивают, и погибают. Углубляться даже в самый поверхностный разбор разнообразнейших концепций личности, видимо, не имеет смысла; каждый читатель может припомнить красочный пример «расширения» или «сужения» личностных границ, пластичности «Я». Среди современных отечественных мыслителей стоит отметить Г.Л. Тульчинского с его «Постчеловеческой персонологией»: действительно, можно согласиться с ленинградским философом, в том что границы метафизического тела человека трансцендируются полем *ответственности, свободы, смыслополагания*.

Концепция *экзистенциального пространства субъекта* со своего боку приходит к понятию топологической персонологии: «Литература даёт нам многочисленные примеры попыток лингвистическими и художественными средствами очертить это внутреннее пространство. Так, известные метафоры “душа не на месте”, “выйти из себя”, “места себе не находить”, “уголок души”, “тайники души”, “дно души” и др. косвенно свидетельствуют о том, что людям свойственно переживать свою аутентичность в пределах некоторых пространственных и временных характеристик... Конечно, “место” – понятие не вполне психологическое, хотя исследовать субъективную топику «Я» означает не только попытки как-то локализовать его в самом по себе трудно локализуемом внутреннем пространстве, но и попытки понять своеобразную “экзистенциальную собственность” человека, то есть всего того, что из “большого”

бытия “вписалось” в опыт самоопределения субъекта, стало “своим”, оформило границы «Я–не Я», определило самобытный жизненный путь, персональные ценности, индивидуальную субкультуру человека»²¹.

В отделе теоретической географии работает также соратник Г. Хакена профессор Ювал Португали, создатель перспективной концепции SIRN (синергетических интеррепрезентативных сетей). Основная мысль этой концепции в том, что мышление не протекает исключительно внутри черепной коробки: границы мыслительного процесса расширяются на городской ландшафт, преобразуя его; и, наоборот, город постоянно преобразует паттерны (репрезентации) нашего сознания²². Не думаю, что адепты метагеографии (Д.Н. Замятин и др.) при создании своих образов руководствовались веяниями новейших антропотехнологических постчеловеческих трендов. Быть может, создатели так называемой психогеографии (И. Щеглов, Ги Дебор & соратники) вовсе и не собирались настолько глубоко онтологизировать влияние среды, инженерии ситуаций на личность. Тем интереснее сделать подобный мысленный скачок.

Мы уже давно живем в искусственной среде, процессы, артефакты, знаки и символы-феномены которой так или иначе представляют собой в конечном счете продукт активности отдельных людей. Зачастую очень трудно отрефлексировать, насколько социальное пространство определяет нашу жизнь. Об этом много, очень много написано,

²¹ Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: мат. сообщ. / под ред. Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2007. С. 106–111

²² Juval Portugali The Seven Basic Propositions of SIRN (Synergetic Inter-Representation Networks) // Nonlinear Phenomena in Complex Systems. 2002. P. 428–444

чего стоит один Ю. Лотман: «Архитектура по своей природе связана и с утопией, и с историей. Эти две образующие человеческой культуры и составляют ее контекст, взятый в наиболее общем плане. В определенном смысле элемент утопии всегда присущ архитектуре, поскольку созданный руками человека мир всегда моделирует его представление об идеальном универсуме»²³.

Город, его архитектура, коммуникации, семантика, поглощает, увлекая нас в свои *игры* – обезличенные и почти всегда обездушенные. Конструирование социальных пространств *определенной, вполне конкретной* местности в Новое время – в слишком довлеющей степени прерогатива Государства, общества спектакля. Социальные сферы малых групп – клубов, обществ, течений и пр. – некие гибриды доминирующих в умах их представителей паттернов и прямого влияния лидеров (тоталитарных или не очень). Неужели невозможно создание, в альтернативу современным душным мегаполисам и аморфным пригородным «деревням», по-настоящему интересных, разнообразных *персонализированных* Миров?

В гораздо более интимное пространство впускают друг друга люди, осуществляя то, что мы называем «дружба», «любовь». Мужчина (Женщина), рассказывая потенциально близкому человеку истории своей жизни (будь то вымышленные или реальные, относящиеся к себе или нет, неважно), в этом автоповествовании репрезентирует себя, конструирует себя в нарративе. Когда Он (Она) вводит Другого в свой Дом, в пространство своих отношений, грез, иллюзий, надежд, в свои воспоминания и планы, то этим неизбежно открывает свое Тело, и копуляция, соитие здесь лишь апогей.

²³ Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство - СПб, 2000. С. 81.

Приняв на мгновение техноэволюционный сценарий, экстраполируя до предела возможности антропотехнологических трансформаций, к чему мы придем? Что по сути своей будет представлять из себя пресловутый Постчеловек? Какой здесь инвариант, самая соль? **Может быть, метаформа постчеловеческого Тела, как вектор к полионтичности, – это максимально персонализированная живая Вселенная для Другого?**

То есть здесь мы сталкиваемся с пропедевтикой очень глубокого парадигмального сдвига: социальное пространство теперь не обезличено, а представляет собой *буквально* тело Другого. **Зажмурив глаза, мы ставим знак равенства**

ЛИЧНОСТЬ = ЛАНДШАФТ

Важно заметить, речь здесь идет не о метафорах. Мы постулируем возможность **реальной антропотехнологической репрезентации Личности в интерактивном Ландшафте – социальном пространстве для Другого**. Образ живого Мира – чувствующей и мыслящей среды известен давно и, в основном, из литературы (вспомним, к примеру, что Солярис С. Лема был живой планетой). Может быть, корни подобного мировосприятия теряются в глубинных пантеистических интуициях. Пантеизм – достаточно широкое понятие, объединяющее внутри себя разные мировоззрения (вспомним, к примеру, панентеизм – «Все в Боге»), и уже достаточно давно не воспринимается вульгарно только лишь как путь к материалистическому мышлению. Здесь уместно будет еще вспомнить отношение к тому, что мы сейчас называем «проблемой Постчеловека» незаслуженно подзабытых тейярдистов²⁴. В за-

²⁴ Идеи де Шардена в настоящее время продолжает движение неотей-

ключительной части («Завершающий этап Земли») главной работы действительно выдающегося мыслителя – французского ученого-палеонтолога, философа и теолога Пьера Тейяра де Шардена «Феномен человека» читаем: «Мы, безусловно, до сих пор толкали нашу расу на авантюру и недостаточно думали о проблеме, какими медицинскими и моральными факторами *нужно заменить грубые силы естественного отбора*, если мы их устраним. В ближайшие столетия необходимо основать и развить сообразно нашим личностным качествам благородную человеческую форму евгенизма»²⁵. Для Де Шардена эволюция, в том числе человеческой антропологии – механизм развертывания Божьего замысла во вселенной. Точка омега для Тейяра де Шардена есть Бог, который благодаря силе своего притяжения дает направление и цель прогрессивно эволюционирующему синтезу. Процесс эволюции — естественное приурочивание к сверхприродному порядку, указанному Христом. Когда в ходе эволюции материя-энергия истощит весь свой потенциал к дальнейшему духовному развитию, конвергенция космического природного порядка и сверхприродного порядка приведет к Парусии, «уникальному и наивысочайшему событию, в котором Историческое соединится с Трансцендентным» [«Божественная среда»].

К отношению современных теологов к трансгуманизму мы еще вернемся, и поиск нового прорыва к Вертикали Бытия, может стать, самое главное в наших экстраполяциях. А пока попытаемся разобраться, почему же для метаформы Постчеловека мы выбрали (с перспективой последующего развития смысла) именно понятие *ландшафт*?

ярдистов. См. напр. URL: Duane Elgin www.awakeningearth.org

²⁵ Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 553.

«Культура является существенным аспектом ландшафта, а ландшафт – средой, сферой и ценностью культуры. Культура – всегда сопряжение человека и ландшафта; ее трудно представить вне обращенности к ландшафту. Видение культуры подразумевает ландшафт. Видение ландшафта подразумевает культуру. Своеобразие такого взгляда на культуру – назову его *ландшафтная герменевтика культуры* – отвечает и особый способ ее проживания. Это не столько эксплицитная концепция, сколько способ жизни, центрированной по бытию в культурном ландшафте... *Культурный ландшафт* – это земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, освоено утилитарно, семантически и символически. Различая эти аспекты, будем помнить, что в ландшафте прагматическое неотделимо от смыслового. Отсюда вывод: люди могут жить в ландшафте, не соотносясь с ним как таковым (как могут жить в истории, сего не ощущая)» (В.Л. Каганский).

Может показаться натянутым вплетение вопросов сельского хозяйства в концепцию топологической версии Постчеловека. Однако же вспомним, что упомянутая выше нанобиоконвергенция (NBIC) через IT, когнитивные технологии захватывает сферы, в том числе и социогуманитарные, этику и культуру. Сельское хозяйство по-английски обозначается *Agriculture*, что совершенно справедливо напоминает нам о генезисе культуры из возделывания, *очеловечивания участков земли*. «Принимая во внимание, что сейчас мы растим дерево и строим стол, через 50 лет мы сможем просто растить стол. Так как все большее количество инженеров работают над биологическими системами, наша промышленная инфраструктура может кардинально измениться. 50 лет назад наша промышленность была основана на угле и стали, сейчас – на информа-

ции и кремнии. Через 50 лет она может быть основана на живых системах. Некое подобие новой сельскохозяйственной эры, только радикально иного рода»²⁶.

В дискурсе Постчеловека акцент зачастую ставится на улучшении таких качеств, как восприятие, мышление, способность к определенным действиям. Мы же сейчас, в общем смысле, говорили о пространственных характеристиках постантропологического субъекта. Как было отмечено, технологии в прошлом расширяли Личность *вовне*. Встраиваемые чипы-импланты, нанороботы, генная инженерия, биотехнологии, компьютерно-мозговые интерфейсы перенесли границу взаимодействия техно и человека внутрь тела. Однако эта техноволна изменения антропологии, образно говоря, откатывается, изменяя биологическую основу человека, назад, во внешнюю среду, делая ландшафты все более разумными: сетевые технологии, современные коммуникации, «разумный дом»; наносенсорами, датчиками и микрочипами наделяют все что угодно, даже деревья – интерактивные стены, программируемая материя²⁷, *pervasive computing*, умные вещи.... Что это как не пролегомены Разумных ландшафтов?

Борхес в своей новелле «История Вечности» рассказывает свое смутное впечатление от прогулки по окраинам Буэнос-Айреса. «Эти дома – они точно такие, как те, двадцать лет назад... – и тут внезапный инсайт посещает великого старца, – эти дома, кирпичи, кладка не точно такие, ОНИ ТЕ ЖЕ САМЫЕ». Трудноуловимый Эон, момент запечатленной в камне Вечности. Человеческое «Я» оставляет отпечаток, образ в едином культурном, географическом

²⁶ Down on the farm / The Impact of Nano-Scale Technologies on Food and Agriculture // ETC Group, Ottawa, Canada. 2004. P. 36.

²⁷ Claytronics Project / Collaborative Research in Programmable Matter Directed by Carnegie Mellon and Intel. URL: <http://www.cs.cmu.edu/>

Ландшафте, это поле Игры, с помощью которой мы вызываем к жизни ушедших в гораздо большей степени, чем это представляет себе обыденное сознание, обзывая подобную топологическую реинкарнацию историческими вехами. К чему мы клоним? – К расширению Человека уже не в пространстве, но во Времени²⁸.

Действительно, пространство и время неразрывно повязаны в континууме. Расширение границ Личности во Времени – это не только банально увеличение продолжительности жизни. Мы захватываем будущее глубиной и разработанностью футурологического взгляда, ожиданиями, планами. Надеждой²⁹. Прошлое определяется Памятью.

С развитием сетевых и мультимедийных технологий давнее стремление людей увековечить себя в мемуарах, дневниках обрело новую силу. Это видно из бурного развития Интернет-блогов и социальных сетей, увлечения (иногда доходящего до мании) личными фото- и видеохрониками. Один из основателей американской программы нанобиоконвергенции Чарльз Бэйнбридж поднимает серьезный вопрос о том, возможно ли в принципе некое воскрешение, восстановление целостной личности по тем информационным следам, которые человек оставил в течение своей жизни³⁰. Недавно появился сетевой ресурс (LifeNaut.com), где люди общими усилиями детально вос-

²⁸ Это отличается как от субъективного бессмертия трансгуманистов, так и от упрощенного понимания вопроса, когда говорят «его дело живо», про память потомков и т.п.

²⁹ Вспомнить Блоха. См. *E. Bloch*. The Principle of Hope // MIT Press, 1986.

³⁰ Это важно еще для одного сомнительного вида трансгуманистического «бессмертия»- цифровой жизни в компьютере. Сеттлеретика - наука об оцифровке сознания и загрузке его в компьютер.

создают (пока информационно) образы умерших великих личностей; на этом сайте также с помощью специальной программы можно создать говорящий аватар себя любимого и детально картировать свою жизнь. Необходимо заметить, что эти технические и методологические вопросы вкуче с возможностями манипуляции нано- и биоуровнем материи поднимают на новую ступень (и по новому высвечивают) утопические идеи Н.Ф. Федорова о воскрешении всех предков. Данный технологический тренд также перекликается с широко обсуждающейся во все времена идеей некоего информационного бессмертия человека в гиперпространстве культуры³¹.

Интересно *упоминуть* здесь также древнюю технику *запоминания* – Дворцы Памяти. Как известно, еще со времен основателя мнемоники Симонида Кеосского (вероятно, и раньше) люди с феноменальной памятью расклады-

³¹ Приведем примеры сюжетов из современной литературы: К Крису Кельвину, герою романа Станислава Лема «Солярис», психологу, прибывшему разобраться со странными событиями на планетарной станции, приходит его умершая жена Хари. Причем Разумный Океан восстанавливает ее «модель» реалистичной вплоть до молекул по *всем* (предварительно засканированным) воспоминаниям о ней Кельвина. Тут встает серьезный вопрос об идентичности модели и оригинала и о тождественности-ценности в Любви Другого самого по себе или через взаимодействие (здесь – по воспоминаниям).

В романе Кристофера Приста «Лотерея» герой озадачен целью выразить *всего себя* на бумаге – не просто последовательность жизненных событий, а именно суть, выбор его волей только своего, неповторимо личного ядра, которое может выражаться, как ни странно, даже в искажениях реально происходивших событий и никогда не происходивших фантазиях. Именно это полуфантастическое аллегорическое видение реальности и своей самости герой выбирает в качестве «матрицы» для своего сознания после медицинского стирания памяти (это необходимое технологическое условие выигранной в Лотерею вечной жизни).

вают факты, цифры, имена в знакомом, хорошо детализированном, сохраненном в сознании *ландшафте*. Я не думаю, что эффективность такого топологического механизма памяти – случайность.

Мы видим невообразимую популярность онлайн-игр, растущее движение ролевых игр в реальных ландшафтах. Захлестывающую мир материальных вещей виртуальность симулякров и, конечно же, головокружительные вселенные *Civilization, Spore, Second Life*³².

Игра по мнению М.Мак'юэна, – тоже коммуникация. Личность – как Игра в ландшафте культуры. Как насчет тела Постчеловека? Данное еще Хейзингой определение Игры как ограниченного во времени и пространстве процесса, происходящего по определенным правилам, ничего не стоит отнести к телу постантропологического субъекта. Смысл гадамеровской герменевтики Игры – в некоем воскрешении играющим создателя произведения. Тело, как произведение искусства в виде Мира, в котором Другой может жить, зная, что Вселенная теперь для него не пустая, бессмысленная и холодная среда, а исполненный смысла, семантически многомерный Космос, экстериоризированное сердце, которое не перестало биться со смертью миокарда создателя.

Ландшафтами кроме культургеографов и прочих занимаются еще экологи. Конвергенция понимания Культуры как загадочного гиперпространства, в котором продолжают в некотором смысле *жить* создатели культурных феноменов, с экологией весьма занимательна: «...семиотика, логика, этика, эстетика возникают как системные свойства

³² См. также *Носов Н.А.* Манифест виртуалистики // Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15. М.: Путь, 2001. С. 17.

подобно генетическому коду, половому размножению, разделению экологических ниш. Продолжив аналогии, можно применить экологические критерии биомассы, продуктивности, накопления омертвевшей продукции (мор-тмассы), разнообразия к метаэкологическим системам... Ведь смысл экологии и метаэкологии один – в противостоянии смерти. При этом экологические системы развиваются в направлении увеличения биомассы, роста разнообразия, сокращения отходов, и с метаэкологическими происходит то же самое»³³. Смысл здесь, опять же, – в направлении к полионтичности, ведь известно, как много зло рождается от конкуренции именно болезненно *похожих*. Неповторимый же оригинал всегда вне конкуренции, он сам создал уникальную *нишу*. В концепции Разумных ландшафтов Личность *буквально* создает себя как теперь уже реально представленную метаэкосистему – социальный хронотоп для Другого.

Еще раз хочу отметить, что качественно иную, несравненно большую, актуальность абстрактному футурообразу Разумных ландшафтов придает реальность вполне конкретных технопроектов³⁴ – уже упомянутой нами не раз наноконвергенции. Принципиальная междисциплинарность и трансдисциплинарность как самого нанотеха, так и области возможностей наноинструментария в изменении природы человека, создании Сильного Искусственного Интеллекта и *некоей альтернативной биологической Жизни-2* – все это требует глубокого и масштабного философского синтеза современных естественнонаучных и социогуманитарных концепций для адекватного исторического и

³³ Красилов В.А. Метаэкология. М.: ПИН РАН, 1997. 208 с.

³⁴ И социальная реальность роста отчуждения от областей науки и духа все большего процента людей в обществе потребления.

проективного представления *трансформативной антропологии*.

Специфика синергийного NBIC-процесса (нано-, био-, инфо- и когно- Конвергенции) заключается в том, что человечество впервые за всю историю своего развития обретает инструменты для создания альтернативного естественному биологическому развитию техноэволюционного процесса. То есть нанотех (ключевой актор Конвергенции), по сути, как способ манипулирования материей на квантовом уровне, в комплексе с другими эмерджентными технологиями дает ключ к появлению искусственной жизни, к изменению живой природы на самом фундаментальном уровне, в том числе и собственной антропологии. Очень важно понять, что нанотехнонаука – это не просто модное течение, а заявка на качественно новый уровень конструирования реальности. Здесь необходимо заметить, что *вторым* ключевым стратегическим технотрендом западные правительственные организации считают проекты Интернета Вещей, или же, в более общем смысле, – Smart Environment (Разумной Среды)³⁵.

Стало уже расхожим мнение, что эволюция *тела* Homo Sapiens закончилась, уступив место развитию социумов – культуры и технологий, совершенствование генов сменилось развитием и репликацией социокультурных мемов³⁶, имеющих информационную природу. Переведя NBIC-конвергенцию с языка областей взаимодействия (нано-, био-, инфо, когно- технонауки) на язык акторов наномасштаба: атомов, генов, нейронов и битов, мы сталкиваемся с

³⁵ См., например, отчет для ООН Diane J. Cook, Sajal K. Das Smart environments: technologies, protocols, and applications // Wiley-Interscience 2005. URL: www.itu.int/osg/spu/publications/internetofthings/

³⁶ Популярное на сегодняшний день понятие ричарда Докинза из его книги «Эгоистичный ген».

гибридами природы и культуры, по выражению Брюно Латура – квазиобъектами, или «субъект-объектами», которые размывают барьеры между культурой и природой, деятелем и материалом³⁷. Пространство взаимодействия этих квазиобъектов на определенном уровне становится автопоэтическим, перерождаясь в реальность неких *экосистем 2.0*. Именно к этой смутной и пугающей перспективе мы приближаемся с ускорением, развивая такие тренды, как Синтетическая Жизнь³⁸, Искусственный Интеллект, Компьютерно - мозговые интерфейсы и НаноАссемблер³⁹. В наших руках определить, каким будет этот новый Мир: дегуманизированным Нечто или полионтичной Вселенной живых Разумных ландшафтов.

Все это вроде бы технологические пролегомены, где же тут философия? А начинается она при осмыслении индуцированного вышеуказанными технотрендами переломного момента в сознании современного человека: ширящейся ломки мировоззрения, трансформации социальности, глубочайшего кризиса самоидентичности. Сверхзадачей философии в этой сфере выступает создание достаточно отрефлексированного полноценного гармоничного и безопасного футурообраза, который бы выступал аттрактором, вектором напряженности смыслового поля, организующего уже сегодня наши действия. Основанный в 1996 г. фонд Long Now осуществляет многомиллионный проект 10-тысячелетних часов. Смысл проекта – в повышении связи и ответственности поколений перед Будущим. Наши про-

³⁷ B. Latour. We have never been modern // Harvard University Press, Cambridge Mass. USA. 1993.

³⁸ См. достижения лаборатории искусственной жизни Крега Вентера URL: <http://www.jcvi.org/>

³⁹ Самовоспроизводящийся нанорепликатор, «Машина Созидания» Эрика Дрекслера.

екты и ожидания никогда не будут полноценными, если мы не будем заглядывать *максимально* далеко, в экстремально, на грани возможностей далекие области у самого края футурологического горизонта, и одновременно – и это не менее важно – постоянно сверяться с меняющимся, углубляющимся, все более живым Прошлым, снова и снова рекурсивно возвращаясь в настоящий момент, который только таким образом становится Эоном Вечности.

Здесь мы подходим к обещанному рассмотрению непростых отношений между адептами антропотехнологической эволюции Человека и представителями религиозного мировоззрения. Несмотря на отсутствие официальной позиции по проблеме Постчеловека со стороны официальных конфессий, уже можно встретить немало работ, направленных на синтез новейших технологических амбиций *Hunan Enhancement* и теологии. В частности, известный на Западе христианский биоэтик доктор Грегор Волбринг в своей работе «Треугольник из новых технологий, людей с ограниченными возможностями и Всемирного Совета Церквей; Able-изм: предпосылка для трансгуманизма»⁴⁰ ищет пути примирения позиций иудео-христианских церквей с трансгуманистическими идеями, разыгрывая карту «помощи страдающим инвалидам». В качестве неких пролегоменов к Христианскому Трансгуманизму Волбринг также использует концепты Со-Творения и продолжающегося Творения Богом посредством человека. Близкие Волбрингу идеи высказывает Стефен Роберт Гарнер в своей диссертации «Трансгуманизм и Образ Божий»⁴¹, используя

⁴⁰ Gregor Wolbring. The triangle of new and emerging technologies, disabled people and the World Council of Churches; Able-ism: A prerequisite for Transhumanism. 2007. URL: <http://www.bioethicsanddisability.org/>

⁴¹ . *Stephen Robert Garner*. Transhumanism and the *imago Dei*. Narratives of apprehension and hope.// A thesis submitted in fulfillment of the re-

для примирения религии и современных технологий концепцию «человека как сотворенного со-творца».

Говоря об архиважности NBIC-конвергенции технологий (нано-, био-, инфо-, когно-) для улучшения природы Человека, мы уже упоминали о необходимости включения NBIC-модели в еще более широкий социокультурный контекст, социальный и антропологический.

Переинтерпретируя импульс к *Неовсеединству* (В.И. Моисеев), ниже мы попытаемся показать возможность актуализации того самого заветного синтеза Науки, Религии, Искусства, рационального, этического, эстетического, Истины, Добра и Красоты, – как именно на практике проект Разумных ландшафтов может помочь собрать эти до сих пор во многом «отвлеченные начала»:

1. Внимание к средствам познания в неклассической и, далее, к самому субъекту познания в постнеклассической науке ведет к так называемой человекомерности научных исследований. Преодоление отчуждения личности от НТР, превращение человека в единицу потребления осуществляется за счет того, что Творец Разумного ландшафта (субъект Постчеловеческого Мира), с одной стороны, *изначально* поставлен перед задачей рационального постижения Космоса не ради отвлеченных целей прогресса неких внешних абстракций по типу «экономика», «общество», а во имя собственной саморепрезентации, так как он *здесь и сейчас* постигает бесконечность Вселенной, авто-поэтически конструируя свое *тело*, эксплицируя еще не выявленные возможности Бытия для Другого. С другой стороны, субъект Постчеловеческого Мира в качестве Путешественника *играет*, погружаясь в Мир Разумного

quirements for the degree of Doctor of Philosophy in Theology, The University of Auckland, 2006.

ландшафта Другого, его техне (в хайдеггеровском смысле), и в этой Игре (допустим, грубо говоря, для начала, выполняя задания предложенного Квеста на Разумной местности) в качестве побочного продукта рождаются элементы научного-технического знания.

2. Не секрет, что расцвет Древней Греции во многом был обусловлен культивируемой Периклом системе *агонов*. Городские и полевые Ролевые Игры, фирмы, практикующие все более сложные, экстремальные и концептуализируемые формы тимбилдинга, стимуляции креативности топ-менеджмента, общая *игрализация* масс-медиа, социальных взаимодействий и т.п. – это первые «ласточки», неотрефлексированная тенденция к созданию противостоящих необходимости Миров Свободы онтических Игр. Альтернативой обществу потребления может стать общество креативности, Мечты (мы хотим, чтобы оно еще было и обществом Надежды, Веры, Любви). Креативные игры автопоэзиса Разумных ландшафтов могут стать краеугольным камнем перехода к адекватной онтологически обоснованной версии *постинформационного общества*⁴². Эволюция видов искусства, техне, от наскальной живописи до кинематографа, мультимедийных инсталляций, перформансов, виртуальной реальности, подготавливает почву для интегральных, синкретических креативных Игр Разумных интерактивных ландшафтов. Идеалом и прототипом данного вида креативных игр может стать феномен Собора, в котором Искусство соединяется со знанием фундаментальных физических законов Универсума (то, о чем писал П. Валери в своем «Введении в систему Леонардо да

⁴² См. напр. *Ролф Йенсен*. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит ваш бизнес // Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002

Винчи») и с движением Духа к Трансцендентному. Обозначим такой специфичный ракурс, для различения с классической Соборностью русской православной философии, как Неособорность. Подобная Неособорность, обладающая свойствами самоорганизации, автопоэзиса, перцептивности, интерактивности и коммуникации, может стать основой новейшего ренессанса Искусства в Играх Разумных ландшафтов.

3. К переосмыслению христианской Любви: мужское начало постчеловеческого субъекта («Путешественник») бродит по лабиринтам, садам и тропам Разумного ландшафта (женское начало постчеловеческого субъекта) зная, что окружающий его Мир – это *тело-загадка* Другого, *Genius loci* его Жизни, репрезентативная саморазвивающаяся Игра, в форме которой Другой решил представить себя в Вечности. Понять и принять этот живой Лабиринт возможно только посредством Любви Путешественника к приютившему его Разумному Ландшафту, как частице Бога. А взаимная Любовь, конгруэнтность, коэволюция Путешественника и Ландшафта, интерференция на их границах, флуктуации, самозарождающиеся в автопоэтические вихри, рождает нечто *принципиально новое* – Ребенка, в потенциале кроющегося в себе возможность полноценной Живой Вселенной.

Не претендуя на единственность концепции форсайт-решения, основную идею которой несколько бессвязно я пытался донести выше, еще раз резюмирую семью тезисами в отношении *Разумных ландшафтов*: метаформы одновременно как постчеловеческого тела, так и социального пространства будущих субъектов коммуникации:

1. Граница «Я» – неоднозначна и динамична. Это подтверждают, во-первых, данные физиологии восприятия; во-вторых – обоснованность многочисленных культурологических концепций личности в психологии. Неоднознач-

ность субъект-объектной границы, самоопределения схемы тела в связи с психологическими феноменами, с представлением технологий как экстракорпоральных органов, отождествлением с имиджевыми артефактами (мода), в связи с трансформативными антропологическими практиками (тело-без-органов), в связи с процессами социальной идентификации и пр.– все это позволяет говорить о нетривиальности – расширении топологии личности за физические границы тела.

2. В концепции *Разумных ландшафтов* репрезентация Личности происходит в границах *реального* интерактивного пространства для Другого. Этим постулируется экстраполяция, вектор развития для изменения природы человека, *метаформа* трансформативной антропологии. Эта интерактивная, автопоэтическая среда является также вариантом экосистем 2.0- предела техноэволюции Искусственной Жизни.

3. Исходя из возможностей NBIC-технологий, конструируемый Личностью в рамках определенной территории *Разумный ландшафт* может обладать как обширной перцептивной поверхностью (наносенсоры, нанорецепторы) с обработкой «чувственных» данных с помощью современных информационных сетей (ГРИД и пр.) и систем ИИ, так и (вследствие эмерджентных свойств наносистем) мощным потенциалом самоорганизации, автопоэзиса и саморазвития.

4. *Разумный ландшафт* изначально представляется интерактивным и открытым коммуникации с Другим – как пространство креативных Игр, в которых происходит как становление и актуализация нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, так и *селекция новых форм социальных отношений* – в движении к новому качеству одухотворенных, персонализированных экосистем.

5. Пространство *Разумного ландшафта* в сопряжении с наноконвергенцией предоставляет Личности сильные возможности семантической нагрузки естественных и вновь созданных компонентов очерченной для репрезентации территории. Это *Genius loci* постантропологического субъекта, как место, усвоившее дух личностно-преломленных феноменов Культуры. Это рефлексивно-активное поле Игры – актуализации знаков, символов, паттернов, мемов – их формы существования в Вечности⁴³.

6. Новые формы интерсубъективности во взаимоотношениях репрезентированной в форме *Разумного ландшафта* Личности и Другого порождают и новые формы экономических отношений:

– с одной стороны, изменяется *потребление* – от чистого консьюмеризма к увеличению спроса на артефакты, процессы и услуги в качестве компонентов, модулей строительства собственного постчеловеческого тела;

– с другой стороны, происходит изменение самого способа производства - в сторону полной инвайронментализации, когда в рамках Разумного ландшафта высокоэффективным сочетанием возобновляемых источников энергии, автопоэзиса самореплицирующихся нано- и биосистем достигается «растворение» производства в Игре, само производство становится более похожим на непрерывное Творение Жизни, органично вплетаясь в канву маршрутов саморепрезентирующегося Живого Универсума.

7. Ценностные ориентиры построения *Разумных ландшафтов* для Другого позволяют моделировать новые

⁴³ Нам необходима как воздух адекватная времени версия Касталии (*Герман Гессе. Игра в бисер. Опыт жизнеописания магистра игры Йозефа Кнехта с приложением оставшихся от него сочинений // АСТ. 1999*)

формы деятельностного подхода к Вертикали Бытия, трансцендентному измерению существования Личности:

– во-первых, здесь видится параллель репрезентирующих субъекта онтических Игр *Разумного ландшафта* с концептом со-творения Универсума и своего Тела в подобии *Imago Dei*;

– во-вторых, в данном подходе органично возникает максима Всеединства «Истины, Добра и Красоты» – рационального, этического и эстетического в – представлении своего экстраполированного до *Разумного ландшафта* Тела, как ответственности представления социального пространства и времени для Другого.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Колмаков В.Ю.

Власть есть ложная экзистенция. Поэтому очень важно понять в новой исторической цивилизационной обстановке: какова природа власти в современном обществе? как власть изменяется и влияет в результате этого изменения на современное общество и человека? Человек, власть и смысл жизни взаимосвязаны. И взаимосвязи выстраивается основное проблемное поле экзистенциального осознания проблем политической экзистенции личности. Исходя из этого определяется возможность построения экзистенциальной политологии.

Природа власти и сущность человека взаимосвязаны. У каждого человека есть основополагающие экзистенциально-политологические факторы, влияющие на его политическую социализацию и становление его как соответствующего элемента политической системы. Каждый человек, будучи ребёнком, испытывает влияние определённого количества событий политического порядка или тех событий, которые прямо или косвенно сопричастны политическим процессам, происходящим в данном обществе. Это становление его как личностного элемента политической реальности имеет в то же время некий конкретно-исторический смысл, человек развивается и формируется, а далее действует в конкретное историческое время, в конкретный период политической истории. И с этой точки зрения настоящее политической реальности предопределено предшествующими периодами политической истории.

Экзистенциальная политология – направление исследования, объектом которого является человек в пространстве политического бытия общества. Человек как политическое

животное, как политическое существо может действовать только в условиях наличия того смысла, который позволяет человеку выжить. Но, парадоксально, именно власть, государство способны создавать тот абсурд, который делает жизнь отдельного человека и всего общества невыносимо.

Смысл жизни человека и смысл власти могут не совпадать. В этой ситуации власть имеет силовое превосходство в воздействии на общество и человека. Но человек способен не соглашаться с тем смыслом, который навязывается господствующей формой власти. Аксиология власти – особый аспект анализа, в рамках которого власть имеет определённую ценность в глазах, в сознании тех людей, которых она способна подчинить своей реальности. Индивидуальная политология возникает неформальным образом в сознании людей, которым приходится воспринимать и осознавать власть определённым образом. Эпоха Сталина на меня фактически не произвела особого воздействия. Дома о Сталине мои родители почти не говорили, хотя и относились к нему с неким уважением, против которого я не находил каких-то особых возражений, хотя эта фигура казалась фигурой прошлого, обозначала что-то ушедшее. Более активными факторами были другие. Власть любит кукурузу. Моё осознанное, но весьма странное отношение к власти сформировалось в период правления Н. Хрущева. Мне было 7 лет, 1964 год, мало у кого были телевизоры, их ставили в витринах магазинов, в окнах, выходящих на улицу других общественных зданий, и народ собирался и смотрел новости. Люди смеялись над Кукурузой – Царицей полей. Далее была эпоха Белки и Стрелки – собак - космонавтов, первыми полетевших в космос. Это была эпоха первых космонавтов, наука и техника казались некими силами, способными решать все социальные проблемы и эффективно контролировать важные социальные процессы. Далее началась эпоха Брежнева, который для

меня долгое время не был объектом внимания. Внимание к данной личности акцентировалось лишь в конце 60-х годов. В 70-х личность Л.И. Брежнева начинает играть если не принципиальное, то весьма специфическое значение.

Естественно, с развитием эпохи телевидения стали чаще показываться помпезные съезды КПСС. Так как это было ново в тот момент, то люди смотрели трансляции. Было интересно смотреть на людей из далёкой столицы, странным образом привлекало то, какими серьёзными и значимыми были эти люди, что-то заставляло задуматься над этим весьма странным фактом. Но, опять-таки, полёты космонавтов, знаменитый луноход, трансляции лунной поверхности – всё это оказывало некое положительное влияние на восприятие страны и той власти, которая над всем этим возвышалась.

Личность и государство

Каждый человек может спросить: кто я перед лицом современной власти, которая, обладая огромными средствами воздействия, способна раздавить любого человека? Когда говорится о человеке и государстве, то человек, его права являются отражением личности, и возникает вопрос: почему нельзя говорить о правах личности? насколько идентичны понятия «права человека» и «права личности»? если понятие «человек» рассматривать как синоним понятия «личность», то, естественно, проблема снимается. Но понятие «личность» всё же имеет несколько иной смысл и содержание. На наш взгляд, весьма проблематичным является именно вопрос о правах личности, что в наиболее полном и обострённом виде проявляется в противопоставлении личности и государства.

Человек есть важнейший и неустранимый элемент в системе взаимосвязи «человек–государство». Уничтожение базовых свойств данной взаимосвязи уничтожает сис-

темное свойство всей политической системы и модели государства. С другой стороны, государство может навязывать необходимую ему модель человека, гражданина, личности, создавая легализованные доминирующие образцы «положительного» с точки зрения данного государства, человека.

Каждый конкретный человек живёт в тех социальных условиях, которые во многом формируются именно государством. Государство как доминирующая форма власти способно не только устанавливать законы, но и диктовать правила, по которым осуществляется социальная взаимосвязь действующих субъектов. Всегда есть и некая теневая, латентная сторона правовой системы социальных отношений. Помимо очевидных законов есть неявные, неписанные законы и правила, которые необходимо соблюдать каждому, кто поставлен в данные обстоятельства.

Критика государственной власти всегда неприятна для самой власти и для её конкретных представителей. Но чем более значительна критикующая личность, тем более опасным фактором она является для государства, для тех людей, которые его персонифицируют. Борьба государства против тех, кого она считает опасным фактором для себя, велась на протяжении человеческой истории самым различным образом. Государство есть функция соответствующего типа личности. Доминирующий тип личности, способной к управлению, опосредованно предопределяет тип управления. Личность есть функция государственно установленного норматива законопослушной личности. Опыт противодействия и противостояния личности и государства в истории в целом и в России в особенности показывает, что этот процесс всегда происходит достаточно напряжённо и чаще всего фатально для самой личности.

Насилие государства над личностью проявляется не по отношению к личности вообще, а именно по отношению к

конкретному человеку, который как соответствующий тип личности не согласен с тем, что государство определяет как единственный тип социальной реальности. Но опыт российской политической истории XX века – в лице Солженицына, Сахарова и многих других – показывает, что моральная сила личности является той уникальной позицией, против которой государство ничего сделать не может. Если личность считает свою позицию выражением моральной правды и в силу этого не подвержена устрашению, не боится насилия государства, то государство оказывается проигравшим, морально неправильным. Морально неправильное государство становится тем, что невозможно считать выражением моральной правды, нравственной истины высшего порядка. Любой человек, как личность, испытывает страх и чувство обречённости перед огромным, мощным, всесильным формальным аморфным аппаратом власти, способным безмозгло рушить всё, что будет приказано считать её врагом. «Надзирать и наказывать», как центральная идея в установлении отношений между государством и обществом, исходно имеет негативный и разрушительный смысл, который создаёт негативное напряжение во всей системе социально-политических отношений. Особенно это проявляется в ментальном плане. Государство в этом отношении есть исходно негативная сущность, которая не может восприниматься положительно. Личность, которая не признаёт власть, всегда неудобна для существующей власти, которая всегда желает от своего народа, от верноподданных тупого подобострастия.

Понятие «сильное государство», введённое Ф. Фукуямой, может быть интерпретировано различным образом. Во-первых, сильное государство – государство, обладающее достаточными средствами, необходимыми для решения имеющихся проблем. Во-вторых, сильное государство – государство, которое доминирует над человеком, обще-

ством, сила которого не идёт ни в какое сравнение с их возможностями. В этом контексте можно спросить: было ли советское тоталитарное государство сильным? Безусловно, да. Его возможности для подавления всякого сопротивления и противодействия были грандиозными. Но, увы, его усилия всё больше и больше вязли в не прекращающемся сопротивлении всех тех, кто понимал, что такое государство является аномальной формой существования политического аппарата управления обществом. Человек в условиях сильного государства поставлен в достаточно сложное положение, выживание становится наиболее главным стимулом его существования. Но парадоксально, те, кто боролся с этим государством, были сильнее его только в одном аспекте – они были сильны духовно и от этого государство проиграло.

90-е годы показали другой эксперимент, проведённый над обществом и каждым, кому выпало жить в это время. Было резко ослаблено государство, и личность, каждый человек, оказался в этом эксперименте. Необходимо было понять, что такое человек в условиях слабого государства? что делать в той ситуации, как выживать? Очевидно, что выходом из экономического хаоса явилось опять-таки усиление мощности и возможностей государства, государственного аппарата управления. Тенденция усиления при этом, очевидно, должна иметь рациональную, разумную составляющую. Потеря разумности опасна возвращением к той ситуации, которая уже была пройдена, но, по-видимому, не все выводы, вытекающие из той ситуации, являются очевидными для определённой части управленцев. Кризис власти и кризис человечности государства взаимосвязаны. И, действительно, самое страшное – нарастающий кризис человечности, нарастание бесчеловечных форм отношения к человеку. Это и всеобщая идентифика-

ция человека, и возможность глобальной слежки за каждым человеком, и многое другое.

Человечность государства – сущность достаточно проблематичная. Однако необходимо отметить, что государственные системы власти – как сложные, многоуровневые иерархические «человекодержавные» системы – развиваются не в сторону увеличения гуманности. Именно сложность и иерархичность уменьшают человекодержательность данной системы. Отмечается весьма интересное «третье изобретение» — создание всемирного надгосударственного органа, способного избавить человечество от угрозы межгосударственных и мировых войн. Но данный процесс, действительно происходящий в современной системе политико-правовой реальности, думается, таит множество опасных противоречий, к числу которых можно отнести и процесс нарастания лишения свободы и порабощения человеческой личности, но уже в условиях «надгосударственного государства».⁴⁴

Кризис института власти и кризис человечности – линии взаимосвязанных процессов, и эта взаимосвязь является максимально существенной. Формально-бюрократические механизмы развития института современной власти и государства порождают социально-деструктивные явления, в числе которых в первую очередь – дегуманизация всей политической и во многом социальной системы. В этом отношении можно говорить об институте человечности – это то, что позволяет обществу выжить и остаться человеческим. Потеря этого института ведёт к самоуничтожению общества. Но как сохранить эту человечность?

Человек в новой экономической реальности получает новые качества. Проблема, по существу, заключается в том, каким образом данная ситуация может развиваться в гуманитарном аспекте. Необходима новая философия экономической реальности, позволяющая дать системное понимание всех экономических систем, которые имеются в современном мире. И это, по-видимому, должна быть гуманитарная политэкономия, позволяющая объяснить политэкономическую реальность.

Философия прав человека развивалась как пространство осмысления сущности человека и формирования соответствующего общественного порядка, который был бы способен гарантировать эти права. Основная тенденция в развитии прав человека при этом видится как соответствие действительной сущности человека и социального бытия. Рассматривая сменившиеся поколения прав человека, можно заметить, что в своём развитии эта тенденция показывает определённое восхождение, но, одновременно, такая тенденция имеет и возможность изменения. Реализация прав имеет свои ограничения. Требование исполнения прав человека не может носить механический характер.

Деконструкция власти как метод философствования даёт определённые возможности выявить соответствующие черты и свойства системы власти в её действительном значении в системе человеческого бытия. Особо настораживает фактическая неконтролируемость, безответственность власти и то, что в результате она становится всё более опасным и деструктивным фактором социальной системы. Осознавая эту возрастающую опасность, необходимо выработать новую социальную стратегию, новое социальное мировоззрение. Власть – очень противоречивая сущность, очень сложный и неоднозначный феномен. Но конкретная характеристика власти необходима. Неизбежно

возникают новые характеристики института власти, соответствующие свойствам современного общества.

Общество не может существовать без власти. Власть позволяет обществу, да и любым социальным объединениям регулировать структурные соотношения. Сегодня политический менталитет сильно дезориентирован и находится в странном аморфном состоянии. Некоторые исследователи признают такую ситуацию даже трагичной. Отдельные феномены элитной политической культуры резко диссонируют с основной массой политически относительно активной части общества и, тем более, с той частью общества, которая принципиально пассивна. Дифференциация политической ментальности достигает разительных различий.

Рассматривая политическую культуру и общество, берём самый широкий план возникающей здесь взаимосвязи. Политическая культура играет определённую роль в развитии и функционировании общества. В этом процессе происходит изменение политических ориентаций активно действующих социальных групп. Соответственно, можно отметить, что в данном отношении действует очень прочная взаимосвязь между изменением социальной структуры и изменением политических феноменов. Возможность их прогнозирования является всегда достаточно серьёзной проблемой, это связано с тем, что здесь достаточно активно действует субъективный фактор: политическая деятельность связана не только с субъектом как носителем социального проявления, но и с субъектностью как проявлением личности политика. Можно поставить под сомнение утверждение о том, что политическая культура не является изначально заданным, неизменным феноменом, очевидно, что с появлением политической сферы социальных взаимосвязей возникает и соответствующий тип политической культуры. Политическая культура изменяется, потому что не может не изменяться, потому что изменяются общество

и его социальная структура. Вместе с изменением данного фактора происходит изменение многих важных параметров социально-политической реальности. Политическая культура есть реальный фактор в любой социально-политической реальности, она проявляется во всех тех действиях, когда необходимо реальным образом участвовать в политической жизни общества, проявляя тем самым свои определённые качества как социального субъекта.

Тип общественного сознания есть фактор политического сознания, и каждому обществу присущ соответствующий тип общественного сознания. Здесь, безусловно, есть обратная связь: общественное сознание зависит от всех составляющих, в том числе от политического сознания как фактора социального действия соответствующих социальных групп. И наоборот, в зависимости от степени активности политического сознания во многом определяющим образом происходит формирование других сторон общественного сознания в целом. Политическая культура и политическое сознание взаимосвязаны. Под политической культурой может пониматься – и часто так действительно происходит – определённый уровень развития политического сознания.

Принципы политического сознания могут, конечно, меняться. Сам термин «принципы политического сознания» не всегда используется с достаточно полным прояснением, определением, какие именно принципы здесь подразумеваются и что считать такими принципами в целом. Естественно, у политического сознания есть свои принципы, но, на наш взгляд необходимо говорить не просто о принципах, а о принципах организации политического сознания и соответствующего ему типа политической практики. Общество есть сложная система социальных групп, каждая из которых, в зависимости от занимаемого в социальной системе места, обладает определённой поли-

тической культурой. То есть политическая культура как индекс социологического, социально-политического определения поведения социальной группы, указывает на достаточно широкие характеристики. Политическая культура есть показатель конвергенции между базовыми показателями социального действия определённой социальной группы и власти как реального фактора, влияющего на все социальные действия. Власть в этом смысле задаёт общее структурное пространство политического взаимодействия.

Политическая конвергенция, идущая от группы, иногда недостаточна для активного влияния на власть, и социальная группа чаще всего принимает это условие. Но это условие будет приниматься до той степени, пока власть не перейдёт границу существенного негативного изменения общественных интересов социальной группы. В этом случае группа (социальный класс) может становиться максимально активным фактором и начать определять другой тип конвергенции. Законопослушность граждан и социальной группы имеет точные границы. Власть, не проявляя прямого политического насилия, начинает воздействовать на общество именно как фактор насилия над правом на достойную жизнь.

Российская социально-политическая ситуация к 2010 году приобрела достаточно напряжённый характер. На фоне максимально значительного разрыва между богатыми и бедными социальными слоями стал нарастать кризис недоверия к власти. Общество устало ждать от власти невыполненных обещаний. Фактор «настроения масс» является важным, а в определённых случаях и важнейшим элементом системы политической реальности.

В качестве важного момента здесь можно отметить следующее: существующий условный или вполне реальный авторитет власти может измениться достаточно неожиданным образом. Статья Конституции РФ о праве на

достойную жизнь становится карикатурной, это право начинает пониматься как право на полуголодное существование.

Специфика политической культуры современной России имеет свои корни и основания во всём том процессе политических изменений, которые Россия прошла. Довольно странная ситуация, которая сложилась во взаимосвязях между президентом и премьер-министром, вызывает разные оценки. «... многие специалисты фиксируют полифонию идеологических сигналов, идущих от власти. У некоторых экспертов возникает вопрос: не является ли это определенной идеологической шизофренией? Мой ответ: нет, просто эти сигналы направлены на разные аудитории». Функциональное различие ролей президента и премьера должно быть выдержано в установленных законом рамках для того, чтобы не произошло непредвиденных столкновений различных интересов соответствующих ветвей власти.

Ситуация действительно достаточна неординарная для современной истории российской политики, вполне очевидно, что за внешними её проявлениями находится большой пласт тех событий, которые станут известны спустя определённое время. Сейчас можно лишь догадываться, как будут развиваться события. При всех тех или иных симпатиях (или антипатиях) к указанным явлениям, по-видимому, никто не хочет серьёзных конфликтов и коллизий, хотя и никто не может гарантировать, что таковых не произойдёт.

Общие принципы правовой ответственности могут быть следующие. Если президент заявил, что главной национальной идеей является рост благосостояния народа и при инаугурации клятвенно пообещал исполнять свои обязанности, то необходимо востребовать исполнение данного обязательства. Если лицо, заявившее о своих обязательст-

вах, не способно их исполнить, оно должно быть объявлено политическим банкротом, признано политически недееспособным.

Госмашина управления политическим менеджментом пока очень громоздка и неуклюжа. Функции, возможности и проблемы современного государства образуют сложную и неоднозначную композицию. Если государство обладает функциональными возможностями для решения актуальных практических проблем, то оно должно их решать. Если государство не решает, то необходимо решать в первую очередь эту проблему, необходимо сделать государственное управление эффективным. «Надсоциальность государства», что это – феномен или синдром? Государство в лице класса чиновников превратилось в некую надсоциальную структуру – уйдя в сферу своих собственных интересов, игнорирует реальные интересы общества. Надсоциальность государства является аномалией, нарушением основной функции органической взаимосвязи общества и государства.

Отношения государства и его граждан – важная сторона политической жизни общества. Потеря веры в государство, в его коррумпированные структуры имеет негативные социальные последствия. Тем самым государство порождает категорию граждан, которые его ненавидят. Такая линия отношений вряд ли должна активно развиваться. Негативный образ вряд ли нужен и полезен самому государству. Понимает ли это кто-нибудь из тех, кто имеет высшую власть в российском государстве?

Каков юридический механизм востребования от руководителя страны исполнения взятых на себя обязательств? С другой стороны: почему невыполненные обещания не являются объектом специального анализа, объектом внимания гражданского общества?

Философия власти – вечная тема в динамичном, развивающемся обществе, то есть в том обществе, где меняется контур власти. С этих позиций сегодня оценивается система власти как сложное и неоднозначное социальное явление. Сегодня власть демистифицируется и понимается в более практическом, прикладном, реалистическом аспекте. Именно с этих позиций власть может быть рассмотрена как пространство управления, в рамках которого проявляется феномен, который может быть определён как недостаточность контура управления. Власть может быть определена как пространство сохранения контура управления. В этом отношении, можно отметить, власть должна быть соразмерна по степени сложности организации системы, которой необходимо управлять. Каждая эпоха воспринимает сущность власти по-своему. Важно определить сущность власти в той конкретной исторической социальной ситуации, которая сложилась в первых десятилетиях XXI века, и вместе с тем необходимо постичь сущность власти, понять её основополагающие характеристики.

Человек и глобальный кризис власти оказываются вовлечёнными в общий процесс, где решение проблем одной из этих сторон невозможно без решения проблем другой. Ментальные миры чаще всего не совпадают. Глобальный мир как столкновение различных типов ментальности представляет сложное пространство, в границах которого и происходит это взаимодействие. Несмотря на некоторые претензии, пока не наблюдается доминирование определённого типа ментальности, разные типы ментальности пока сосуществуют, не нарушая границ социальной реальности друг друга. Но такая относительно устойчивая ситуация может измениться. Чего общество ждет от государства? Общество кажется обречённым, если оно состоит из разобщённых людей. И такая разобщённость граждан, как социальный феномен, является действительно опасной,

такая ситуация опасна для общества в целом, а следовательно, и для самой власти. В соответствии с этим возникает вопрос: может ли эта тенденция измениться в положительную сторону?

Власть как социальный механизм, как институт изменяется, наполняется новым содержанием. Сравним: политическая история времён Римской империи, может быть, и не всегда идентична современным политократическим процессам, но определённые устойчивые механизмы повторяются. И всё же появляется множество новых аспектов, которые ранее не проявлялись. Необходим поиск современной модели государственности, учитывающей своеобразие российского государства и ментальности его граждан. Развитие политико-правовой ментальности граждан современной России показывает, что всё большее количество людей действительно серьёзно задумывается над тем, каким образом взаимосвязаны процессы, порождаемые государством в лице его различных ветвей власти, и процессы, непосредственно связанные с жизнью простых граждан этого государства. В отличие от советского общества, факт такого осмысления не является криминальной деятельностью, так как не подрывает идеологию КПСС.

Свобода от государственного диктата – достаточно проблемная сущность. Основные авторитетные научные исследования феномена власти показывают, что это явление симптоматично концентрирует в себе реальные социальные проблемы. Исследование феномена власти есть исследование феномена общества и человека. Идеи Кампанеллы или Томаса Мора формировались в русле поиска того государства и той общественной системы, которые позволили бы изменить негативный характер бытия человека. Во многом развитие представлений об идеальном государстве в российском обществе связано с идеальным образом «воли». Мечта о воле, о свободе и бегство от госу-

дарства связаны в такой ментальности во что-то единое. Государство в этом случае представляется как то, от чего невозможно ждать чего-либо положительного. От государства невозможно получить волю. И этот исторически возникший факт определил не только характер российской гражданской истории, а даже восточные границы государства. Понятно, когда сильному и страшному в своём непонимании государству невозможно ничего объяснить, от него необходимо уйти, сбежать, выйти за его регламентации. Бегство от государства, бегство он негативной политической системы создало в российском обществе достаточно устойчивый тип ментальности. Хаос в «голове» государства проявляется в том, как оно представляет свои основные, и далеко не главные, не основные функции, в системе новых социальных отношений. По сравнению с учением Маркса, которое никак нельзя назвать достаточно мирным, ницшеанские идеи оказали гораздо более сильное воздействие на формирование характера большевистской коммунистической власти. Идея коммунизма как некоего справедливого, почти идеального общества явилась красивой приманкой, привлекающей социальные слои участвовать в данной игре, но по сути дела скрывающей маниакальное желание удерживать власть ради самой власти.

Аморализм большевистской власти – позиция вне нравственности, позиция над моралью – это ницшевский аморализм и практика псевдокоммунистического государства. Пугает преемственность спецслужб постсоветского аппарата в русле данных традиций.

Сущность власти зависит от времени. Меняется время – изменяется форма власти. Власть есть функция социальной системы. Но и сущность общества во многом определяется сущностью власти. Очевидно, что между ними существует внутренняя взаимозависимость, хотя характер этой зависимости изменятся в процессе исторического из-

менения, то есть изменения всех параметров, которые связаны с процессами социального изменения. В традиционном марксистском подходе это можно назвать диалектикой власти общества, но думается, что это взаимосвязь – больше показатель противоречия, чем единства. Конечно, единство существует, но очень уж специфическим оно получается. Иногда кажется, что, наоборот, сущность власти оказывается неизменной, несмотря на то что общество достаточно сильно изменяется, изменяется культура, уровень научного знания, изменяется мода, характер одежды и образ жизни, а вот власть почему-то оказывается все тем же насилием и обманом. Развивается ли власть? Если да, то в чём это развитие действительно выражается? Может быть, власть становится более мощной и сильной, способной более уверенно господствовать над человеком и обществом.

Кризис власти – явление почти неизбежное в любой цивилизации. Но сегодня можно заметить, что власть как социальный институт стоит на пороге серьезного кризиса. Необходимо изменение правовых основ государственности. Недоверие к государству – серьезный фактор, который необходимо учитывать. С другой стороны, кризис – замечательная ситуация для того, чтобы списать свои неудачи именно на сам факт какого-либо кризиса. Просчёты власти не видны, если есть кризисная, якобы объективная ситуация, которая не позволила достигнуть ранее заявленные цели. В этих условиях не надо отвечать за свои ошибки и просчёты, и, если власть опять не желает признавать свои просчёты, значит, ничего по существу не изменилось.

Парадигма кризиса подчас задана системой управленческого социального мировоззрения. Сегодня западная кризиса становится всё более и более опасной, и эта опасность возрастает с уменьшением степени ее осознания. Необходимо максимально серьезно задуматься над сис-

темными параметрами ситуации кризиса. Коммунизм, перестройка, социализм с человеческим лицом, реформация – всё свидетельствует о фатальной неспособности власти получить реальный результат. Говорит ли это о том, что власть как системная сущность неадекватна реальности, тем целям, которые она провозглашает, а потом тихо и стеснительно забывает об этом, чтобы не нести никакой ответственности?

Модернизация также не закончится каким-либо качественным преобразованием. Если власть модернизирует, то, кто же ей будет в этом мешать? А все, кто мешает, могут быть зачислены в число неблагонадёжных?

Интеллектуальный тупик, в который попала российская власть, не является случайной ситуацией, эта ситуация возникла не сразу и развивалась постепенно. Можно утверждать, что количество разрушительных тенденций является не меньшим, если не доминирующим направлением развития событий. Советский Союз разрушился в результате кризиса власти. И когда заканчивалась эпоха коммунистического диктата над собственным народом, закончился и период диктатуры империалистического коммунизма. Тогда казалось, исчезла и та особая ментальность, которая служила основанием данной системы. Развитие событий показало, что этот менталитет не исчез, он продолжает действовать и продолжает порождать соответствующие политические события. Звериный оскал власти, который тогда не казался наигранным, может проявляться и сейчас. Было ясно, что власть такого типа не уходит мгновенно. Было ясно, что процесс не будет легким и быстрым, но трудно было предположить, насколько долгим будет этот процесс. Исчез аппарат, в форме которого данный политический менталитет существовал, но остались духовные и когнитивные основания, позволяющие продолжить существование этого действительно сложного и

неоднозначного феномена политической ментальной культуры. Не исчез и некий непроходящий страх перед прогнозируемой властью.

Как известно, В.И. Ленин достаточно адекватно описал механизмы подготовки и проведения социалистической революции, делая акцент на неспособности власти продолжать своё правление и нежелании общества подчиняться этой власти. В XX веке получила развитие наука конфликтология современная теория, сумевшая объяснить конфликтные ситуации и механизмы из положительного или отрицательного развития. Но с позиций социальной психологии и социологии можно определить такие же критические ситуации, которые возникают по причине неадекватной власти. В этом проявляется своеобразная философия неприятия власти. Ясно, что по законам социальной психологии власть, которая делает жизнь хуже, чем была, воспринимается обществом и человеком отрицательно. Здесь действует закон накопления усталости причем усталость накапливается постепенно, часто непрямолинейно и может долгое время не проявляться.

Слабая, неудачливая, неадекватная власть является таковой вне зависимости от количества спецслужб и современного оружия, при помощи которого эта власть желает себя защищать. Комплексный конфликт между обществом и государством, который был заложен тогда, продолжает действовать и сегодня. Это комплекс страха и недоверия, который не может быть решен так быстро, как хотелось бы, здесь недостаточно только времени, учитывая то, что власть порождает новые импульсы недоверия. Очевидно, что народ, не доверяющий власти, находится в явной или скрытой конфронтации с любой формой власти, которая возникла после такого ментального кризиса.

Пролегомены российской власти можно начать с некоего характерного момента. Власть всегда стремится к

самодостаточности, то есть к тому состоянию, когда она не нуждается в признании её сущности какими-либо внешними факторами. Власть подчас упоительно самодостаточна, но эти состояния рано или поздно проходят. Власть, которая не обращает внимания на этот кризис, создаёт дополнительные факторы собственного кризиса. Но обществу, по сути, этот кризис невыгоден в ещё большей степени, чем самой власти. Понятно, что кризис власти весьма неудобен, он порождает деструктивную ситуацию, последствия которой сказываются не только на том, что снижается экономическая активность общества. Неуверенность в будущем приводит к снижению рождаемости, т. о. власть повинна в том, что не родились новые дети будущие граждане этого государства.

Идеологический кризис возникает, когда власть не понимает народа и не выражает его интересов. Идеологический кризис власти проявляется в ее неспособности создать современную государственную эффективную идеологию, то есть ту доктрину, в которую действительно хочется верить, не боясь обмануться. Чтобы понять природу этого кризиса, необходимо обратиться к сущности того культуроментального феномена, который его порождает. В любом обществе в любое время инакомыслие опасно для власти, хотя это опасно и для самих инакомыслящих – они всегда рассматривались как опасные элементы, и поэтому, считает власть, с ними необходимо бороться. Но главная проблема для власти заключается в том, что инакомыслие невозможно устранить, и власть вынуждена учитывать этот факт.

Партийный кризис возникает даже тогда, когда правящая партия, казалось бы, имея тактическое превосходство, проигрывает в стратегическом плане. Партийный кризис, возникший в результате формирования искусственного однопартийного конгломерата. Он отражает характер той

политической системы, которая возникла и которая своеобразно действует. Она возникла в соответствии с той административной политической системой, которая в очередной раз показала своеобразие российской политики и политической ментальности.

Партии и лидеры в системе политико-правовой ментальности играют подчас по тем правилам, которые удобны только им самим. Особенности политической культуры современного периода российской истории во многом связаны с процессом развития новой партийной ментальности. Естественно, правовая и политическая ментальность формируется как результирующая система социально-психологического характера деятельности, предопределённой когнитивными параметрами, то есть предопределённой особенностями мышления и сознания. И одновременно с этим, появление механизма многопартийности создаёт новые предпосылки для формирования ментальности электората в целом.

Политическое многообразие нашего общества определяет и структуру нашей многопартийной системы. Сегодня мы можем сказать: многопартийная система в Российской Федерации в целом сложилась. Она стала стабильно функционирующим, общенациональным политическим институтом, важнейшим инструментом, обеспечивающим фундаментальные права и свободы нашего народа, в том числе его исключительное право на власть. В то же время многие аспекты политической жизни подвергаются общественной критике. Отмечаются проблемы в организации выборов, низкий уровень политической культуры, дефицит глубоко проработанных альтернативных предложений по конкретным вопросам социально-экономического развития.

Факт возникновения многопартийности говорит лишь о том, что изменилось соотношение политического расклада, но осталась внутренняя структурная организация борьбы

за власть. Во многом остались прежними методы борьбы за власть как таковую. Развитие многопартийности может иметь различные варианты, многие из которых уже обозначились, или же стали достаточно очевидными условия, при которых они могут реализоваться. Игра в расстановку необходимых партийных модификаций, безусловно, будет продолжаться и далее, и в этом отношении могут возникнуть достаточно интересные варианты дальнейшего развития политических событий.

Именно партийная живая динамика развития новых структур показывает, как достаточно быстро возникают и проявляют свои характеристики соответствующие формы организации партийной деятельности, как изменяется само общество в процессе реализации новых партийных структур и движений. Общество действительно изменяется, и, думается, не всегда этот процесс носит очевидный, полностью проявленный характер, именно поэтому необходим пристальный социологический и политологический мониторинг данного явления. Сложность таких процессов будет возрастать, понадобятся новые специалисты – аналитики и организаторы данных процессов. Сценарирование таких процессов создаёт вполне реальную опасность политических игр нового уровня организации. Общество и его граждане в том случае становятся своеобразными заложниками этих неоднозначных политических игр.

В этом процессе правовая и политическая ментальность являются важным, подчас важнейшим фактором, определяющим пути развития политической, экономической и других систем общества. Очевидно, что без достаточно развитого политико-правового менталитета не могут нормальным, адекватным образом развиваться все сферы общества и государства. Но проблема в практическом приложении требует не только ясного теоретического анализа, но и действительной живой практики. В свое время из-

вестный русский философ и правовед И.А. Ильин в своей работе «Партийное строение государства» писал: «Казалось бы, что может быть естественнее и драгоценнее в свободном государстве, как не свободное образование партий?» Действительно, то, что свободные граждане стремятся защитить свои интересы посредством механизмов объединения в партийные союзы, – вполне естественный факт. Политическая философия государственности как форма понимания должна соответствовать реальным задачам, стоящим перед обществом. И в этом отношении можно отметить достаточно интересный парадокс, заключающийся в том, что при наличии достаточного количества ресурсов и объективных факторов социально-политические проблемы не решаются именно в силу отсутствия адекватного современного политико-правового менталитета. Иная логика проявилась при формировании посткоммунистической партийной структуры. При этом, можно определённо сказать, причиной – одной из причин – развала СССР была специфическая партийная ментальность коммунистической партии и её лидеров. Неадекватность мышления, отсутствие реальных инноваций, неспособность быть адекватным современности – всё это фатальным образом предопределило возрастающее негативное отношение к данной партии и той системе, которую она поддерживала. Роль инновационных процессов становится почти обязательной в условиях, когда возникает или продолжается гонка инноваций⁴⁵.

Амитаи Этциони в работе «От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям» отмечает:

⁴⁵ Dan Breznitz. *Innovation and the State: Political Choice and Strategies for Growth in Israel, Taiwan, and Ireland* // Yale University Press, 2007. 288 p.

«Наднациональные институты являются основными строительными блоками новой глобальной архитектуры, которая станет прорывом в постнациональное мироустройство»⁴⁶. Но во многом действительно непонятно: как изменяется контур управления? как изменяется система доминирующих факторов в новой системе управления?

Можно достаточно определённо сказать, что именно факторы ментального порядка определили всенародную нелюбовь к коммунистам как таковым, несмотря на то что многие из них действительно были честными и порядочными тружениками, верящими в высокие идеалы построения «светлого будущего». Можно сказать, что провал теории и практики перестройки имел ментальные основания. В первую очередь это было связано с непониманием тех ментальных сложных и неоднозначных процессов, которые происходили в советском обществе в тот период времени. Партийная система РФ проявила своеобразный, во многом уникальный вариант трансформации однопартийной коммунистической организации в некое количество партий, зарабатывающих свои места в парламенте. Сегодня партийная система России находится в переходном состоянии. И реальные изменения, которые происходят здесь, имеют как явный, так и скрытый смысл.

Сложился определённый тип партийной организованности общества и его политической сферы. Возникла некая партийная дифференциация, партии определили основные направления деятельности, но при этом соответствие деятельности партий интересам общества весьма проблематично. Партийная система современной России включает в себя множество различных факторов. Она не имеет доста-

⁴⁶ Амитай Этциони: пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. 384 с.

точно длительной истории и устойчивого политического брэнда. Помимо того что возникла достаточно определённая политическая группа, интересы которой связаны со сверхбольшими прибылями, существует основная масса населения, положение которой оказывается гораздо ниже аналогичного положения, например, в развитых государствах Европы или США.

Проект партии менеджеров родился, по-видимому, не случайно. Можно легко заметить, что партия «Единая Россия» сформирована по принципу партии управленцев, функционеров партии власти. Такой подход есть несколько запоздалая идея, которую можно было реализовать в условиях перестроечной ситуации. В середине 80-х годов этот проект мог бы дать реальное ускорение всех социально-экономических процессов в советском обществе. Более того, рассматривая по существу аналогичный вариант развития китайской компартии, можно даже сказать, что советский вариант преобразования компартии в партию управленцев при наличии всё более демократической и либеральной культуры мог дать более мощный результат. Китайская политико-правовая культура тысячелетиями несла идею непрерываемого уважения к государству. Но вместе с тем можно отметить, что эта правовая культура уже существовала в Древнем Китае и единство политической и правовой культуры в китайской цивилизации даже выше, чем в российской. Российская политико-правовая культура более эклектична, хаотична, неоднородна, в разных социальных группах представлена слишком различным образом.

Ментальный политический коллапс – крайне нежелательное явление, он может дестабилизировать всё общество. Но очевидно, что процессы восстановления прежней модели уже не работают и не могут работать, даже если попытаться их реанимировать. Может ли руководство ЕПР попытаться понять и повторить достижения китайского пар-

тийного руководства? По-видимому таким образом проблема и не формулируется. Проблема, очевидно, состоит в другом – как удержаться при помощи определённых политтехнологий у власти. Хотя в целом ситуация в последние годы неуклонно ухудшается, достижений в экономике нет, уровень жизни снижается, растёт скрытое недовольство. Политтехнологи в данной сфере весьма изобретательны и интересны. Попытки раздувания определённых партий-однодневок для проталкивания конкретного лица направлены на «вдавливание» в сознание того, что этот кандидат пользуется некой политической поддержкой и представляется неким значимым вариантом выбора. Затем быстрое «сдувание» этого пропиренного имиджа всё ставит на свои места: уходя из новостных лент, лицо парадоксально исчезает из общественного сознания. Эта достаточно простая закономерность активно используется для построения некой модели политической реальности. События в этом мире конструируются специалистами, которые «делают новости». Политическая реальность теряет свою объективную основу, наполняется некими виртуальными псевдосодержательными образами.

Является ли в целом российская система политического менталитета ближе европейской, нежели китайской, азиатской? Оценка такого вопроса весьма проблематична. И в этом заключается одна из общих проблем понимания ментальной природы политического сознания российского общества. Однозначные суждения в этом отношении чаще всего неверны в силу их односторонности. Китайская система морального положения в обществе государства и его чиновников складывалась тысячелетиями. Российская политическая ментальность непредсказуема в плане очередных реформ и модернизаций, зачёркивающих и даже уничтожающих многие прежние достижения. И в этом, очевидно, заключается самая большая проблема – сделать рос-

сийский политический менталитет руководства в достаточной степени прогнозируемым в границах рациональных действий. Лицемерие и политическая агитация сегодня не могут решить те проблемы, которые при помощи данных средств решались в советское время, лимит допустимости таких подходов исчерпан, и игра такими средствами становится всё более безрассудной и даже социально опасной.

Российский политико-правовой опыт здесь менее значим, хотя, безусловно, собственное ментальное развитие российского общества на этом этапе не заканчивается, его прогнозирование поэтому становится достаточно необходимым с позиций современной социологии, политологии, экономики. Либерально-демократическая партия – это партия Жириновского или это партия, выражающая интересы тех сил, которые стоят за данным лидером, или это всё же партия, выражающая интересы социальных групп, общества? Что значат для этой партии реальные либерально-демократические ценности и идеалы? Не остаются ли эти ценности и идеалы лишь эфемерными и антуражными? Так, например, коммунисты заняли условно оппозиционную роль, не будучи способными выразить интересы трудящихся, потеряли свой статус партии «трудового народа». К сожалению, в целом большинство партий потеряло связь с интересами основной части населения РФ. Этот тип построения партийной структуры общества не является позитивным для развития общества в целом.

Современная ситуация достаточно интересна тем, что повторяет определённые ошибки, которые уже были сделаны, но упорно повторяются. В этом есть некая абсурдность ситуации «дежа вю». То есть, учитывая, что фактически КПСС во многом выполняло функции партии менеджеров. И такая модель была разрушена, изменения произошли достаточно существенные, и можно говорить и спорить: была ли способна КПСС измениться таким обра-

зом? Насколько ментальность идеологизированного сознания была способна к такой реальной перестройке? Провал перестройки именно в этом и состоял, не произошло качественной, существенной перестройки ментальности партийного руководства. В тех условиях партийная ментальность фактически была синонимична государственной ментальности. И эта сложная форма ментальной организации политического опыта управления страной должна быть осмыслена с сегодняшних позиций как важная точка процесса ментального политико-правового развития общества.

Для посткоммунистического устройства государство в определённой степени действительно подходит, когда правящая партия оказывается руководящей. По сути дела именно такая модель и должна была бы сработать, проявиться, если бы процесс перестройки был разумно управляемым. Ситуация в тот период времени стала развиваться достаточно непредсказуемым образом, отсутствовало глубокое понимание реальности советского общества. Партия и правительство были фактически неадекватными по отношению к реально существующему обществу и тем ментальным процессам, которые в нём происходили. Этот опыт очень важен, и он нуждается в специальном анализе и особой теоретической интерпретации, ориентированной, естественно, на ситуацию, которая возникла и развивается по прошествии первого десятилетия XXI века.

Современная ситуация неэффективности партийной организации несёт в себе прежние ошибки, и это в первую очередь пренебрежение интересами народа. Ответная реакция общественного сознания обязательно последует, и она выразится не только в тихом неодобрении. Экономический кризис 2009 года создал более острую обстановку в сфере партийной конъюнктуры в РФ, часть партий оказалась практически неспособной занимать реальную влия-

тельную позицию в политической сфере, возник некий минимизированный вариант количества партий, конкурирующих между собой. Возникло одновременно достаточно странное ощущение того, что с суверенной демократией что-то произошло и это произошедшее есть достаточно существенный случай, значимое обстоятельство, которое меняет прежнюю систему политических отношений. Не случайно у многих возникает ощущение, что вместо демократической системы отношений возникла система авторитарного однопартийного режима.

Часть партий, что называется, расписалась в собственном бессилии, оказалась неспособной занимать реально значимые позиции. Этого, впрочем, стоило ожидать, и данный факт был, естественно, прогнозируемым. Уменьшение количества партий со 139 в 1999 году до 14 в 2009 – интересный факт, требующий своего осмысления. Понятно, что данная прогрессия весьма специфична, остаётся надеяться, что каждые десять лет количество партий не будет сокращаться в десять раз. Но и цифра 14 партий тоже весьма настораживает. Понятно, что это состояние весьма неустойчиво и данная точка весьма условна. Возникло ожидание того, каким образом будет ход событий далее.

Правовая, политическая ментальность общества ещё по получила своего должного развития в такой степени, чтобы быть реальным фактором, влияющим на поведение партий и их лидеров. Народ достаточно индифферентно отнёсся к факту сокращения количества партий. Возможно, это признак политического безразличия, что в определённой степени действительно так и есть. Но ситуация по своей сущности явно не нормальная, не адекватная к тому политико-правовому опыту, который сложился и достаточно известен на примере множества различных стран,

прошедших свой путь от партийно-тоталитарной организации к демократическим структурам.

Движение к доминированию одной партии над другими весьма проблематично по своим результатам, финал может быть печален, особенно когда остальные партии не способны реально противостоять наращиванию силы лидирующей партии. Как известно, именно в таком механизме зародилась как большевицкая, так и партия национал-социализма в Германии. Но сходство данного механизма весьма условно, скорее всего, сценарий будет развиваться несколько иначе, хотя неожиданные варианты развития событий всегда возможны. Наращивание административной силы одной партии скорее настораживает, чем радует. И в то же время происходит увеличение ощущений тревоги и беспокойства, понимание опасности данного явления. Сила партии административного доминирования во многом весьма условна и на самом деле не отражает внутренних реальных механизмов развития политического сознания.

Теория и практика обещания работают только до определённого момента. Партии и их лидеры, приходя к власти, обещают некие, мягко говоря, положительные результаты. На деле же получается несколько наоборот. Результат оказывается, как правило, отрицательным. Оправдание всегда находится или просто всё замалчивается, никаких вразумительных объяснений не дается. Возникает вполне естественный вопрос: насколько нормальной является данная ситуация? Почему не отработаны правовые механизмы востребования исполнения обязательств? А в случае их неисполнения – востребования компенсации за нанесённый вред?

Как правило, не очень эффективны благие пожелания не обещать сверх того, что реально можно выполнить. В результате предвыборного соревнования программ возник-

кают обещания, которые практически невыполнимы. Система формирования обещаний оказывается неэффективной и неадекватной тем запросам электората, которые существуют и требуют своей реализации. Фактически возник кризис, и это кризис доверия. Он проявился уже тогда, когда значительная часть избирателей стала ставить свои голоса на очередных выборах в графе «против всех». Этому факту не было придано серьёзного внимания. В итоге постепенно кризис усугубляется, пока он имеет скрытый характер, но постепенно приобретает более негативные открытые проявления. Что в результате этого может сформироваться? Очевидно, что может увеличиться разрыв между властью и обществом. Такой разрыв существует всегда, в России он имеет свои исторические основания и особенности. Достаточно сильным негативным фактором является вся история советской власти, когда оказалась недостигнутой исходно заявленная цель, ради достижения которой были уничтожены или изгнаны из страны многие и многие. Итак, действительно, есть прагматический вопрос: как и что обещать очередному кандидату, избираемому на высокий руководящий пост? И очевидно то, что необходимо изменить саму систему

Нравственная и правовая ответственность власти в гражданском обществе должна носить не только моральный, но и правовой характер. Ясно, что модель гражданского общества, построенная без осознания необходимости универсальных законов морали, будет очередным политическим муляжом. Конечно, общим местом является утверждение о том, что политика – дело грязное и аморальное. Может ли политик быть тем человеком, к которому применяются моральные нормы? Или политик всегда вне моральных оценок?

Философия политики вырастает прямо или косвенно из определённой моральной философии. Так, например, нега-

тивная заслуга Ф. Ницше заключается в том, что он философски сакрализировал и поэтизировал надморальную роль «человека власти» как сверхчеловека. Деяния большевиков и революционеров в России во многом явились продолжением и выражением этой идеологии. Да и выражение «победителей не судят» исторически закрепило тот же самый смысл. Выборы главы государства показывают, насколько сложным является такой выбор, когда страна разделена на две противоположные ментальные группы, кандидаты получили почти одинаковые голоса, разница в несколько процентов, фактически несущественна. Российское общество как носитель прежней тоталитарной культуры сталкивается со многими проблемами, неразрешимость которых связана с неспособностью изменяться ментально. Сегодня формирование партий нового типа происходит, но происходит медленно и не так эффективно, как может быть, хотелось бы, но этот процесс происходит. Системная оппозиция – что это такое? Какой должна быть системная оппозиция, чтобы власть не потеряла качество управления?

Политические партии чаще всего представляют сами себя, они не представляют интересов своих избирателей, интересов общества. И эти факты являются достаточно негативными основаниями для прогнозов. Положительных оснований почти нет, чтобы надеяться на кардинально положительное улучшение ситуации. Правящая власть потеряла достаточное теоретическое основание своей модели управления. Это показывает и то метание между различными политтехнологическими разработками, имеющими весьма сомнительное происхождение, а также уровень научного качества. Влияние через партию возможно, но не всегда правильно. Партия – элемент и инструмент поддержки правительства, способная сыграть достаточно решающую роль. Но при этом, парадоксально, весьма про-

блематично само отношение общества к партийности как таковой, к тому, что деятельность партий прямо или косвенно влияет на жизнь обычного гражданина. Сегодня достаточно очевидно, что партии как игроки политического поля ангажированы структурами крупного бизнеса. В этих условиях весьма проблематично говорить о том, что они будут защищать интересы основной части избирателей. Являются ли партии частью гражданского общества? Безусловно, да. Но можно посмотреть с другой точки зрения. Не превратились ли партии в российском обществе в структуру околосударственной власти, перестав быть частью гражданского общества? То есть всегда существует партийная дифференциация гражданского общества. Но сколько партий должно представлять интересы общества?

В этих условиях ментальность электората играет важную роль. Гражданское общество не может быть развито в той социальной обстановке, когда электорат индифферентен и его политико-правовая ментальность является примитивной. Электорат как социальная группа – наиболее активная часть общества. И, учитывая это, можно управлять поведением электората. Примитивная ментальность электората не может быть изменена вдруг и сразу – необходим достаточно длительный процесс. Но этот процесс не начинается, если не наступит кардинального изменения его поведения. Но однозначно, что прежние методы мобилизационного управления по отношению к современному электорату не могут продолжать действовать. Современный российский электорат не может управляться методами советской идеологической доктрины. Но, с другой стороны, и методы пиаровского мошенничества невозможно признать нормальными и считать, что любые методы, которые могут оказать воздействие на электорат, могут быть допустимы и применимы сегодня.

Ментальность однопартийности чаще – всего упрощенная модель ментальности. Ментальная модель, оставшаяся с советских времен, не мешает созданию дуумвирата власти и партии, занимающей особое положение в системе воздействия на общество. В советской системе КПСС занимала, выражала и надгосударственную идею, но, безусловно, идеологическую позицию, выполняла важную функцию влияния на общественное сознание фактически во всех сферах. Это распространялось также и на все социально активные группы. Партийно-идеологический контроль позволяет управлять поведением общества. При этом общество навязанные идеологические ценности воспринимает как свои.

Иногда высказывают прогнозы прекращения демократической политической жизни, предсказываются модели возникновения полицейского государства. Такая ситуация не может оставаться без достаточного осмысления. В этой связи действительно нарастает недоверие ко всем правительственным структурам, к выборам, к действиям партии, к профсоюзным органам. Профсоюзы к защите социально-экономических интересов фактически оказались не готовы. Конкуренция идет в политической сфере. Партии, отличённые от «партии власти», казалось бы, должны образовывать некое единство, которое, по сути дела, только и может их спасти, и выступить как системная оппозиция по отношению к существующей власти. При этом оказалось, видимо, непонятным, какая должна быть системная оппозиция и каким образом должны быть выстроены стратегические приоритеты действий. Чтобы правящая партия выполняла свои функции достаточно эффективно, она должна быть способной к пониманию реальных ценностей современного общества и электората.

Время, в течение которого российская политико-правовая культура не только формировалась, но достаточ-

но активно, можно сказать, использовалась, применялась, является своеобразным темпоральным фактором всей современной российской культуры. Сегодня этот фактор значим, востребован, и в определённом смысле он может быть рассмотрен как инструмент активной общественно-политической жизни. Этот темпоральный фактор, к сожалению, имеет слишком медленный темп позитивного изменения, но в целом изменение происходит, политико-правовое сознание становится более независимым от идеологического давления правящей партии. По сути дела, в России до сих пор нет партий – есть лидеры, которые пытаются под себя создавать легкие псевдопартийные структуры.

Власть должна быть открытой и публичной. Сегодня это единственный путь к уменьшению причин правонарушений и преступлений, которые власть реально или потенциально способна осуществить. В этом отношении власть как возможность скрытого безнаказанного действия всегда является потенциально криминогенной. По сути дела, необходима новая позитивная, социально положительная модель власти, ответственной перед своим народом. Реальная многопартийность, как механизм, обеспечивающий политическое представительство всех социальных групп общества, должна быть равенством всех участников политической конкуренции партий, легально защищающих интересы общества. По сути дела, сломан механизм возникновения, образования партий, партийного представительства интересов соответствующих социальных групп.

Глобальное время и время российской ментальности, к сожалению, не всегда совпадают. Интересен факт того, что «в этом году, по мнению редакции Foreign Policy, в России не нашлось мыслителей мирового уровня. Составители рейтинга считают, что современная российская мысль не «глобальна» и «не меняет мир», а сама Россия уже не вы-

зывает прежнего интереса»⁴⁶. Действительно, из 100 различных персоналий, отнесённых к интеллектуалам, не нашлось ни одного российского имени. Мотивацией такого ранжирования является критерий «влияния на человечество в 2009 году». Критерий, можно отметить, весьма своеобразный и очень уж своеобразно оценённый. При этом, действительно не питая иллюзий на счёт интеллектуальности российских политиков, можно отметить, что критерий весьма однозначный, субъективный и неадекватный. Тем более что сами американцы весьма скептически относятся к тому, насколько США способны интеллектуально влиять на современный мир.

Политическая ментальность зависит от действия наиболее сильных личностей. Политическая ситуация всегда конкретна, в зависимости от того, какие конкретные типы личности будут доминировать в этой системе, какие будут происходить конкретные изменения, образовываться конкретные возможности. Российские политики высшего уровня мало заботились об интеллектуальном имидже, считая его, по-видимому, либо само собой приходящим и неоспоримым, либо просто не принимая его в серьёзное внимание как фактор реальной политики. И здесь, не становясь на сторону экспертизы Foreign Policy, необходимо отметить, что действительно не помешало бы усилить внимание к этой стороне социальной и, в том числе, политической реальности.

Интеллектуальная сторона российской политики имеет очень важное значение для понимания многих практических событий, происходящих в тех сферах глобальной реальности, в которой Россия проявляет свои интересы и

⁴⁶ URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2009/11/30/the_fp_top_100_global_thinkers

деятельность. Но очевиден и тот важный факт, что в зависимости от того, насколько признаны глобально значимыми те или иные идеи российских политиков и мыслителей, определяется ментальный имидж России и как государства, и как общества, и как культуры.

Факт противопоставления культур достаточно банален сам по себе, но это не умаляет реальной значимости тех процессов, которые происходят и могут происходить, возникают и развиваются. В этом противопоставлении европейской или американской ментальности по отношению к ментальным особенностям российского общества действуют достаточно, может быть, странные, но весьма устойчивые характеристики. Возможно, понимание механизмов их несовпадения кроется не только в том, что интересы политического или экономического порядков здесь не совпадают и это порождает разницу ментального порядка. Возможно, что и сами процессы, происходящие в этих ментальных, интеллектуальных культурах, также имеют своеобразие и фактически не могут, не должны и поэтому не совпадают. По мнению издания «Гуманитарные технологии», «некоторые российские эксперты высказывают мнение, что в современной России просто отсутствуют предпосылки для глобального мышления, так как страна дистанцируется от «нового мирового порядка» в сторону его постоянной критики и поиска некоего «собственного пути». В такой атмосфере могут рождаться лишь идеи для внутреннего пользования, неспособные заинтересовать кого-либо за пределами России»⁴⁷.

Говоря о докладе Института социального развития (ИнСоР), действительно очень важно отразить «основные характеристики желаемого состояния политической систе-

⁴⁷ URL: <http://gtmarket.ru/news/culture/2009/12/09/2256>

мы, экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, внешнеполитического позиционирования нашей страны в XXI веке и первоочередные шаги, которые необходимо предпринять для запуска движения к желаемому завтра»⁴⁸. Должна быть идеология решения принципиально важных проблем. Непонятно с этой точки зрения, если у руководителя высшего уровня есть время для посещения тех ситуативных катаклизмов, где необходимо присутствие управленцев низшего уровня, то почему у этого руководителя нет времени для решения действительно принципиальных вопросов? Если же у руководителя есть время для их решения, то почему они не решаются? Понятно, что государство есть не только субъект, но и объект управления, части которого не всегда работают слаженно и в одном направлении. Движение этих частей может даже производить противоречие и нейтрализацию уже достигнутого положительного эффекта.

Можно сказать в целом, что господствующая партия в данный момент не способна поддержать доктрину социального мира и гарантировать отсутствие социально-политических конфликтов, опасных для современной России. И этот факт дает очень важное понимание социокультурной и политической реальности российского общества в целом. Партийная дифференциация российского общества есть процесс, который ещё покажет свои возможности, может быть, достаточно неожиданно, но это обязательно произойдёт. Должна ли партия «Единая Россия» брать на себя функции управления страной? И является ли данное действие правомочным? Или оно ошибочно? Весьма странная по своей организации, данная конструкция вызывает вполне естественно множество сомнений. Можно ска-

⁴⁸ URL: <http://www.riocenter.ru/ru/news/analytics>

зять в целом, что партия социального мира дает очень важное понимание социокультурной реальности.

Падение авторитета правящей партии связано со множеством факторов. Среди этих факторов в первую очередь опасение вызывает фактор страха перед нарастанием неконтролируемой мощностью этого странного, может быть, по своей конструкции образования. Ясно, что данная конструкция держится на волевой доминанте того лица, которое стоит за этим феноменом. И очевидно, что как только эта волевая доминанта исчезнет, конструкция рассыплется или приобретет новые организационные формы своего существования.

Ситуация, возникшая к 2010 году, показывает, что российское общество и его партийная система взаимосвязаны весьма неоднозначно. Можно отметить, что произошла фрагментация электората, и этот феномен отражает казалось бы, соответствующую партийную структуру. Но этот результат совершенно не соответствует тому, что доминирующее положение в политической системе приобрела только одна партия. Такое несоответствие показывает и ещё раз доказывает неестественность подобной схемы организации партийного представительства интересов общества. Такая искусственная, по сути дела административная схема организации партийного представительства не может долго и успешно работать.

Политико-партийная дифференциация общества есть естественный результат возникновения социальной дифференциации. Создание успешно работающей доминирующей парламентской партии, по сути дела лишь парламентской фракции, явилось, может быть, необходимым этапом нормализации деятельности парламента в целом. И без данного этапа не произошло бы относительной стабилизации деятельности высшего законодательного органа РФ. Но так не может продолжаться достаточно долго, что-

то необходимо менять, если законы демократии ещё действуют. Создание действительной, а не искусственной однопартийности возможно только в том случае, если доминирующая партия как политическая сила способна отражать реальные, а не лозунговые интересы всех социальных слоёв Российской Федерации.

Если исходить из аналитического понимания сложившейся системы партийно-политической дифференциации, то очевидно, что объективно назрела необходимость создания конструктивной оппозиции этой искусственной однопартийности. Если это понимают и те, кого можно назвать архитекторами однопартийности, то они должны предложить определённую схему, позволяющую выйти из этой неловкой ситуации достаточно положительным образом. Очевидно, что система оппозиции является частью, как это ни парадоксально, правящей партии. Крайности, которые здесь могут возникнуть, достаточно понятны. Оппозиция может блокировать нормальную деятельность правящей партии. Отсутствие реальной оппозиции смотрится действительно как-то неприлично, недемократично, неестественно. Уважительное отношение как к правящей партии, так и к – оппозиции необходимое условие развития политической системы и поддержания её работоспособности. Но проблема, как говорится, остаётся. Реальная многопартийность, как механизм, обеспечивающий политическое представительство всех социальных групп общества, должна быть равенством всех участников политической конкуренции партий, легально защищающих интересы общества. По сути, сломан механизм образования партий, партийного представительства интересов соответствующих социальных групп.

Квазимногопартийность возникает как модель, позволяющая скрыть реальную сущность политико-правовой системы. Возможно, страх перед оппозицией привёл к не-

обходимости принятия закона о расширении полномочий ФСБ. «Кремль все еще страшно боится, что в России произойдет "оранжевая революция", если людям позволить собираться на улицах»⁴⁹.

Влияние через партию как метод не всегда оправдывает себя. Партия – элемент и инструмент поддержки правительства, способный сыграть достаточно решающую роль. Весьма проблематично отношение общества к партийности как таковой, к тому, что деятельность партий прямо или косвенно влияет на жизнь обычного гражданина. Очевидно, игроки политического поля ангажированы структурами крупного бизнеса. В этих условиях весьма проблематично говорить о том, что они будут защищать интересы основной части избирателей. И здесь неясно, всегда ли существует партийная дифференциация гражданского общества? Но сколько партий должно представлять интересы общества?

Ментальность электората в этой системе играет свою важную роль. Гражданское общество не может быть развито в той социальной обстановке, когда электорат индифферентен и его политико-правовая ментальность является примитивной. Электорат как социальная группа – наиболее активная часть общества. И, учитывая это, можно управлять поведением электората. Но примитивная ментальность электората не может быть изменена вдруг и сразу – необходим достаточно длительный процесс. Но этот процесс не начинается, если не наступит кардинального изменения его поведения.

⁴⁹ ФСБ будет грозить пальцем за "мыслепреступления" // <http://www.inopressa.ru/article/30Jul2010/inotheme/russia.html>

Технология воздействия становится всё более мощной, но и механизмы защиты от политического спама тоже развиваются. Если «монополярная партия» поддержит любые действия правительства, то снижается ли эффективность критики этого правительства?

Изменение партийной модели определяется множеством факторов. Современная партийная модель представления социальных интересов должна быть достаточно оптимизирована. Это породило новые правила фракционной игры партий в парламенте, в СМИ, в обществе. Политический кризис власти завязан в этих множественных деталях отдельных проблем, и не видно стратегического подхода к их решению. Политический кризис власти проявляется в неспособности оптимально контролировать сложные политические процессы, происходящие в современном обществе.

Экономический кризис власти очень оказался не кстати в данной ситуации. Экономический кризис власти проявляется в неспособности создать механизм эффективной экономики и обеспечить достаточный уровень, качество жизни для основной части населения.

Правовой кризис – явный сигнал к тому, что надо пересматривать всю правовую систему. Правовой кризис проявляется в том, что власть не соблюдает ею же установленные законы, нарушая тем самым фундаментальные принципы правового государства, в частности принцип равенства всех перед законом. Ментальный кризис при этом усиливает негативную величину результатов. Власть имеет свои механизмы формирования, власть формируется в соответствии со всеми социальными обстоятельствами, активно влияющими на данный процесс. И эти механизмы в их историческом многообразии проявляют общие свойства. На наш взгляд, это свойства психологического, ментального порядка. Ментальный кризис проявляется в не-

способности власти быть интеллектуальной силой, интеллектуальным лидером, способным играть ведущую роль в социальных культурных процессах. Интеллигенция, как социальная группа, выполняющая особую духовную и культурную деятельность, претерпела существенные изменения за последние два века. Подчас кажется, что эта особая социальная группа почти исчезла, но, думается, возможно возрождение интеллигенции и её роли в современном обществе. В тот момент, когда интеллигенция почти исчезла из сферы активной социальной деятельности, она способна возродиться, и снова найдутся лидеры высокой интеллектуальной духовной деятельности.

Необходим ментальный пиар страны в целом. Это связано с тем, что все средства массовой информации создали активный и достаточно навязчивый ряд образов тупых ментов, тупых бандитов, тупых солдат и офицеров, тупых начальников, тупых и несмешных «камеди клуб». Необходимо отказаться от этого негативного пиара, такой негативный пиар порождает массу негативных следствий. Вместо модернизации страны необходима её интеллектуализация.

Принцип запрета глупости заключается в очень простом требовании: власть должна быть адекватной современному обществу, власть, которая не понимает этого, является неадекватной. Если представители власти не способны понимать процессы, происходящие в современной науке, искусстве, они не должны определять развитие этих процессов. Власть, не разбирающаяся в искусстве, не должна судить об искусстве. Интеллектуальный тупик и ментальный кризис власти взаимосвязаны. И это связано с латентными постулатами власти: власть всегда самодостаточна и надменна. Следствием этого является то, что власть не способна быть адекватной. Власть не должна выглядеть глупо. Глупость власти опасна для самой власти и

преступна по отношению к обществу. Интеллектуальность власти заключается в её способности задавать общементальный алгоритм интеллектуального способа решения реальных социальных проблем. Власть не должна ненавидеть свой народ, то общество, которое даёт этой власти полномочия. Вместе с тем психологический кризис власти проявляется в отсутствии реального, а не показного доверия.

Духовный кризис власти проявляется в ее бездуховности и двуличии. Власть бездуховна, и эта пропасть бездуховности становится всё более значительной, в худшем варианте, может быть, и более страшной формой кризиса. Моральный кризис возникает, может быть, и незаметно, но он развивается. Власть цинична по своей природе в силу того, что всех она воспринимает как объект своего управления.

Глобальный кризис власти заключается не только в том, что власть не может быть безгрешной, честной, некриминальной, более всего этот кризис заключается в том, что существующие институты власти оказываются неспособными управлять социальными, культурными или экономическими процессами. Власть, не способная к творческому развитию, обречена на перманентный кризис, из которого ей трудно найти выход. Тем более, если власть существует сама для себя, она не способна добиваться положительных результатов.

Пустота власти – феномен опустошения её самосознания. Во многом он проявляется в бессмысленности её действий. В особенности это очевидно, когда власть находится в этой пустоте смысла, но не может из этого пространства выйти. Во многом это связано с тенденцией власти к самодостаточной определённости, которую можно характеризовать как автодетерминацию власти и желание жить за счёт общества. Механизм кризиса власти заложен в ее собственной силе и мощности, в её неконтролируемом

господстве над обществом и человеком. Власть, не способная решать важные семантические проблемы, закладывает соответствующие проблемы. Общество становится всё более сложной конструкцией, и если власть, как субъект данной социальной реальности, не соответствует этой реальности, она внутренне конфликтна этой социальной системе.

Управленческий кризис власти усиливается, если не принимаются стратегические решения. В этих условиях пустая активность власти только усиливает кризис. Необходимо адекватное самосознание власти. Самосознание власти есть способ отражения собственной реальности и форма проектирования новых моделей самоорганизации власти. Очевидно, что аппарат управления, предназначенный для управления соответствующим объектом, на который направлено это действие, должен обладать собственной организацией, рассматривать себя как объект самоорганизации.

Власть не аутентична, она самоограничена, и в результате этого она почти не слышит никого, кроме себя. В лучшем случае власть способна решать какие-то свои специфические проблемы. И в этой ситуации общество – обуза для самодостаточной власти. Неадекватное управление создаёт кризисную ситуацию. Управленческий кризис власти проявляется в неспособности создать эффективную систему управления и решать актуальные реальные задачи, а не только раздавать обещания, заключающиеся в том, что через сколько-то лет «всё будет хорошо». Понимая, что российское государство традиционно ориентировано на достаточно силовое и мощное по своей форме образование, понятие «слабое государство» может быть интерпретировано не как то, что указывает на недостаток вооруженной силы или недостаточность спецслужб, а как – что очень важно – морально слабое. Необходимо ли действи-

тельно связывать понятие «силовое» только со способностью подавлять при помощи силы всех и всё, что может показаться опасным? Сегодня государство как никогда находится в безопасности, ему грозят не столько внешние, сколько внутренние, собственные факторы опасности. Сегодня государство может быть разрушено только по причине собственных ошибок, и в первую очередь это ошибки организационного порядка, среди которых наиболее важными являются ошибки профессионального порядка. Власть как сущность и явление содержит в себе множество характеристик любого общества.

Власть – формализованная абстрактная сущность системы управления. Конкретная реальность власти связана с существованием конкретного лица, исполняющего обязанности, действия, наполненные конкретным социальным содержанием.

Персоналистический кризис власти – продолжение системного кризиса. Человек власти – это политическая психоконструкция. Феномен «институт власти» необходимо отделить от феномена «человек власти». Человек, наделённый властью, – достаточно странное явление. Человек, получивший власть, всегда становится другим настолько, что может становиться опасным для общества. Персоналистический кризис власти выражается в том, что представители власти становятся всё более карикатурными в своих попытках казаться весомыми и значительными для общества. Выход за пределы старой парадигмы управления требует изменения формулировки новой теоретической матрицы, определяющей понимание системы управления. Необходим выход на уровень метапарадигмы, под которой понимается новая модель эффективного управления. Сегодня эта модель управления не может работать без учёта сущности современного гражданского общества, и эти стратегии, предполагаемые на определённых этапах, не

являются однозначно положительными вне границ конкретной ситуации.

Лидер, лицо, принимающее решение, имеет собственную индивидуально сложившуюся схему понимания философии, общей стратегии управленческой деятельности. Абстрактная над-индивидуальная реальность власти связана с тем, что помимо отдельного конкретного человека есть свойства и характеристики власти, которые достаточно устойчивы, и они изменяются медленнее или почти не изменяются. Они обладают более устойчивыми характеристиками, существующими в своём почти отдельном пространственно-временном континууме. Неизбежно возникает потребность в новой системе управления. В этой ситуации институт власти приобретает также новые характеристики, он должен быстро и адекватно изменяться, соответствуя той ситуации, которая формируется в результате развития информационных технологий и сетевого пространства, в границах которого становятся актуальными многие функции современного государства.

Новые элементы сетевой реальности воздействуют на работу государственных и общественных учреждений, в этой связи возникает подчас желание руководителей государственных органов контролировать эти явления, что не всегда соответствует сложившимся правовым нормам. Новые элементы данного порядка приводят к возникновению новых уровней современных информационных систем управления.

Системно-семантический кризис власти – кризис всех смысловых оснований власти. Доминирующий тип управления в системе сложившихся функций рано или поздно сталкивается с противоречиями изменившейся реальности. Сила реальности сильнее самого сильного государства. Реальный кризис власти имеет множество проявлений, в соответствии с чем имеется множество фактов. Но осознание

данного кризиса лишь на уровне фактов явно недостаточным, необходимо системное понимание данного сложного явления и проявления стоящей за ним сущности. Кто-то должен в данный момент времени понять необходимость поиска выхода из сложившейся кризисной ситуации.

Институт власти приобрел чрезвычайно сложную форму, конструкция власти усложнилась, и власть как аппарат и система управления сама стала неуправляемой. Власть имеет огромную внутреннюю непрозрачную структуру. Можно говорить на этом основании о некой латентной власти, то есть о власти, которая существует, но не проявляется в достаточной степени как для общества, так и для высших уровней управления властными структурами. Думается, что этот кризис в первую очередь проявляется как ментальный кризис с безусловной этической составляющей. Безнравственность власти в условиях кризиса – наиболее пугающее явление.

Необходима новая область осмысления феномена власти. Необходима новая модель, схема, организация, парадигма. И в данном отношении речь идёт не столько о форме правления, сколько именно о системной модели во взаимодействии власти, общества и человека в системе новых уровней управления.

Глобальный кризис института власти проявляется не в том, что нет общей системы понимания и действия в этой ситуации. Хотя очевидно, что существующие модели современной глобальной власти противоречат друг другу и не совпадают, несовместимы или даже взаимоисключаемы. Кризис проявляется в том, что он как некое самостоятельное явление развивается, несмотря на, казалось бы, разумные действия игроков этого глобального пространства взаимодействия современных государств. Неслучайно то, что в этой ситуации возникает необходимость осмысления надгосударственных систем и контуров управления.

В качестве заключительной мысли можно отметить следующее.

Назревает глобальный семантический кризис. Сегодня этот кризис находится на стадии всеобщего смыслового хаоса. Происходит обесмысливание института власти. Власть потеряла свою ауру мистической сущности, и поэтому возникла необходимость рационально-прагматического понимания власти как соответствующего института общества. В этой ситуации существующие смыслы становятся некоррелируемыми.

Корреляция смысловых компонентов, определяющих поведение человека и общества, теряет свою чёткую структуру, во многом это связано с эпохой постмодернистской культуры, с плюрализмом ценностей.

Семантический кризис власти опасен не столько даже для самой власти, сколько для общества в целом. Понятно, что такой кризис вызовет слишком сильные негативные последствия. Мировой финансовый кризис со всей очевидностью показывает это явление, показывает фактическое отсутствие глобальной системы корреляции финансовых и экономических систем. Это по сути дела первый этап глобального кризиса института власти.

Семантический кризис власти опасен как ситуация, которая является симптомом более опасной ситуации – ситуации семантического коллапса всей системы цивилизаций. И это уже не просто столкновение цивилизаций по модели Хантингтона. Это будет неконтролируемый процесс, хотя очевидно, что будет доминировать его негативная векторность.

Возникают надгосударственные структуры управления – транснациональные. Наднациональные парадигмы управления проявляются в механизмах Евросоюза, большой восьмёрки, большой двадцатки. G8 и G20 формируются как необходимый шаг в решении общих проблем. В

результате этого возникают феномены эфемерности государства в его национальной форме. Образование надгосударственных механизмов приводит к возникновению принципиально нового порядка. В этих условиях изменяется и ряд функций государственной системы управления.

Власть уже стала слишком мощной и слишком неуправляемой. И более всего опасной является тенденция нарастания глобального кризиса власти как социального института. Прогнозы о том, что Россия в течении ближайших 10–15 лет превратится в наднациональное государство, имеют под собой основания в виде общей тенденции формирования наднациональных структур. Кто-то видит в этом возможность образования Новой Большой России, кто-то – тенденцию разрушения России как государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Финансовый золотой паук – символ финансовой власти. И этот финансовый золотой монстр плетёт свои нити, усиливая или ослабляя финансовую власть над миром. Невольно приходит образ огромного глобального золотого паука, который плетёт свои нити, и все они похожи на реальные, золотые, но на самом деле многие из них являются лишь фикцией, виртуальными, мнимыми – они нереальны. И в определённый момент паук, передвигаясь по своей паутине, попадает в область видимых, но не существующих нитей. Он проваливается. С этого момента начинается финансовый кризис, вызванный несостыковкой финансовых действительных и мнимых реальностей. Вывод прост: не все блестящие, похожие на золотые нити на самом деле являются золотыми. Многих нитей и целых секторов нет, они не существуют, хотя кажутся существующими.

Мир, становясь более сложным, становится виртуализированным. Власти часто кажется, что её власть есть, но на самом деле очень часто власть является фикцией, миражом, пустой видимостью. Опасность неадекватного понимания властью того, чем на самом деле она является, оказывается для общества очень опасной и дорогостоящей.

Кризис финансовый, экономический, политический, управленческий, идеологический – всё это во многом проявление кризиса особого духовного порядка. С таким кризисом, сложным и неоднозначным, человечество, по видимому, ещё не сталкивалось. Ясно, что это кризис системного порядка, поэтому необходимы особые теоретические и практические усилия для его разрешения. Отдельные бессистемные действия, вне зависимости от их цены,

стоимости, затратности, не способны вывести глобальный мегасоциум из кризиса. Необходимо новая смысловая матрица XXI века. Именно бессмысленный человек и бессмысленное общество, бессмысленное государство порождают перманентный кризис.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колмаков Владимир Юрьевич руководитель Исследовательского центра современных гуманитарных технологий при СибГТУ, учёный секретарь Красноярского отделения Российского философского общества.

Лазуткин Андрей Петрович Доцент СибГТУ, кандидат философских наук.

Расказов Леонид Дементьевич. Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социологии СибГТУ.

Чеклецов Вадим Викторович Институт философии РАН, сектор междисциплинарных исследований.

Оглавление

Введение.....	3
Ментальный кризис власти с позиций когнитивной политологии	5
Организационно-управленческие истоки глобального превосходства США	51
Философия кризисного мышления.....	95
Техногенность власти	115
Конвергентные технологии и Разумная среда: значение для России	140
Экзистенциальная политология	176

Подписано в печать 4.04.11. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 13,25. Бумага офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ 486. Цена свободная

Отпечатано в типографии «ЛИТЕРА-принт»,

т. 295-03-40